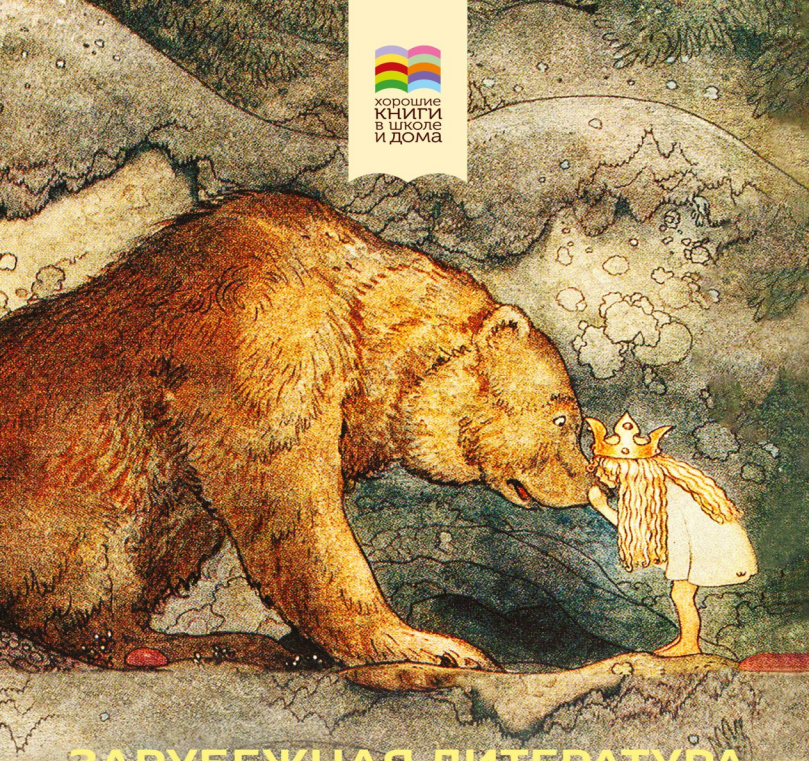


хорошие КНИГИ в школе и дома

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ

для начальной школы

1 и 2 классы

Хрестоматия для начальной школы. 1 и 2 классы. Зарубежная литература

Коллектив авторов

Аннотация
Хрестоматия для начальной школы. 1 и 2 классы. Зарубежная литература
Сказки народов мира
Аладдин и волшебная лампа. Арабская сказка из «Тысячи и одной ночи»
Бедняк и братья-ветры. Карельская сказка
Великан Дреглин Хогни. Шотландская сказка
Волк, улитка и осы. Французская сказка
Волшебный колодец. Киргизская сказка
Два брата. Латышская сказка
Джамхух – сын оленя. Абхазская сказка
Жадная мельничиха. Украинская сказка
Журавлиные перья. Японская сказка
Золотой кувшин. Адыгейская сказка
Как осел проглотил луну. Французская сказка
Клубок шерсти. Французская сказка
Лесной человек Яг-морт. Сказка народа коми
Мороз и морозец. Литовская сказка
Обезьянье царство. Японская сказка

Ох. Белорусская сказка
Сказка о змее и Шиваре. Армянская сказка
Сказка про бедного сапожника. Грузинская сказка
Соловей. Татарская сказка
Три желания. Эстонская сказка
Хитрый Петр и змей. Болгарская сказка
Хромая Молли. Английская сказка
Черепаха и скорпион. Узбекская сказка
Черная лисица. Аварская сказка
Сказки зарубежных писателей
Ш. Перро
Кот в сапогах
Красная Шапочка
Спящая красавица
Я. Гримм, В. Гримм
Соломинка, Уголь и Боб
Храбрый портняжка
Госпожа Метелица
Бременские музыканты
Золотой гусь
Сладкая кашица
Семеро швабов
Гора Симели
Г.-Х. Андерсен
Огниво

Принцесса на горошине
Дюймовочка
Русалочка
Новое платье короля
Стойкий оловянный солдатик
Гадкий утенок
Снежная королева
Рассказ первый. Зеркало и его осколки
Рассказ второй. Мальчик и девочка
Рассказ третий. Цветник женщины, умевшей колдовать
Рассказ четвертый. Принц и принцесса
Рассказ пятый. Маленькая разбойница
Рассказ шестой. Лапландка и финка
Рассказ седьмой. Что происходило в чертогах снежной королевы и что случилось потом
Р. Киплинг
Рикки-Тикки-Тави
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Как верблюд получил свой горб

Аннотация

В книгу включены сказки народов мира, сказки зарубежных писателей, которые проходят в 1-2 классах начальной школы. Не тратьте время на поиски литературы, ведь в хрестоматии есть всё, что необходимо и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Издание полностью соответствует нормам и требованиям ФГОС.

Хрестоматия для начальной школы. 1 и 2 классы. Зарубежная литература

© Салье М., перевод на русский язык. Наследники, 2022
© Любарская А., перевод на русский язык. Наследники, 2022
© Маркова В., перевод на русский язык. Наследники, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Сказки народов мира

Аладдин и волшебная лампа

Арабская сказка из «Тысячи и одной ночи»

Художник Альбер Робида

Водном персидском городе жил бедный портной Хасан. У него были жена и сын по имени Аладдин. Когда Аладдину исполнилось десять лет, отец его сказал:

— Пусть мой сын будет портным, как я, — и начал учить Аладдина своему ремеслу.

Но Аладдин не хотел ничему учиться. Как только отец выходил из лавки, Аладдин убегал на улицу играть с мальчишками. С утра до вечера они бегали по городу, гоняли воробьев или забирались в чужие сады и набивали себе животы виноградом и персиками.

Портной и уговаривал сына, и наказывал, но все без толку. Скоро Хасан заболел с горя и умер. Тогда его жена продала все, что после него осталось, и стала прясть хлопок и продавать пряжу, чтобы прокормить себя и сына.

Так прошло много времени. Аладдину исполнилось пятнадцать лет. И вот однажды, когда он играл на улице с мальчишками, к ним подошел человек в красном шелковом халате и большой белой чалме. Он посмотрел на Аладдина и сказал про себя: «Вот тот мальчик, которого я ищу. Наконец-то я нашел его!»

Этот человек был магрибинец — житель

Магриба. Он подозвал одного из мальчиков и расспросил его, кто такой Аладдин, где живет. А потом он подошел к Аладдину и сказал:

— Не ты ли сын Хасана, портного?

— Я, — ответил Аладдин. — Но только мой отец давно умер.

Услышав это, магрибинец обнял Аладдина и стал громко плакать.

— Знай, Аладдин, я твой дядя, — сказал он. — Я долго пробыл в чужих землях и давно не видел моего брата. Теперь я пришел в ваш город, чтобы повидать Хасана, а он умер! Я сразу узнал тебя, потому что ты похож на отца.

Потом магрибинец дал Аладдину два золотых и сказал:

— Отдай эти деньги матери. Скажи ей, что твой дядя вернулся и завтра придет к вам ужинать. Пусть она приготовит хороший ужин.

Аладдин побежал к матери и рассказал ей все.

— Ты что, смеешься надо мной?! — сказала ему мать. — Ведь у твоего отца не было брата. Откуда же у тебя вдруг взялся дядя?

— Как это ты говоришь, что у меня нет дяди! — закричал Аладдин. — Он дал мне эти два золотых. Завтра он придет к нам ужинать!

На другой день мать Аладдина приготовила

хороший ужин. Аладдин с утра сидел дома, ожидал дядю. Вечером в ворота постучали. Аладдин бросился открывать. Вошел магрибинец, а за ним слуга, который нес на голове большое блюдо со всякими сластями. Войдя в дом, магрибинец поздоровался с матерью Аладдина и сказал:

— Прошу тебя, покажи мне место, где сидел за ужином мой брат.

— Вот здесь, — сказала мать Аладдина.

Магрибинец принялся громко плакать. Но скоро он успокоился и сказал:

— Не удивляйся, что ты меня никогда не видела. Я уехал отсюда сорок лет назад. Я был в Индии, в арабских землях и в Египте. Я путешествовал тридцать лет. Наконец мне захотелось вернуться на родину, и я сказал самому себе: «У тебя есть брат. Он, может быть, беден, а ты до сих пор ничем не помог ему! Поезжай к своему брату и посмотри, как он живет». Я ехал много дней и ночей и наконец нашел вас. И вот я вижу, что хотя мой брат и умер, но после него остался сын, который будет зарабатывать ремеслом, как его отец.

— Как бы не так! — сказала мать Аладдина. — Я никогда не видела такого бездельника, как этот скверный мальчишка. Хоть бы ты заставил его помогать матери!

— Не горюй, — ответил магрибинец. — Завтра мы с Аладдином пойдем на рынок, я куплю ему красивый халат и отдам его в ученье к купцу. А когда он научится торговать, я открою для него лавку, он сам станет купцом и разбогатеет… Хочешь быть купцом, Аладдин?

Аладдин весь покраснел от радости и кивнул головой.

Когда магрибинец ушел домой, Аладдин сразу лег спать, чтобы скорее пришло утро. Едва рассвело, он вскочил с постели и выбежал за ворота встречать дядю. Магрибинец вскоре пришел. Прежде всего они с Аладдином отправились в баню. Там Аладдина хорошенько вымыли, обрили ему голову и напоили розовой водой с сахаром. После этого магрибинец повел Аладдина в лавку, и Аладдин выбрал себе самую дорогую и красивую одежду: желтый шелковый халат с зелеными полосами, красную шапку и высокие сапоги.

Они с магрибинцем обошли весь рынок, а потом пошли за город, в лес. Был уже полдень, а Аладдин с утра ничего не ел. Он очень проголодался и устал, но ему было стыдно признаться в этом.

Наконец он не выдержал и спросил своего дядю:

— Дядя, а когда мы будем обедать? Здесь ведь нет ни одной лавки, а ты ничего не взял с собой из города. У тебя в руках только один пустой мешок.

— Видишь вон там, впереди, высокую гору? — сказал магрибинец. — Я хотел отдохнуть и закусить под этой горой. Но если ты очень голоден, можно пообедать и здесь.

— Откуда же ты возьмешь обед? — удивился Аладдин.

— Увидишь, — сказал магрибинец.

Они уселись под высоким густым деревом, и магрибинец спросил Аладдина:

— Чего бы тебе хотелось сейчас поесть?

Мать Аладдина каждый день варила к обеду одно и то же блюдо — бобы с конопляным маслом. Аладдину так хотелось есть, что он сразу ответил:

— Дай мне вареных бобов с маслом!

— А не хочешь ли ты жареных цыплят? — спросил магрибинец.

— Хочу! — обрадовался Аладдин.

— Не хочется ли тебе рису с медом? — продолжал магрибинец.

— Хочется! — закричал Аладдин. — Всего хочется! Но откуда ты возьмешь все это, дядя?

— Из этого мешка, — сказал магрибинец и развязал мешок.

Аладдин с любопытством заглянул в мешок, но там ничего не было.

— Где же цыплята? — спросил Аладдин.

— Вот! — сказал магрибинец. Он засунул руку в мешок и вынул оттуда блюдо с жареными цыплятами. — А вот и рис с медом, и вареные бобы, вот и виноград, и гранаты, и яблоки!

Магрибинец стал вынимать из мешка одно кушанье за другим, а Аладдин, широко раскрыв глаза, смотрел на волшебный мешок.

— Ешь, — сказал магрибинец Аладдину. — В этом мешке есть всякие кушанья. Опусти в него руку и скажи: «Хочу баранины, халвы, фиников», и все это у тебя будет.

— Вот так чудо! — сказал Аладдин. — Хорошо бы моей матери иметь такой мешок!

— Если будешь меня слушаться, — сказал магрибинец, — я подарю тебе много хороших вещей. А теперь выпьем гранатового соку с сахаром и пойдем дальше.

— Куда? — спросил Аладдин. — Я устал, и уже поздно. Пора домой.

— Нет, — сказал магрибинец, — нам нужно дойти сегодня вон до той горы. А когда мы вернемся

домой, я подарю тебе этот волшебный мешок.

Аладдину очень не хотелось идти, но, услышав про мешок, он тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, идем.

Магрибинец взял Аладдина за руку и повел к горе. Солнце уже закатилось, и было почти темно. Они шли очень долго и наконец пришли к подножию горы. Аладдину было страшно, он чуть не плакал.

— Набери тонких и сухих сучьев, — сказал магрибинец. — Надо развести костер. Когда он разгорится, я покажу тебе что-то такое, чего никто никогда не видел.

Аладдину очень захотелось увидеть то, чего никто никогда не видел. Он забыл про усталость и пошел собирать хворост.

Когда костер разгорелся, магрибинец вынул из-за пазухи коробочку и две дощечки и сказал:

— О Аладдин, я хочу сделать тебя богатым и помочь тебе и твоей матери. Исполняй же все, что я тебе скажу.

Он раскрыл коробочку и высыпал из нее в огонь какой-то порошок. И сейчас же из костра поднялись к небу огромные столбы пламени — желтые, красные и зеленые.

— Слушай внимательно, Аладдин, — сказал

магрибинец. — Сейчас я начну читать над огнем заклинания, а когда я кончу, земля предо мной расступится, и ты увидишь большой камень с медным кольцом. Возьмись за кольцо и подними камень. Под камнем будет лестница, которая ведет в подземелье. Спустись по ней и увидишь дверь. Открой эту дверь и иди вперед. Ты встретишь страшных зверей и чудовищ, но не бойся: как только ты дотронешься до них рукой, чудовища упадут мертвыми. Ты пройдешь три комнаты, а в четвертой увидишь старуху. Она ласково заговорит с тобой и захочет тебя обнять. Не позволяй ей до себя дотронуться, иначе ты превратишься в черный камень. За четвертой комнатой ты увидишь большой сад. Пройди его и открой дверь на другом конце сада. За этой дверью будет большая комната, полная золота и драгоценных камней. Возьми оттуда все, что хочешь, а мне принеси только старую медную лампу, которая висит на стене, в правом углу. Когда ты принесешь мне лампу, я подарю тебе волшебный мешок. А на обратном пути тебя будет охранять от всех бед вот это кольцо.

И он надел на палец Аладдину маленькое блестящее колечко.

Услышав о страшных зверях и чудовищах,

Аладдин очень испугался.

— Дядя, — спросил он магрибинца, — почему ты сам не хочешь спуститься под землю? Иди сам за своей лампой, а меня отведи домой.

— Нет, нет, Аладдин, — сказал магрибинец, — никто, кроме тебя, не может пройти в сокровищницу. Клад лежит под землей уже много сотен лет, и достанется он только мальчику по имени Аладдин, сыну портного Хасана. Слушайся меня, а не то тебе будет плохо!

Аладдин испугался еще больше и сказал:

— Ну хорошо, я принесу тебе лампу, но только смотри, подари мне мешок!

— Подарю! Подарю! — закричал магрибинец.

Он подбросил в огонь еще порошку и начал читать заклинания. Он читал все громче и громче, и когда наконец выкрикнул последнее слово, раздался оглушительный грохот и земля расступилась перед ними.

— Поднимай камень! — закричал магрибинец страшным голосом.

Аладдин увидел у своих ног большой камень с медным кольцом. Он обеими руками ухватился за кольцо, потянул к себе камень и легко поднял его. Под камнем была большая круглая яма, а в глубине ее виднелась узкая лестница. Аладдин

сел на край ямы и спрыгнул на первую ступеньку лестницы.

— Ну, иди и возвращайся скорее! — крикнул магрибинец.

Аладдин быстро пошел вниз. Чем ниже он спускался, тем темнее становилось вокруг, но он, не останавливаясь, шел вперед.

Дойдя до последней ступеньки, Аладдин увидел широкую железную дверь. Толкнув ее, он вошел в большую полутемную комнату и вдруг увидел посреди комнаты странного негра в тигровой шкуре. Негр молча бросился на Аладдина, но Аладдин дотронулся до него рукой, и он упал на землю мертвым.

Аладдину было очень страшно, но он пошел дальше. Он толкнул вторую дверь и невольно отскочил: перед ним стоял огромный лев с оскаленной пастью. Лев припал всем телом к земле и прыгнул прямо на Аладдина. Но едва его передняя лапа задела голову мальчика, как лев упал на землю мертвым.

Аладдин от испуга весь вспотел, но все-таки пошел дальше. Он открыл третью дверь и услышал страшное шипение: посреди комнаты, свернувшись клубком, лежали две огромных змеи. Они подняли головы и, высунув длинные жала, мед-

ленно поползли к Аладдину. Но как только змеи коснулись руки Аладдина своими жалами, их сверкающие глаза потухли и они растянулись на земле мертвыми.

Дойдя до четвертой двери, Аладдин осторожно приоткрыл ее. Он просунул в дверь голову и увидел, что в комнате нет никого, кроме маленькой старушки, с головы до ног закутанной в покрывало. Увидев Аладдина, она бросилась к нему и закричала:

— Наконец-то ты пришел, Аладдин, мой мальчик! Как долго я ждала тебя в этом темном подземелье!

Аладдин протянул к ней руки: ему показалось, что это его мать. Он хотел уже обнять ее, но вовремя вспомнил, что если он до нее дотронется, то превратится в черный камень. Он отскочил назад и захлопнул за собой дверь. Подождав немного, он снова приоткрыл ее и увидел, что в комнате уже никого нет.

Аладдин прошел через эту комнату и открыл пятую дверь. Перед ним был прекрасный сад с густыми деревьями и душистыми цветами. На деревьях громко щебетали маленькие пестрые птички. Они не могли далеко улететь: им мешала тонкая золотая сетка, протянутая над садом. Все

дорожки были усыпаны круглыми сверкающими камешками.

Аладдин бросился собирать камешки. Он запихивал их за пояс, за пазуху, в шапку. Он очень любил играть в камешки с мальчишками.

Камни так понравились Аладдину, что он чуть не забыл про лампу. Но когда камни некуда было больше класть, он вспомнил про нее и пошел в сокровищницу. Это была последняя комната в подземелье, самая большая. Там лежали кучи золота, серебра и драгоценностей. Но Аладдин даже не посмотрел на них: он не знал цены золоту и дорогим вещам. Он взял только лампу и засунул ее в карман. Затем он пошел обратно к выходу и с трудом взобрался вверх по лестнице. Дойдя до последней ступеньки, он крикнул:

— Дядя, протяни мне руку и возьми мою шапку с камешками, а потом вытащи меня наверх: мне самому не выбраться!

— Дай мне сначала лампу! — сказал магрибинец.

— Я не могу ее достать, она под камнями, — ответил Аладдин. — Помоги мне выйти, и я дам тебе ее.

Но магрибинец не хотел помочь Аладдину. Он хотел получить лампу, а потом бросить Аладди-

на в подземелье, чтобы никто не узнал хода в сокровищницу. Он начал упрашивать Аладдина, но Аладдин ни за что не соглашался отдать ему лампу. Он боялся растерять камешки в темноте и хотел скорее выбраться на землю.

Когда магрибинец увидел, что Аладдин не хочет отдать ему лампу, он страшно рассердился и закричал:

— Ах, так ты не отдашь мне лампу? Оставайся в подземелье и умри с голоду!

Он бросил в огонь остаток порошка из коробочки, произнес какие-то слова — и вдруг камень сам закрыл отверстие, и земля сомкнулась над Аладдином.

Этот магрибинец был вовсе не дядя Аладдина: он был злой волшебник и хитрый колдун. Он узнал, что в Персии лежит под землей клад и открыть этот клад может только мальчик Аладдин — сын портного Хасана. Самое лучшее из всех сокровищ клада — это волшебная лампа. Она дает тому, кто возьмет ее в руки, такое могущество и богатство, какого нет ни у одного царя.

Долго колдовал магрибинец, пока не узнал, где живет Аладдин, и не нашел его.

И вот теперь, когда лампа так близко, этот скверный мальчишка не хочет отдать ее! А ведь

если он выйдет на землю, он может привести сюда других людей, которые тоже захотят завладеть кладом.

Пусть же клад не достанется никому! Пусть погибнет Аладдин в подземелье!

И магрибинец ушел обратно в свою волшебную страну Ифрикию.

Когда земля сомкнулась над Аладдином, он громко заплакал и закричал:

— Дядя, помоги мне! Дядя, выведи меня отсюда, я здесь умру!

Но никто его не слышал и не ответил ему. Аладдин понял, что этот человек, который называл себя его дядей, — обманщик и лгун. Он побежал вниз по лестнице, чтобы посмотреть, нет ли другого выхода из подземелья, но все двери сразу исчезли, и выход в сад тоже был закрыт.

Аладдин сел на ступеньки лестницы, опустил голову на руки и заплакал.

Но как только он случайно коснулся лбом кольца, которое магрибинец надел ему на палец, когда спускал его в подземелье, земля задрожала, и перед Аладдином появился страшный джинн огромного роста. Голова его была как купол, руки — как вилы, ноги — как столбы, а рот — как пещера. Глаза его метали искры, а посреди лба

торчал громадный рог.

— Чего ты хочешь? — спросил джинн громовым голосом. — Требуй — получишь!

— Кто ты? Кто ты? — закричал Аладдин, закрывая себе лицо руками, чтобы не видеть страшного джинна. — Пощади меня, не убивай меня!

— Я Дахнаш, глава всех джиннов, — ответил джинн. — Я раб кольца и раб того, кто владеет кольцом. Я исполню все, что прикажет мой господин.

Аладдин вспомнил о кольце, которое должно было его защитить, и сказал:

— Подними меня на поверхность земли.

Не успел он договорить эти слова, как очутился наверху, около входа в подземелье.

Уже настал день, и солнце ярко светило. Со всех ног побежал Аладдин в свой город. Когда он вошел в дом, его мать сидела посреди комнаты и горько плакала. Она думала, что ее сына уже нет в живых. Едва Аладдин захлопнул за собой дверь, как упал без чувств от голода и усталости. Мать побрызгала ему в лицо водой, а когда он очнулся, спросила:

— Где ты пропадал и что с тобой случилось? Где твой дядя и почему ты вернулся без него?

— Это вовсе не мой дядя, это злой колдун, — ска-

зал Аладдин слабым голосом. — Я все расскажу тебе, матушка, но только сперва дай мне поесть.

Мать накормила Аладдина вареными бобами — даже хлеба у нее не было! — и потом сказала:

— А теперь расскажи мне, что с тобой случилось.

— Я был в подземелье и нашел там чудесные камни, — сказал Аладдин и рассказал матери все, что с ним было.

Потом он заглянул в миску, где были бобы, и спросил:

— Нет ли у тебя еще чего-нибудь поесть, матушка?

— Нет у меня ничего, дитя мое. Ты съел все, что я сварила и на сегодня, и на завтра. Я так беспокоилась о тебе, что совсем не могла работать, и у меня нет пряжи, чтобы продать ее на рынке.

— Не горюй, матушка, — сказал Аладдин. — У меня есть лампа, которую я взял в подземелье. Правда, она старая, но ее все-таки можно продать.

Он вынул лампу и подал ее матери. Мать взяла ее, осмотрела и сказала:

— Пойду почищу ее и снесу на рынок. Может быть, за нее дадут столько, что нам хватит на ужин.

Она взяла тряпку и кусок мела и вышла во двор. Но как только она начала тереть лампу тряпкой, земля вдруг задрожала и появился ужасный джинн.

Мать Аладдина закричала и упала без памяти. Аладдин услышал крик. Он выбежал во двор и увидел, что мать лежит на земле, лампа валяется с ней рядом, а посреди двора стоит джинн такого огромного роста, что головы его не видно, а туловище заслоняет собой солнце.

Как только Аладдин поднял лампу, раздался громовой голос джинна:

— О владыка лампы, я к твоим услугам! Приказывай — получишь!

Аладдин уже начал привыкать к джиннам и не слишком испугался. Он поднял голову и крикнул как можно громче, чтобы джинн его услышал:

— Кто ты, о джинн, и что ты можешь делать?

— Я Маймун Шамхураша! Я раб лампы и раб того, кто владеет лампой, — ответил джинн. — Требуй от меня чего хочешь. Если тебе угодно, чтобы я разрушил город или построил дворец, — приказывай!

Когда он заговорил, мать Аладдина пришла в себя. Увидя джинна, она снова закричала от ужаса. Но Аладдин приставил руку ко рту и крикнул:

— Принеси мне две жареные курицы да еще что-нибудь хорошее и потом убирайся, а то моя мать тебя боится!

Джинн исчез и скоро принес стол, покрытый прекрасной скатертью. На нем стояло двенадцать золотых блюд со всевозможными вкусными кушаньями и два кувшина с водой.

Аладдин с матерью начали есть и ели, пока не насытились.

— О матушка, — сказал Аладдин, когда они поели, — эту лампу надо беречь и никому не показывать. Она принесет нам счастье и богатство.

— Делай как знаешь, — сказала мать, — но только я не хочу больше видеть этого страшного джинна.

Через несколько дней Аладдину с матерью опять стало нечего есть. Тогда Аладдин взял золотое блюдо, пошел на рынок и продал его за сто золотых.

С этих пор Аладдин каждый месяц ходил на рынок и продавал по одному блюду. Он узнал цену дорогим вещам и понял, что каждый камешек, который он подобрал в подземном саду, стоит дороже, чем любой драгоценный камень, какой можно найти на земле.

Однажды утром, когда Аладдин был на рынке,

вышел на площадь глашатай и закричал:

— Заприте лавки и войдите в дома! Пусть никто не смотрит из окон! Сейчас царевна Будур, дочь султана, пойдет в баню, и никто не должен видеть ее!

Купцы бросились запирать лавки, а народ, толкаясь, побежал с площади.

Аладдину очень захотелось поглядеть на царевну. Все в городе говорили, что красивее ее нет девушки на свете. Аладдин быстро прошел в баню и спрятался за дверью так, что никто не мог его увидеть.

Вся площадь вдруг опустела. Скоро вдали показалась толпа девушек на серых мулах под золотыми седлами. А посреди них медленно ехала девушка, одетая пышнее и наряднее всех других и самая красивая. Это и была царевна Будур.

Она слезла с мула и, пройдя в двух шагах от Аладдина, вошла в баню. А Аладдин побрел домой, тяжко вздыхая. Он не мог забыть о красоте царевны Будур.

«Правду говорят, что она красивее всех девушек, — думал он. — Если я не женюсь на ней, я умру».

Придя домой, он бросился в постель и пролежал до вечера. Когда мать спрашивала его, что с ним,

он только махал на нее рукой. Наконец она так пристала к нему, что он не выдержал и сказал:

— О матушка, я хочу жениться на царевне Будур! Пойди к султану и попроси его выдать Будур за меня замуж.

— Что ты говоришь! — воскликнула старуха. — Тебе, наверное, напекло солнцем голову! Разве слыхано, чтобы сыновья портных женились на дочерях султанов? Поужинай лучше и усни. Завтра ты и думать не станешь о таких вещах.

— Не хочу ужинать! Хочу жениться на царевне Будур! — закричал Аладдин. — Пожалуйста, матушка, пойди к султану и посватай меня!

— Я еще не сошла с ума, чтобы идти к султану с такой просьбой, — сказала мать Аладдина.

Но Аладдин упрашивал ее до тех пор, пока она не согласилась.

— Ну хорошо, сынок, я пойду, — сказала она. — Но ты ведь знаешь, что к султану не приходят с пустыми руками. А что я могу ему принести хорошего?

Аладдин вскочил с постели и весело крикнул:

— Не беспокойся об этом, матушка! Возьми одно из золотых блюд и наполни его драгоценными камнями, которые я принес из подземного сада. Это будет хороший подарок султану. У него,

наверно, нет таких камней, как мои.

Аладдин схватил самое большое блюдо и доверху наполнил его драгоценными камнями. Его мать взглянула на них и закрыла глаза рукой: так ярко сверкали эти камни.

— С таким подарком, пожалуй, не стыдно идти к султану, — сказала она. — Не знаю только, повернется ли у меня язык сказать то, о чем ты просишь. Но я наберусь смелости и попробую.

— Попробуй, матушка, — сказал Аладдин. — Иди поскорее!

Мать Аладдина покрыла блюдо тонким шелковым платком и пошла ко дворцу султана.

«Как я буду говорить с султаном о таком деле? — думала она. — Кто мы такие, чтобы свататься к дочери султана? Я простая женщина, а мой муж был бедняком, и вдруг Аладдин хочет стать зятем великого султана! Нет, не хватит у меня смелости просить об этом. Конечно, султану, может быть, и понравятся наши драгоценные камни, но у него их, наверно, и так много. Хорошо, если меня только поколотят и выгонят из дивана. Лишь бы не засадили в подземелье».

Так она говорила про себя, направляясь в диван султана по улицам города. Прохожие с удивлением смотрели на старуху в дырявом платье,

которую никто до сих пор не видел около дворца султана. Мальчишки прыгали вокруг и дразнили ее, но старуха ни на кого не обращала внимания.

Она была так бедно одета, что привратники у ворот дворца попробовали даже не пустить ее в диван. Но старуха сунула им монету и проскользнула во двор.

Скоро она пришла в диван и стала в самом дальнем углу. Было еще рано, и в диване никого не было. Но понемногу он наполнился вельможами и знатными людьми в пестрых халатах. Султан пришел позже всех, окруженный неграми с мечами в руках. Он сел на трон и начал разбирать дела и принимать жалобы. Самый высокий раб стоял с ним рядом и отгонял от него мух большим павлиньим пером.

Когда все дела были кончены, султан махнул платком — это означало: «Конец!» — и ушел, опираясь на плечи негров.

А мать Аладдина вернулась домой, так и не сказав султану ни слова.

На другой день она опять пошла в диван и снова ушла, ничего не сказав султану. Она пошла и на следующий день — и скоро привыкла каждый день ходить в диван.

Наконец султан заметил ее и спросил своего

визиря:

— Кто эта старая женщина и зачем она приходит сюда? Спроси, что ей нужно, и я исполню ее просьбу.

Визирь подошел к матери Аладдина и крикнул:

— Эй, старуха, подойди сюда! Если у тебя есть какая-нибудь просьба, султан ее исполнит.

Мать Аладдина задрожала от страха и чуть не выронила из рук блюдо. Визирь подвел ее к султану, и она низко поклонилась ему, а султан спросил ее:

— Почему ты каждый день приходишь сюда и ничего не говоришь? Скажи, что тебе нужно?

Мать Аладдина еще раз поклонилась и сказала:

— О владыка султан! Мой сын Аладдин шлет тебе в подарок эти камни и просит тебя отдать ему в жены твою дочь, царевну Будур.

Она сдернула с блюда платок, и весь диван осветился — так засверкали камни.

— О визирь! — сказал султан. — Видел ли ты когда-нибудь такие камни?

— Нет, о владыка султан, не видал, — отвечал визирь.

Султан очень любил драгоценности, но у него

не было ни одного камня, подобного тем, которые прислал ему Аладдин.

Султан сказал:

— Я думаю, что человек, у которого есть такие камни, может быть мужем моей дочери. Как ты думаешь, визирь?

Когда визирь услышал эти слова, он позавидовал Аладдину великой завистью: у него был сын, которого он хотел женить на царевне Будур, и султан уже обещал ему выдать Будур замуж за его сына.

— О владыка султан, — сказал визирь, — не следует отдавать царевну за человека, которого ты даже не знаешь. Может быть, у него ничего нет, кроме этих камней. Пусть он подарит тебе еще сорок таких же блюд, наполненных драгоценными камнями, и сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять. Тогда мы узнаем, богат он или нет.

А про себя визирь подумал: «Невозможно, чтобы кто-нибудь мог все это добыть! Аладдин будет бессилен это сделать, и султан не отдаст за него свою дочь».

— Ты хорошо придумал, визирь! — закричал султан и сказал матери Аладдина: — Ты слышала, что говорит визирь? Иди и передай твоему

сыну: если он хочет жениться на моей дочери, пусть присылает сорок золотых блюд с такими же камнями, сорок невольниц и сорок рабов.

Мать Аладдина поклонилась и вернулась домой. Увидя, что у матери нет в руках блюда, Аладдин сказал:

— О матушка, я вижу, ты сегодня говорила с султаном. Что же он ответил тебе?

— Ах, дитя мое, лучше бы мне не ходить к султану и не говорить с ним! — ответила старуха. — Послушай только, что он мне сказал…

И она передала Аладдину слова султана. Но Аладдин засмеялся от радости и воскликнул:

— Успокойся, матушка, это самое легкое дело!

Он взял лампу и потер ее. Когда мать увидела это, она бегом бросилась в кухню, чтобы не видеть джинна. А джинн тотчас появился и сказал:

— О господин, я к твоим услугам. Чего ты хочешь? Требуй — получишь!

— Мне нужно сорок золотых блюд, полных драгоценных камней, сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять, — сказал Аладдин.

— Будет исполнено, о господин, — ответил Маймун, раб лампы. — Может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город или построил дворец?

Приказывай!

— Нет, сделай то, что я тебе сказал, — ответил Аладдин.

И раб лампы скрылся.

Скоро он появился снова. За ним шли сорок прекрасных невольниц. Каждая держала на голове золотое блюдо с драгоценными камнями, а за невольницами шли рослые, красивые рабы с обнаженными мечами в руках.

— Вот то, что ты требовал, — сказал джинн и скрылся.

Тогда мать Аладдина вышла из кухни и осмотрела рабов и невольниц. Потом, радостная и гордая, она повела их ко дворцу султана.

Весь народ сбежался посмотреть на это шествие. Стража во дворце застыла от изумления, когда увидела этих рабов и невольниц.

Мать Аладдина привела их прямо к султану. Все они поцеловали землю перед султаном и, сняв блюда с головы, поставили их в ряд.

— О визирь, — сказал султан, — каково твое мнение? Разве не достоин тот, кто имеет такое богатство, стать мужем моей дочери, царевны Будур?

— Достоин, о владыка! — отвечал визирь, тяжело вздыхая.

— Пойди и передай твоему сыну, — сказал султан матери Аладдина, — что я принял его подарок и согласен выдать за него замуж царевну Будур. Пусть он придет ко мне: я хочу с ним познакомиться.

Мать Аладдина торопливо поклонилась султану и побежала домой так быстро, что ветер не мог бы за ней угнаться. Она прибежала к Аладдину и закричала:

— Радуйся, сынок! Султан принял твой подарок и согласен, чтобы ты стал мужем царевны! Он сказал это при всех! Иди сейчас же во дворец: султан хочет с тобой познакомиться.

— Сейчас я пойду к султану, — сказал Аладдин. — А теперь уходи: я буду разговаривать с джинном.

Аладдин взял лампу, потер ее, и тотчас же явился Маймун, раб лампы. Аладдин сказал ему:

— Приведи мне сорок восемь белых невольников: это будет моя свита. И пусть двадцать четыре невольника идут впереди меня, а двадцать четыре — сзади. И еще доставь мне тысячу золотых и самого лучшего коня.

— Будет исполнено, — сказал джинн и скрылся.

Он достал все, что велел ему Аладдин, и спро-

сил:

— Чего ты хочешь еще? Не хочешь ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец? Я все могу.

— Нет, пока не надо, — сказал Аладдин.

Он вскочил на коня и поехал к султану. На рыночной площади, где было много народу, Аладдин достал из мешка горсть золота и бросил его в толпу. Все кинулись ловить и подбирать монеты, а Аладдин бросал и бросал золото, пока его мешок не опустел. Он подъехал ко дворцу, и все вельможи и приближенные султана встретили его у ворот и проводили в диван. Султан поднялся ему навстречу и сказал:

— Добро пожаловать, Аладдин! Я слышал, что ты хочешь жениться на моей дочери? Я согласен. Все ли ты приготовил к свадьбе?

— Нет еще, о владыка султан, — ответил Аладдин. — Я не выстроил для царевны Будур дворца.

— А когда же будет свадьба? — спросил султан. — Ведь дворец скоро не выстроишь.

— Не беспокойся, султан, — сказал Аладдин. — Подожди немного.

— А где ты собираешься построить дворец? — спросил султан. — Не хочешь ли ты выстроить его перед моими окнами, вот на этом пустыре?

— Как тебе будет угодно, султан, — ответил Аладдин.

Он простился с султаном и уехал домой вместе со всей своей свитой.

Дома он взял лампу, потер ее и, когда появился джинн Маймун, сказал ему:

— Построй мне дворец, да такой, какого еще не было на земле! Можешь ты это сделать?

— Могу! — воскликнул джинн голосом, подобным грому. — К завтрашнему утру будет готово.

И в самом деле: на следующее утро среди пустыря возвышался великолепный дворец. Стены его были сложены из золотых и серебряных кирпичей, а крыша была алмазная. Аладдин обошел все комнаты и сказал Маймуну:

— Знаешь, Маймун, я придумал одну шутку. Сломай вот эту колонну, и пусть султан думает, что мы забыли ее поставить. Он захочет построить ее сам и не сможет этого сделать. Тогда он увидит, что я сильнее и богаче его.

— Хорошо, — сказал джинн и махнул рукой.

Колонна тотчас исчезла, как будто ее и не было.

— Теперь, — сказал Аладдин, — я пойду и приведу сюда султана.

А султан утром подошел к окну и увидел дво-

рец, который так блестел и сверкал, что на него было больно смотреть. Султан приказал позвать визиря и показал ему дворец.

— Ну, визирь, что скажешь? — спросил он. — Достоин ли быть мужем моей дочери тот, кто в одну ночь построил такой дворец?

— О владыка султан! — закричал визирь. — Разве ты не видишь, что этот Аладдин — колдун? Берегись, как бы он не отобрал у тебя твое царство!

— Ты говоришь все это из зависти, — сказал ему султан.

В это время вошел Аладдин и, поклонившись султану, попросил его осмотреть дворец.

Султан с визирем обошли дворец, и султан очень восхищался его красотой. Наконец Аладдин привел гостей к тому месту, где Маймун сломал колонну. Визирь сейчас же заметил, что не хватает одной колонны, и закричал:

— Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает!

— Не беда, — сказал султан. — Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

— Лучше не пробуй, султан, — тихо сказал ему визирь, — тебе это не под силу. Посмотри: эти колонны такие высокие, что не видно, где они

кончаются. И они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

— Замолчи, визирь! — гордо сказал султан. — Неужели я не могу поставить одну такую колонну?

Он велел созвать всех каменотесов, какие были в городе, и отдал им свои драгоценные камни. Но их не хватило. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

— Откройте главную казну, отберите у моих подданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители при шли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им головы, но колонну все-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

— Не печалься, султан! Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник по случаю свадьбы Аладдина с царевной Будур. Аладдин с женой стали жить в новом дворце.

А магрибинец вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и печалился. Только одно утешение

осталось у него. «Раз Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там же. Может быть, мне удастся завладеть ею без Аладдина», — думал он.

И вот однажды он захотел убедиться, что лампа цела и находится в подземелье. Он погадал на песке и увидел, что лампы в подземелье больше нет. Магрибинец испугался и стал гадать дальше. Он увидел, что Аладдин спасся из подземелья и живет в своем родном городе.

Быстро собрался магрибинец в путь и поехал через моря, горы и пустыни в далекую Персию. Долго ехал он и наконец прибыл в тот город, где жил Аладдин.

Магрибинец пошел на рынок и стал слушать, что говорят люди. На рынке только и было разговоров что об Аладдине и его дворце.

Магрибинец походил, послушал, а потом подошел к продавцу холодной воды и спросил его:

— Кто такой этот Аладдин, о котором здесь все говорят?

— Сразу видно, что ты нездешний, — ответил продавец, — иначе ты знал бы, кто такой Аладдин: это самый богатый человек во всем мире, а его дворец — настоящее чудо!

Магрибинец протянул продавцу золотой и

сказал ему:

— Возьми этот золотой и окажи мне услугу. Я и вправду чужой в городе, и мне хотелось бы посмотреть на дворец Аладдина. Проводи меня к этому дворцу.

Продавец воды привел магрибинца ко дворцу и ушел, а магрибинец обошел вокруг дворца и осмотрел его со всех сторон.

«Такой дворец мог построить только джинн, раб лампы. Наверно, лампа находится в этом дворце», — подумал он.

Долго раздумывал магрибинец, как завладеть лампой, и наконец придумал.

Он пошел к меднику и сказал ему:

— Сделай мне десять медных ламп, только поскорее. Вот тебе пять золотых в задаток.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил медник. — Приходи к вечеру, лампы будут готовы.

Вечером магрибинец получил десять новеньких медных ламп, блестевших, как золотые. Как только рассвело, он стал ходить по городу, громко крича:

— Кто хочет обменять старые лампы на новые? У кого есть старые медные лампы? Меняю на новые!

Народ толпой ходил за магрибинцем, а дети

прыгали вокруг него и кричали:

— Сумасшедший, сумасшедший!

Но магрибинец не обращал на них внимания.

Наконец он пришел ко дворцу. Аладдина в это время не было дома. Он уехал на охоту, и во дворце была только его жена, царевна Будур.

Услышав крик магрибинца, Будур послала слугу узнать, в чем дело. Слуга вернулся и сказал ей:

— Это какой-то сумасшедший: он меняет новые лампы на старые.

Царевна Будур рассмеялась и сказала:

— Хорошо бы узнать, правду он говорит или обманывает. Нет ли у нас во дворце какой-нибудь старой лампы?

— Есть, госпожа, — сказала одна служанка. — Я видела в комнате господина нашего Аладдина медную лампу. Она вся позеленела и никуда не годится.

— Принеси эту лампу, — приказала Будур. — Отдай ее этому сумасшедшему, и пусть он даст нам новую.

Служанка вышла на улицу и отдала магрибинцу волшебную лампу, а взамен получила новенький медный светильник. Магрибинец очень обрадовался, что его хитрость удалась, и спрятал лампу за пазуху. Потом он купил на

рынке осла и уехал. Выехав за город, магрибинец потер лампу и, когда джинн Маймун явился, крикнул ему:

— Хочу, чтобы ты перенес дворец Аладдина и всех, кто в нем находится, в Ифрикию! И меня тоже перенеси туда!

— Будет исполнено! — сказал джинн. — Закрой глаза и открой глаза — дворец будет в Ифрикии.

— Поторопись, джинн! — сказал магрибинец.

И не успел он договорить, как увидел себя в своем саду в Ифрикии, у дворца. Вот пока все, что с ним было.

А султан проснулся утром, выглянул в окно и вдруг видит — дворец исчез. Султан протер глаза и даже ущипнул себя за руку, чтобы проснуться, но дворца нет как нет.

Султан не знал, что и подумать. Он начал громко плакать и стонать. Он понял, что с царевной Будур случилась какая-то беда. На крики султана прибежал визирь и спросил:

— Что с тобой случилось, султан? Чего ты плачешь?

— Разве ты ничего не знаешь? — закричал султан. — Ну так взгляни в окно, где дворец? Где моя дочь?

— Не знаю, о владыка! — ответил испуганный

визирь.

— Привести сюда Аладдина! — закричал султан. — Я отрублю ему голову!

В это время Аладдин как раз возвращался с охоты. Слуги султана вышли на улицу и побежали к нему навстречу.

— Прости нас, Аладдин, — сказал один из них. — Султан приказал связать тебе руки, заковать тебя в цепи и привести к нему. Мы не можем ослушаться султана.

— За что султан рассердился на меня? — спросил Аладдин. — Я не сделал ему ничего дурного.

Позвали кузнеца, и он заковал ноги Аладдина в цепи. Вокруг Аладдина собралась целая толпа. Жители города любили Аладдина за его доброту, и, когда узнали, что султан хочет отрубить ему голову, все сбежались ко дворцу. А султан велел привести Аладдина к себе и сказал ему:

— Правду говорит мой визирь, что ты колдун и обманщик? Где твой дворец и где моя дочь Будур?

— Не знаю, о владыка султан! — ответил Аладдин. — Я ни в чем перед тобой не виноват.

— Отрубить ему голову! — крикнул султан.

И Аладдина снова вывели на улицу, а за ним вышел палач.

Когда жители города увидели палача, они обступили Аладдина и послали сказать султану: «Если ты не помилуешь Аладдина, мы разрушим твой дворец и перебьем всех, кто в нем находится. Освободи Аладдина, а не то тебе придется плохо!»

Султан испугался, позвал Аладдина и сказал ему:

— Я пощадил тебя, потому что тебя любит народ. Но если ты не отыщешь мою дочь, я все-таки отрублю тебе голову! Даю тебе сроку сорок дней.

— Хорошо, — сказал Аладдин и ушел из города. Он не знал, куда ему идти и где искать царевну Будур, и с горя решил утопиться; дошел до большой реки и сел на берегу, грустный и печальный.

Задумавшись, он опустил в воду правую руку и вдруг почувствовал, что с его мизинца падает кольцо. Аладдин быстро подхватил кольцо и вспомнил, что это то самое колечко, которое надел ему на палец магрибинец.

Аладдин совсем забыл про это кольцо. Он потер его, и перед ним явился джинн Дахнаш и сказал:

— О владыка кольца, я перед тобой! Чего ты хочешь? Приказывай!

— Хочу, чтобы ты перенес мой дворец на прежнее место! — сказал Аладдин.

Но джинн, слуга кольца, опустил голову и ответил:

— О господин, я не могу этого сделать! Дворец построил раб лампы, и только он один может его перенести. Потребуй от меня чего-нибудь другого.

— Если так, — сказал Аладдин, — снеси меня туда, где стоит сейчас мой дворец.

— Закрой глаза и открой глаза, — сказал джинн.

Аладдин закрыл и снова открыл глаза. И очутился в саду перед своим дворцом. Он взбежал по лестнице и увидел Будур, которая горько плакала. Увидев Аладдина, она вскрикнула и заплакала еще громче — теперь уже от радости. Она рассказала Аладдину обо всем, что с ней случилось, а затем сказала:

— Этот магрибинец много раз приходил ко мне и уговаривал меня выйти за него замуж. Но я не слушаю злого магрибинца, а все время плачу о тебе.

— А где он спрятал волшебную лампу? — спросил Аладдин.

— Он никогда с ней не расстается и всегда держит при себе, — ответила Будур.

— Слушай, Будур, — сказал Аладдин, — когда

магрибинец опять придет к тебе, будь с ним поласковее. Попроси его поужинать с тобой и, когда он начнет есть и пить, всыпь ему в вино вот этот сонный порошок. Как только он заснет, я войду в комнату и убью его.

— Он уже скоро должен прийти, — сказала Будур. — Иди за мной, я тебя спрячу в темной комнате; а когда он уснет, я хлопну в ладоши — и ты войдешь.

Едва Аладдин успел спрятаться, как в комнату Будур вошел магрибинец. Она весело встретила его и приветливо сказала:

— О господин мой, подожди немного. Я принаряжусь, а потом мы с тобой вместе поужинаем.

Магрибинец вышел, а Будур надела свое лучшее платье и приготовила кушанья и вино. Когда колдун вернулся, Будур сказала ему:

— О господин мой, обещай мне исполнить сегодня все, что я у тебя попрошу!

— Хорошо, — сказал магрибинец.

Будур начала его угощать и поить вином. Когда он немного опьянел, она сказала ему:

— Дай мне твой кубок, я отопью из него глоток, а ты выпей из моего.

И Будур подала магрибинцу кубок вина, в которое она подсыпала сонного порошка. Магрибинец

выпил его и сейчас же упал, сраженный сном, а Будур хлопнула в ладоши. Аладдин только этого и ждал. Он вбежал в комнату и, размахнувшись, отрубил мечом голову магрибинцу. А затем он вынул у него из-за пазухи лампу, потер ее, и сейчас же появился Маймун, раб лампы.

— Отнеси дворец на прежнее место! — приказал ему Аладдин.

Через мгновение дворец уже стоял напротив дворца султана. Султан в это время сидел у окна и горько плакал о своей дочери. Он сейчас же побежал во дворец своего зятя, где Аладдин с женой встретили его на лестнице, плача от радости.

Султан попросил у Аладдина прощения за то, что хотел отрубить ему голову…

Аладдин долго и счастливо жил в своем дворце вместе с женой и матерью, пока не пришла к ним всем смерть.

Бедняк и братья-ветры

Карельская сказка

Жил-был в одной деревне мужичок, Никитой звали. Сословия бедного, в погребе у него пусто, в кладовых — чисто, а детей — полон дом: Оленка — в пеленках, Архипка — в зыбке, Петрушка — на подушке, Варюшка — у кадушки, Алешка — у окошка, Сережка — на порожке.

Вот прошло время — не стало у мужика ни хлеба, ни соли. Нечем детей кормить.

Думает мужик: «Пойду-ка я к брату, может, даст немного муки».

А брат у него богатый был — отсыпал с полпуда муки и говорит:

— На, бери, летом вдвое отработаешь.

Пошел бедняк домой. Вдруг подул ветер и всю муку по полю развеял.

Заплакал мужик:

— Чем я теперь ребят накормлю?..

Приходит он домой и говорит жене:

— Дал мне брат полпуда муки, а ветер все до последней пылинки развеял. Только я этого дела так не оставлю. Пойду разыщу ветер, пусть отдает

муку. А не то в суд на него подам.

Собрался и пошел искать ветра в поле.

А в поле тихо-тихо, ветра и не слыхать, и не видать.

Шел Никита, шел, и привела его тропинка в лес.

Видит — в лесу дом выстроен, в окошке огонь светится. Он и зашел. А там — старая старуха сидит.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, добрый человек! Далече ли идешь?

Мужик и рассказал старушке про свою беду.

— Ладно, помогу тебе, — говорит старушка. — Ветры — сыновья мои, это все их проделки. Ложись спать, а утром они прилетят — я им и прикажу рассчитаться с тобой.

Забрался Никита на полати и заснул.

Утром, чуть свет, распахнулись вдруг двери. Никто не вошел, а в хате шум, смех, гомон.

Старуха положила на стол ложки, достала из печки котел с кашей.

За стол никто не садился, а ложки о котел стучат. Минуты не прошло — каши как не бывало, вся съедена, а кто ел — не видать.

Накормила старуха сыновей и говорит:

— Что ж вы, непутевые, мужичка обидели? Зачем над бедняком смеетесь? Рассчитывайтесь с ним за муку.

Тут один ветер говорит:

— Не ворчи, мамка. Дай ему краюшку хлеба, пусть идет домой. Небось ему этой краюшки до смерти не съесть.

Пошла старуха в клеть, вынесла маленькую краюшку и подает Никите.

— На, — говорит, — режь да ешь.

Обидно стало мужику.

— Что же это? — говорит. — Тут моим ребятишкам на один зуб и то мало.

— Бери, бери, — говорит старуха. — Тебе, милок, этой краюшки вовек не съесть, и с детьми, и с внуками.

Взяла старуха нож и стала краюшку на ломти резать. Целую стопу ломтей нарезала, а краюшка все не убывает, все такая же.

— Ну, спасибо тебе, бабка! — говорит Никита. — Верно люди сказывают — долг платежом красен!

Спрятал он краюшечку за пазуху, распрощался со старухой и отправился в обратный путь.

Как привела его тропинка в лес, так и вывела из лесу. Пришел он домой и говорит жене:

— Ну, баба, нашел я виновников, рассчитались

они со мной за убыток.

— А почем рассчитались?

— А вот, гляди.

И вынимает из-за пазухи краюшку.

— Да много ли тут хлеба? — говорит жена. — Тут на один зуб и то не хватит.

Никита смеется.

— Да тебе этой краюшки до самой смерти не съесть, и с детьми, и с внуками. Знай себе режь да ешь.

Взял он нож и нарезал полный стол ломтей. Ребятишек досыта накормил, сам с женой вволю наелся, а краюшка все такая же — нисколечко меньше не делается.

С той поры пошла у Никиты жизнь на лад. С братом он за все долги рассчитался. Всякое дело у Никиты ладится, всякая работа спорится. Что ни затеет — во всем ему удача.

Богатый брат думает: «Что это Никита ничего у меня не просит? Может, помер?»

— Жена, — говорит, — пойду-ка я проведаю брата.

Собрался и пошел.

Приходит богатый брат к бедному, а у того дом — полная чаша. Богатый глазам своим не верит.

— С чего же ты разжился так? — спрашивает.

Ну, Никита по простоте и рассказал богатому брату о своей удаче.

У того от жадности сердце так и загорелось.

— Братец милый, — говорит он Никите, — дай мне твою краюшку на неделю. У меня как раз рабочие будут работать: два свальщика, два пильщика, да еще два возчика. Одного хлеба сколько напечь надо! Моей бабе никак не управиться. А я их твоей краюшкой накормлю и тебе назад принесу.

У бедного Никиты хитрости никакой.

Пошел он в клеть, нарезал целый угол ломтей — на неделю вперед — и вынес краюшку брату.

— Бери, — говорит, — накорми народ.

Взял богатый краюшку и скорей домой побежал.

— Ну, баба, — говорит жене, — теперь хоть сто работников нанимай, на всех хлеба хватит. Вот тебе краюшечка — режь да ешь.

Целую неделю хозяева от этой краюшечки кормились. И работникам кое-что перепало. А кончилась неделя, и жалко стало богатому брату с краюшечкой расставаться.

«Как бы, — думает, — ее навек у себя оставить?»

И надумал: отрезал от своего каравая краюшку и посылает работника к Никите.

— На, — говорит, — отнеси брату долг.

А ту краюшку, что Никита ему дал, у себя припрятал.

Взял Никита свою краюшку и стал ломти резать. Отрезал один ломоть, отрезал другой — глядит: краюшки как не бывало, один горбок остался.

«Это что же такое? — думает Никита. — Говорили, что ввек не съесть, а я уже съел».

А того и в мыслях не имеет, что богатый брат его обманул.

И опять пошло у Никиты прежнее житье: опять бесхлебица, бессолица, в доме раззорица.

Думал, думал Никита и надумал: «Пойду-ка я опять к братьям-ветрам. Не дело это — на обман бедного человека брать».

Надел самый лучший кафтан и пошел по хоженой тропинке. До самой ночи шел. И привела его тропинка к домику в лесу. В окошке так же огонек светится. В доме та же старушка хозяйничает.

Вошел Никита в хату, поклонился.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, добрый человек! Что опять к нам пожаловал?

— Да вот незадача какая, — говорит Никита. —

Сказывали твои сыновья, что мне их краюшку ввек не съесть, а я уже всю съел. Пускай теперь за обман рассчитываются.

— Ну, ладно, переночуй, — говорит старушка. — Поутру они вернутся, так рассчитаются с тобой.

Утром прилетели ветры. Увидели мужика, загудели:

— Опять ты, дурачина, пришел?

И давай по всей хате кружить — скатерть со стола сорвали, все с места сдвинули, вверх дном перевернули.

— Да угомонитесь вы, неугомонные, — прикрикнула на сыновей старуха, — никому от вас покоя нет. На месте минуты посидеть не можете! Мужика-то зачем обманули? Рассчитайтесь с ним, чтобы ему навек достатка хватило.

— А дай ему, мамка, кошелек-самотряс.

Старуха пошла в клеть и вынесла старый кошелек. Подала его Никите и говорит:

— Иди домой, доброхот, тебе из этого кошелька ввек денег не вытрясти.

Взял Никита кошелек, тряхнул раз, другой, третий — и посыпались оттуда медяки да целковые, четвертные да сотенные, золото да серебро.

Обрадовался Никита. Поблагодарил старуху и пошел домой.

Приходит к жене и говорит:

— Ну, баба, теперь мы лучше прежнего будем жить. Неси-ка ушат водоносный. Сейчас доверху денег насыплю.

Принесла ему жена ушат, и стал он над ним трясти свой кошелек. Полный ушат натряс, а денег в кошельке не убывает.

Жена всю пустую посудину в доме собрала, подставлять не успевает, а деньги так и сыплются.

— Ну, на первое время хватит, — говорит Никита.

Купил он лошадь, корову, самостоятельным стал человеком.

А богатому опять неспокойно.

— Что это Никита не приходит, ничего не просит? Пойду-ка я проведаю, какое у него житье.

И пошел.

— Здравствуй, Никита. Как живешь? — спрашивает.

А Никита ему:

— Здравствуй! Живу — не тужу, нужды не знаю.

— Да как же ты разбогател? — спрашивает богатый.

— Да вот опять ходил к братьям-ветрам, так они мне кошелек-самотряс дали. Из него вовек

денег не вытрясти.

Богатый так и позеленел от злости. Просит он Никиту:

— Братец дорогой, дай мне твой кошелек на день, мне как раз с работниками рассчитываться надо.

Ну, Никита и дал.

«Пусть, — думает, — работники попользуются».

Спрятал богатый кошелек за пазуху — и домой.

Спустился в подполье и давай трясти кошелек над картофельной ямой. Полную насыпал, а ему все мало. Вторую натряс, а кошелек отдавать жалко.

Вот и придумал он: сшил из старой кожи такой же кошель, вложил в него горсть монет и посылает своего работника:

— Поди снеси брату.

Взял Никита кошелек, а того и не думает, что кошелек-то обменный.

Прошла неделя, собрался Никита на базар. Достал свой кошелек-самотряс, тряхнул раз — и высыпались из него монетки, что богатый брат положил. Тряхнул другой раз — ничего не посыпалось. И уж как ни тряс Никита, а ничего больше не натряс.

— Баба, — говорит он жене, — а деньги-то из кошелька больше не летят. Видно, ветры обманули меня. Одно слово — ветродуи. Пойду опять к ним, пусть обман выправят.

— Что ж, иди, — говорит жена. — Дорога теперь знакомая. Не заблудишься.

Пошел Никита к ветрам.

Приходит, а все ветры как раз в сборе были. В доме вихрь так и крутит, с ног сбивает, словно в открытом поле.

— Здравствуй, Никита, — говорят ему братья-ветры, — что ж ты к нам опять пришел? Или опять чем недоволен?

— А что же вы меня все обманываете? Говорили — ввек не вытрясти из вашего кошелька денег, а я уже все вытряс, пустой вам принес.

Вытащил он из-за пазухи кошелек — тот, что богатый брат ему подложил, — и подает ветрам.

Те взглянули только — и сразу обман увидели.

— Мамка, — говорят, — дай ему суму, пусть он ума набирается да к нам не возвращается.

Вынесла ему старуха из кладовой преогромную суму.

— Бери, — говорит, — доброхот. Домой придешь, поставь суму в большой угол и скажи: «А ну, сума, дай мне ума». Она и даст тебе ума — да

столько, что на весь век хватит. А ум будет, так и все будет. Да смотри не жадничай — как наберешься ума, скажи: «Вот так сума, надавала ума».

Обрадовался Никита. Взвалил мешок на спину и скорей домой.

Прибежал, свалил суму в передний угол и говорит жене:

— Гляди, сколько добра принес! Раньше-то все за пазухой приносил, а нынче на спине едва приволок. Больше уже не придется к ветрам ходить, богато жить будем.

— Да что же это у тебя? — спрашивает жена.

— А вот гляди, сейчас я тебе покажу.

И крикнул погромче в угол, где стояла сума:

— А ну-ка, сума, дай мне ума!

Тут как выскочили из сумы двое молодцов, да как начали его стегать плетками!

Стегают и приговаривают:

— Вот тебе ума! Получай сполна! За краюшку — раз! За кошель — два! Вот тебе, дуралей! Вот тебе, ротозей! Не верь богачу! А то снова проучу!

Чешут молодцы Никиту и так и этак, а он только ежится и корежится. На весь век набрался ума. Невмоготу стало терпеть.

Тут вспомнил он, как учила его старуха, и за-

кричал во весь голос:

— Вот так сума, надавала ума!

И только крикнул — молодцов как не бывало, а сума стоит в углу крепко-накрепко завязанная.

— Вот это так сумочка у меня! — говорит Никита, а сам зашибленные места потирает. — С такой сумой не пропадешь!

А потом спрашивает жену:

— Ну что, баба, как теперь станем жить?

— Известно как, — отвечает ему жена, — твоим умом!

И зажили они — лучше не надо.

А богатому брату не терпится поглядеть, что Никита делает.

«Дай, — думает, — проведаю его. Может, он опять какой подарок от ветров принес. Надо у него, дурака, выманить».

Собрался и пошел.

— Здравствуй, Никита!

— Здравствуй, братец!

— Ну, каково поживаешь?

— А лучше прежнего. Хоть торгуй!

— С чего же это ты так разжился? — спрашивает богатый.

— А с большого ума, — говорит Никита.

Смеется богатый брат:

— Откуда же ты столько ума набрался?

— А мне ветры такую суму дали — из нее сколько хочешь ума, столько и бери. А с умом никогда не пропадешь.

У богатого от зависти сердце сжалось.

«У меня, — думает, — денег довольно, и хлеба хватает, а вот ума не грех бы еще набраться».

Вот и говорит он Никите:

— Братец дорогой, дай-ка мне эту суму на денек. А то я своих работников каждый день уму-разуму учу, а никак научить не могу. Пусть хоть из сумы ума наберутся.

— Что ж, мне не жаль, — говорит Никита, — возьми, пожалуйста. Вон в углу стоит.

— А как из нее ума-то взять?

— Скажи только: «А ну-ка, сума, дай мне ума». Она и даст.

А про то, как закрыть суму, — не сказал. Сообразил своим умом — что к чему.

Взвалил богатый брат суму на спину и понес домой. Приходит и говорит жене:

— Ну, баба, я опять от брата обнову принес.

Поставил суму в передний угол и говорит:

— А ну-ка, сума, дай мне ума!

Тут выскочили из сумы двое и начали мужика плетками стегать. В воздухе свист так и стоит.

Мужик в голос ревет:

— Ой-ой-ой! Это что ж такое?

А те двое говорят:

— Это мы тебя уму-разуму учим. Не бери чужого! Не бери! Не бери!

И знай себе хлещут! Мужик едва жив.

— Баба, — говорит жене, — беги скорей к брату, а то из меня душа вон.

Прибежала жена к Никите, молит-просит:

— Никита, скорее собирайся да к нам беги. Из твоей сумы какие-то двое выскочили, чуть до смерти мужика не забили.

А Никита не спешит.

— Ладно, — говорит, — поспеем.

Прибрался он, помылся с мылом, во все новое оделся — будто в праздник — и пошел. Идет степенно, не торопится. Недаром ума набрался.

Приходит к брату в дом, а тот едва дышит.

— Ой, братушка, бери все — и краюху, и кошель, только уйми ты этих молодцов. Баба, — кричит жене, — неси скорее брату его добро!

Вынесла невестка Никите и кошель, и краюху. Спрятал он все за пазуху и говорит:

— Ну что, брат, набрался теперь ума?

— Ой, набрался! — плачет богатый. — Места живого нет! Ой, помоги от беды избавиться!

— Видно, мало набрался, коли своим умом додуматься не можешь. Скажи только: «Вот так сума, надавала мне ума!» — молодцы и спрячутся.

А мужик языком шевелить уж не может. Одними губами шепчет:

— Вот так сума, надавала мне ума.

И только сказал — нет никого. А сума как была завязанная, так и стоит в углу.

Мужик косится на суму, боится шаг ступить. Ну, потом осмелел — недаром ума набрался! — и бочком, бочком в другой конец хаты отошел.

— Унеси ты поскорее свою суму, — просит.

Взвалил Никита суму на спину и пошел домой.

Богатый и рад. Покрепче закрыл за ним дверь. К брату ходить закаялся.

А Никита живет и горя не знает.

Хлеб да деньги у него не переводятся. Ума — не занимать стать. Чего уж лучше?

Великан Дреглин Хогни

Шотландская сказка

Жил-был один человек, и было у него три сына, а кормить их денег не хватало. И вот когда старший сын вырос и увидел, что дома прокормиться нечем, он пошел к отцу и сказал:

— Отец, дай мне коня, чтоб на нем верхом ездить, дай собаку, чтоб с ней на охоту ходить, а еще дай сокола, чтоб его на дичь напускать, и я пойду по белу свету свое счастье искать.

Отец дал ему все, что он просил, и старший сын тронулся в путь. И вот он все ехал и ехал по горам и долам, а вечером подъехал к темному дремучему лесу и забрался в самую глухомань — думал, где-нибудь тропинку найдет. Но никакой тропинки в лесу не было. Юноша порыскал в чаще и наконец понял, что заблудился.

Делать нечего, пришлось ему привязать коня к дереву, а себе приготовить постель из листьев. Но тут он заметил, что вдали светится огонек. Юноша сел на коня, поехал на этот огонек и немного погодя выбрался из леса на поляну. На поляне стоял великолепный замок. Во всех его окнах

горел свет, но входная дверь была заперта.

Юноша подошел к двери и постучался. Никто не ответил. Тогда он приложил к губам свой охотничий рог и громко затрубил в надежде, что в замке его услышат.

И тут дверь вдруг открылась сама собой. Юноша прямо диву дался. Но еще больше он удивился, когда вошел в замок и стал ходить по комнатам. Во всех комнатах ярко горел огонь в каминах, а в большом зале был накрыт стол, и на нем стояли блюда с сытными яствами. Но во всем обширном замке как будто не было ни одного человека.

Юноша очень продрог, промок и притомился. И вот он поставил своего коня в стойло на огромной конюшне, а собаку и сокола с собой взял и вернулся в замок. Сел за стол в большом зале и поужинал досыта. Потом примостился у огня, чтобы обсушиться.

Время было позднее, и юноша уже хотел было подняться наверх и вздремнуть в одной из спален, как вдруг часы на стене пробили полночь. Тотчас открылась дверь, и в зал вошел огромный страшный великан Дреглин Хогни. Он был косматый, с длинной бородой, глаза его под кустистыми бровями горели мрачным огнем. В руке он держал какую-то диковинную дубинку.

Великан как будто ничуть не удивился незваному гостю. Он прошел через весь зал и тоже сел у камина напротив юноши. Оперся подбородком на руки и уставился на гостя.

— А что, конь твой лягается? — спросил он наконец грубым, резким голосом.

— Еще как лягается-то! — ответил юноша.

И правда, отец ведь смог дать ему только необъезженного жеребца.

— Я умею объезжать коней, — сказал великан, — и я помогу тебе объездить твоего. Возьми вот это и брось на своего коня.

Тут он выдернул у себя из головы длинный жесткий волос и подал его юноше.

И так грозно он говорил, что юноша не посмел ослушаться — пошел на конюшню и бросил волос на своего коня. Потом он вернулся в зал и снова сел у камина. Как только он уселся, великан опять спросил:

— А что, пес твой кусается?

— Еще как кусается-то! — ответил юноша.

И правда, собака у него была такая злая, что никто, кроме хозяина, не смел ее погладить.

— Я умею приручать самых диких собак на свете, — сказал великан. — Возьми вот это и брось на своего пса.

Он выдернул другой волос у себя из головы и подал его юноше, а тот сейчас же бросил волос на свою собаку.

Потом великан задал юноше третий вопрос:

— А что, сокол твой клюется?

Юноша рассмеялся.

— Еще как клюется-то! — ответил он. — Мне приходится завязывать ему глаза, пока он не летает, а не то он заклюет всех, кто ему под клюв попадется.

— Больше не будет клеваться, — мрачно проговорил великан. — Брось-ка на своего сокола вот это.

И он в третий раз выдернул у себя из головы волос и подал его юноше, а тот бросил волос на сокола, как раньше бросал на коня и собаку.

И тут не успел он и глазом моргнуть, как страшный великан вскочил и с такой силой ударил его по голове своей диковинной дубинкой, что бедняга враз повалился на пол. И тотчас же собака и сокол замертво упали рядом с хозяином, а конь в конюшне оцепенел. Он недвижно стоял в стойле, словно каменный.

Значит, вот как умел укрощать великан неприрученных животных.

Прошло сколько-то времени, и второй из трех

братьев пошел к отцу и стал его просить, как просил старший брат:

— Отец, дай мне коня, сокола и собаку и отпусти по белу свету побродить, счастье свое поискать.

Отец выслушал его и дал ему все, что он просил, как раньше дал старшему сыну.

И вот юноша пустился в путь, вечером подъехал к темному дремучему лесу и заблудился, как и старший брат. Вскоре он тоже заметил вдали огонек, подъехал к замку, вошел в него, поужинал и сел у огня. Словом, сделал все, как старший брат. Потом вошел великан и задал ему те же три вопроса, что задавал его старшему брату, а юноша ответил на них так же, как отвечал тот. И ему тоже великан дал три своих волоса с приказом бросить один волос на коня, другой на собаку, третий на сокола. А потом убил его, как убил его старшего брата.

Шло время; младший брат ждал-ждал старших братьев, да так и не дождался. И вот он попросил у отца коня, собаку и сокола и сказал, что хочет поехать на поиски братьев. А бедный старик, хоть и боялся остаться один на старости лет, дал ему все то, что он попросил.

Младший брат пустился в путь и вечером подъехал к темному дремучему лесу, а потом и к

замку. Но он был малый смекалистый, и ему не по нраву пришлось все, что он увидел. Не понравился ему и пустой замок, и накрытый стол, а пуще всего — сам хозяин, великан Дреглин Хогни. И юноша решил держать ухо востро.

И вот когда великан спросил, лягается ли его конь, юноша только коротко ответил: «Да». А когда великан дал ему свой волос и приказал бросить его на коня, юноша пошел на конюшню, но волоса на коня не бросил, а зажал его в кулаке и вернулся в замок.

Тут он улучил время, когда великан на него не смотрел, и бросил волос в огонь. Волос зашипел, как змея, и сгорел.

— Что это шипит? — подозрительно спросил великан.

— Да это вода капает из сырого полена, — спокойно ответил юноша.

Великан ему поверил. Потом он дал ему еще два волоса и приказал бросить их на собаку и сокола, а юноша бросил их в огонь. Оба волоса зашипели, но великан на это не обратил внимания. Он думал, что гость уже в его власти. Встал и ринулся на него с дубинкой. Но юноша был начеку и, едва великан поднялся, громко свистнул.

И тут верный его конь выбежал из конюшни,

а собака проснулась и вскочила с места, а сокол — он сидел на плече у хозяина — взмахнул крыльями и резко крикнул. И все трое кинулись на великана. Тогда он испытал на себе, как лягается конь, и как кусается пес, и как клюется сокол. Они лягали, кусали и клевали его, пока ему конец не пришел.

Юноша увидел, что великан уже мертвый, взял у него из рук дубинку и пошел осматривать замок. И вот он спустился в темное, мрачное подземелье и нашел там своих брать ев. Они лежали рядом, холодные и словно каменные. Младший брат дотронулся до них великановой дубинкой, и они сразу ожили и вскочили на ноги, целые и невредимые.

Потом юноша пошел в другое подземелье и увидел двух коней, двух соколов и двух собак. Они, как и их хозяева, лежали словно мертвые. Юноша дотронулся до них волшебной дубинкой, и они тоже ожили.

Тогда он позвал братьев, и все трое обыскали другие подземелья и нашли в них горы золота и серебра — столько, что им на весь век хватить могло. Потом они зарыли в землю великана и поселились в его замке. Двое братьев поехали домой и вернулись со стариком отцом. И вот

зажили они в замке счастливо, да и по сей день так живут.

Волк, улитка и осы

Французская сказка

Раз волк шел по лесу и наступил на улитку. В те времена животные еще умели говорить как люди. Вот улитка ему и сказала:

— Какой ты злой, волк! Зачем топчешь ногами слабых? И чем гордишься? Захочу, так побегу быстрее тебя. Давай побьемся об заклад, что ты и твои приятели волки запыхаетесь, догоняя меня.

— Это тебя-то не догнать, убогая?

— Да, меня, волк. Приходи сюда вместе со своими собратьями завтра с восходом солнца, и посмотрим, кто из нас первый добежит до берега Гаронны.

— Хорошо, придем, убогая.

Волк продолжал путь. Не прошел он и двадцати шагов, как наступил на осиное гнездо.

— Какой ты злой, волк, зачем топчешь ногами слабых? Мы, осы, малы, но тебя не боимся. Хочешь, побьемся об заклад, что мы утопим и тебя, и твоих приятелей волков?

— Это вы-то, мелюзга этакая?

— Да, мы, волк. Приходи сюда вместе со свои-

ми собратьями завтра, когда взойдет солнце, и посмотрим, много ли нам понадобится времени, чтобы утопить вас в Гаронне.

— Хорошо, придем.

Волк тотчас же пошел предупредить своих. А улитка сказала осам:

— Подружки, оповестите весь ваш осиный народ. Мои улитки тоже все непременно соберутся на зов. Спрячьтесь в ветвях ив, что растут на берегу Гаронны. Мы пригоним вам волков, а вы в удобную минуту нападите на них и жальте, пока они не бросятся в воду.

— Хорошо, улитка, будет сделано.

И осы улетели, чтобы исполнить то, что обещали. А улитка разместила своих подружек на всем пути до берега Гаронны, через каждые пять шагов по улитке.

На другое утро, с восходом солнца, волки и улитка были уже на том месте, откуда решено было начать бег.

— Ты здесь, улитка?

— Здесь, волки. Начнем.

Волки помчались галопом. На бегу они кричали:

— Где ты, улитка?

— Здесь, волки, — отвечали улитки, расстав-

ленные по дороге через каждые пять шагов.

Когда волки добежали до берега Гаронны, осы тучей вылетели из листвы ив и, напав на зверей, принялись больно жалить их, громко жужжа:

— Сильнее! Сильнее!

Бедные волки кинулись в реку и не смели высунуть из воды ничего, кроме кончика морды.

— В нос, в нос! — жужжали осы, налетая на волчьи носы и усердно работая жалами.

Волки все утонули, а улитки и осы, очень довольные, воротились в лес.

Волшебный колодец

Киргизская сказка

Жил когда-то на свете могущественный хан, покоритель северных гор и южных, властелин зеленых пастбищ и снежных вершин.

Много сокровищ было у него во дворце, но самым драгоценным сокровищем была его дочь Сарын-Гырыл.

Кто под луной поспорил бы с ней в красоте? Никто.

Глаза у Сарын-Гырыл как два солнца сияют, на щеках алые розы цветут, тяжелые косы, словно черная ночь, на землю падают.

На всем свете не было красавицы такой, как Сарын-Гырыл. Хан любил ее больше своей жизни, гордился ею больше, чем своей славой.

И вот пришло время выдавать Сарын-Гырыл замуж.

Но как найти жениха, достойного прекрасной царевны?

Есть на свете знатные юноши, но как узнать — кто самый знатный?

Есть на свете храбрые юноши, но как угадать —

кто самый храбрый?

Есть на свете красивые юноши, но как выбрать самого красивого?

Как узнать, с кем найдет прекрасная Сарын-Гырыл свое счастье?

Думал, думал хан и вот что придумал.

Перед самым дворцом велел он вырыть колодец, а потом послал своих глашатаев во все концы царства, чтобы повсюду объявили они его ханскую волю: кто хочет получить ханскую дочь в жены, пусть доверху наполнит ханский колодец золотом и самоцветными камнями.

Одно только скрыл от всех хан: что колодец этот — волшебный и не всякий мог наполнить его золотом и драгоценностями, а только достойнейший из достойных.

И вот стали съезжаться к ханскому дворцу смелые воины, знатные юноши, прекрасные царевичи, — все, кто хоть раз слышал о чудесной красоте Сарын-Гырыл.

Множество драгоценных даров было брошено на дно колодца, но никому не выпало на долю получить руку прекрасной царевны, потому что никто даже наполовину не засыпал ханский колодец золотом.

Так и возвращались женихи ни с чем — и без

невесты, и без своих богатств.

А в то самое время жил на свете другой хан.

Не счесть было его богатств. Но не богатством гордился хан — хоть и было оно поистине несметным! — а гордился он своим единственным сыном.

Да и как не гордиться им!

Был царевич красив и смел, отважен и силен. Все дала ему в дар щедрая судьба. Ни в чем не знал он неудачи.

И вот дошла до царевича слава о прекрасной Сарын-Гырыл, и захотел он попытать свое счастье.

Золота у него было без счета. Но как угадать, сколько мешков понадобится, чтобы доверху засыпать ханский колодец?

Думал, думал царевич и вот что придумал: в своем саду приказал он вырыть глубокий колодец — такой глубокий, что даже дна его не было видно, — а потом засыпал его до самого верха блестящими монетами и самоцветными камнями. И сколько мешков золота высыпал он в колодец, столько же велел грузить на слонов, чтобы везти все эти богатства хану.

«Верно, ни от кого еще не получал хан таких богатых даров», — весело думал царевич, отправляясь в путь.

Впереди него тянулся длинный караван — сто самых больших слонов медленно шли, раскачиваясь под тяжелой ношей. А позади него следовала свита — сто придворных на самых лучших конях сопровождали своего господина.

Много дней и много ночей караван был в пути. И вот наконец увидел царевич стены города, где жила прекрасная Сарын-Гырыл.

Перед ханским дворцом царевич приказал каравану остановиться, а сам подъехал прямо к колодцу и, перегнувшись с седла, заглянул вниз.

«Ну, этот колодец и не так широк и не так глубок, как мой, — подумал царевич. — Я наполню его своим золотом не то что доверху, а даже с верхом».

И он смело приказал стражникам, стоявшим у ворот дворца, пропустить его к хану.

— Я приехал свататься к твоей дочери, великий хан, — сказал царевич. — О богатстве моем не беспокойся, его хватит, чтобы наполнить десять таких колодцев.

— Я хочу, чтобы ты наполнил только один, — сказал хан.

— Ну, об одном нечего и говорить! К чему пересыпать золото из мешков в колодец? И так видно, что его больше, чем надо. Зачем попусту

тратить время?

— Это верно, — сказал хан. — Не надо попусту тратить время, а ты тратишь его в пустых разговорах.

— О великий хан! — воскликнул юноша. — Взгляни в окно. Сто слонов шатаются под тяжестью золота и драгоценных камней, которые я привез тебе в дар. Ничего не стоит наполнить этими сокровищами твой колодец.

— Так наполни же его, и ты получишь то, что хочешь, — сказал хан.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — ответил царевич.

И он приказал своим слугам высыпать в ханский колодец золото из мешков.

Смотрит царевич, как течет золото в ханский колодец, и не верит своим глазам: словно сквозь землю уходит все его богатство.

Вот уже все мешки опустошены, а золото даже половину колодца не наполнило.

Тогда царевич приказал продать всех слонов и вырученное золото тоже бросил в колодец.

Но много ли прибавится в море воды от одной упавшей капли? Столько же прибавилось и золота в колодце.

Тогда царевич продал всю свою свиту и бросил

в колодец новые мешки золота.

Только и это не помогло.

Теперь у царевича ничего уже не было, и, кинув в колодец последнюю монету, он побрел прочь от дворца.

Долго скитался он без пристанища, голодный и усталый. Наконец пришлось ему сменить свое царское платье на простую одежу и взяться за первую попавшуюся работу, чтобы не умереть с голоду.

Вернуться к себе на родину он даже не помышлял.

Путь туда был долгий, а денег у него было теперь так мало, что карман его бедного платья и то никогда не наполнялся монетами.

Но вот случилось однажды, что прекрасная Сарын-Гырыл проезжала в своей колеснице по городу. А царевич в это время шел с вязанкой дров за плечами и, заглядывая во все дворы, громко выкрикивал:

— Кому дрова нужны? Кому дрова принести?

И, хоть одет он был в жалкое рубище, Сарын-Гырыл сразу приметила его.

Она приказала своим слугам подозвать разносчика дров и, прикрыв лицо покрывалом, сказала ему такие слова:

— Послушай, юноша, кто ты такой? Если поглядеть на твое платье — ты ничем не отличаешься от всякого поденщика, но по лицу твоему и рукам сразу видно, что ты непривычен к тяжелой работе. Признайся же мне, кто ты на самом деле?

— Что ж, я скажу тебе правду, — ответил царевич. — Я сын Цокто-хана и приехал в эту страну, чтобы свататься к прекрасной Сарын-Гырыл. Весь свет говорит, что никто не сравнится с ней в красоте. Я привел целый караван с золотом в дар ее отцу, но этого золота все-таки не хватило, чтобы наполнить колодец. Тогда я продал всех своих слонов, продал всю свою свиту. Но, видно, колодец этот бездонный — сколько ни бросай, все равно не наполнить… И вот я остался ни с чем, надел это рубище и продаю дрова, чтобы не умереть с голоду.

— Мне жаль тебя, царевич, — сказала Сарын-Гырыл, выслушав его рассказ, — и я хочу помочь тебе. Раздобудь сегодня несколько монет, а завтра пойди к хану и скажи, что ты хочешь попытать свое счастье. Только хорошенько запомни: пока не увидишь Сарын-Гырыл своими глазами, не бросай монеты в колодец.

— Благодарю тебя за доброе слово, — грустно сказал царевич. — Но лучше мне не ходить во

дворец. Что пользы, если я своими глазами увижу теперь прекрасную Сарын-Гырыл? Жалкие монеты, которые я выручу за день, не покроют даже дна ханского колодца.

— Напрасно ты говоришь так, — сказала Сарын-Гырыл. — Ведь колодец этот заколдованный, и я открою тебе его тайну: только тот сможет наполнить его золотом до самого верха, кого полюбит Сарын-Гырыл всей душой. Только у того хватит богатства, кто сам полюбит ее всем своим сердцем. А не то — всех сокровищ мира будет мало, чтобы наполнить ханский колодец. Послушайся же моего совета и сделай так, как я тебе говорю.

— Хорошо, я сделаю все, как ты сказала! — воскликнул царевич. — Но разве может полюбить меня прекрасная Сарын-Гырыл? Чем прельстится она, увидев жалкого поденщика?

— Никто не знает того, что будет, — сказала царевна. — Ты не пожалел отдать целый караван с золотом, сам не зная за что, не жалей же теперь нескольких монет. Может быть, они принесут тебе счастье.

Целый день не покладая рук работал царевич, и к вечеру в его кармане звенело несколько монет.

А на утро следующего дня царевич снова пошел к ханскому дворцу.

Стражники у ворот долго не хотели пускать его.

— Куда тебе к ханской дочери свататься! — смеялись они.

— Твое золото только в дырявом ведре и унесешь!

— Иди-ка, иди отсюда, пока не поздно!

Но царевич словно и не слышал, что над ним смеются.

— Не вам, — говорит, — мое золото считать, и не к вашим дочерям я сватаюсь. А отдаст за меня хан свою дочь или не отдаст, это он сам скажет.

Наконец пустили его во дворец.

— Великий хан, — сказал царевич, — я хочу просить у тебя руки твоей дочери.

Хан даже спорить не стал.

— Что ж, — говорит, — попытай свое счастье. Только знаешь ли ты, что тот, кто хочет жениться на моей дочери, должен наполнить мой колодец золотом?

— Знаю, великий хан. Но дозволь мне сначала взглянуть на твою дочь. Своими глазами хочу я увидеть, так ли хороша она, как говорят люди, стоит ли она того, чтобы я отдал за нее все свое золото.

— Видно, не много у тебя золота, что ты так

дорожишь им, — сказал хан. — Ну, да пусть будет по-твоему, хотя, если правду говорить, не твоим недостойным глазам смотреть на мою дочь. Много было у нее женихов — не тебе чета! — а всех постигла неудача. Лучше послушайся моих слов, откажись от сватовства. Зачем попусту тратить время?

— Истину гласят твои справедливые уста, — сказал царевич. — Зачем попусту тратить время? А ты тратишь его в пустых разговорах. Золото мое тобой не считано, а бросать его даром я тоже не хочу. Дозволь же мне, милостивый хан, взглянуть моими недостойными глазами на твою красавицу дочь.

Нечего делать, приказал хан своим слугам привести царевну.

Пришла Сарын-Гырыл.

Взглянул на нее царевич, и, словно птица в клетке, забилось его сердце.

«Ах, — думает царевич, — зачем я пришел сюда, зачем увидел ее! Теперь навсегда потеряло покой мое бедное сердце!..»

А Сарын-Гырыл смотрит на него, и душа ее так и поет от любви.

— Ну, — говорит царевичу хан, — я тебе свою дочь показал, показывай теперь ты свои богат-

ства. Или, может быть, недостойна моя дочь твоих подарков?

Ничего не сказал царевич. Молча бросил он свои монеты в колодец.

И сразу — что за чудо! — наполнился колодец золотом до самых краев. Да что — до краев! Через край сыплется золото! Рекой течет!

Хан глазам своим не верит.

А царевич смотрит на него и смеется.

— Видишь, великий хан, не так уж мало у меня золота. Может, и был я бедным поденщиком, а теперь нет человека богаче меня.

Так и женился царевич на прекрасной Сарын-Гырыл. И прожили они без горя и забот до конца дней своих.

Два брата

Латышская сказка

Жили по соседству два брата. Один богатый, другой бедный. Один жадный, другой добрый. Один деньги считает, другой долги копит.

Вот как-то под вечер зашел к богатому брату прохожий старичок — голова белая, борода белая, весь трясется.

— Дозволь, — говорит, — у тебя ночь переночевать?

— Ступай, ступай отсюда, — отвечает богатый. — Некуда мне тебя положить. Иди вон к соседу!

Постучался старичок к бедному брату.

— Не пустишь ли переночевать? — просит.

— Входи, дедушка, — говорит бедняк. — Места хватит. Садись-ка с нами за стол, чем сами богаты, тем и тебя накормим.

Поел старичок и лег спать. А утром стал он собираться в путь и говорит бедняку на прощание:

— Спасибо тебе, сынок, что приютил старика. Рассчитаться мне с тобой нечем, деньгами я не богат, так я тебе добрым словом заплачу.

Вот запомни: что с утра начнешь, то к ночи и кончишь.

С тем и ушел.

«Чудной старичок, — думает бедняк. — И слова какие-то чудные говорит. Да ведь и то верно: бедняк, точно белка в колесе, с утра до ночи вертится, а утро придет — и опять на том же месте вертись».

Вздохнул он тяжело, а потом зовет жену:

— Ну-ка, жена, давай снимать домотканину! Небось на заплаты хватит того, что наработали.

А у них еще с вечера домотканое сукно осталось на стане неубранным.

Взялись они за дело. Снимают, снимают — что за чудо! — домотканине конца-краю нет, только успевай скатывать. Все лавки сукном завалили, все углы свитками заложили, а сукно все идет и идет — как река течет.

До самой ночи они сукно снимали. А наутро нагрузил бедняк свою телегу и поехал на базар. Продал там сукно — домой полную телегу денег привез.

— Ступай, — говорит жене, — позови брата, рассчитаемся с ним за все его милости.

Богач пришел да так и разинул рот от удивления.

— Это с чего же ты разбогател? — спрашивает.

Бедняк и рассказал ему все как было.

Богатый от зависти сам не свой стал. Прибежал точно угорелый домой, кричит жене:

— Вари! Жарь! Пеки!

А сам все в окошко высовывается: не идет ли старичок?

К вечеру и вправду увидел он прохожего старичка.

Выбежал богатый к нему навстречу, под руки в дом повел, за стол усадил, потчует дорогого гостя:

— Ешь, милый человек! Пей на здоровье!

А потом и спать его уложил — пуховую перину ему дал, пуховым одеялом укрыл.

Всю ночь ворочался богач с боку на бок.

«Ведь как угощал я этого проклятого старика! — думает. — Ничего для него не пожалел! Неужто не отблагодарит меня? Быть того не может!»

А старичок и вправду справедливый был.

Поутру собрался он уходить и говорит хозяину:

— Спасибо тебе, что накормил и приютил. Только вот не знаю, чем мне с тобой расплатиться. Денег у меня нет…

Богач так и позеленел от злости. «Неужто не скажет старик заветных слов?»

— А вот слово мое запомни, — говорит старичок, — пригодится оно тебе: что с утра начнешь делать, то и будешь весь день делать.

Отлегло у богача от сердца.

Выпроводил он старичка и бросился в клеть пересыпать деньги из сундука.

Тут вдруг зачесалась у него спина. Прислонился он к дверному косяку, чтобы почесаться, и — что за напасть! — не оторвать ему спину от косяка. Рвется, дергается справа налево, слева направо, а с места сдвинуться не может.

Стал он звать жену. Только и она не оторвала его от косяка.

Так до самой ночи и чесал спину богач — всю до крови содрал.

И винить некого, сам во всем виноват.

Джамхух – сын оленя

Абхазская сказка

Давно это было.

Жил на свете охотник по имени Хапар.

Однажды отправился Хапар со своими друзьями на охоту. Долго ходили охотники по лесу, а никакая добыча им не попадалась. С пустыми руками нет охотникам обратной дороги, вот и шли они все дальше и дальше в лес, пока не дошли до зеленой лужайки.

Видят — посреди лужайки лежит, греется на солнце олениха с оленятами. Обрадовались охотники. Осторожно, чтобы ветка не хрустнула, чтобы лист не зашуршал, стали подбираться к оленям.

И вдруг увидел Хапар среди оленят мальчика. Маленького мальчика. С оленятами он играл, будто сам был олененком, и оленята, видно, не считали его человеком, а старая олениха кормила его своим молоком, словно он был ее родным детенышем.

Очень удивился Хапар, увидев такое чудо, и захотелось ему поглядеть поближе на этого

мальчика.

Приказал он охотникам не стрелять, а сам, не таясь и не скрываясь, вышел на полянку.

Завидя человека, олениха с оленятами стрелою понеслась в глубь леса. Побежал за ними и мальчик. Быстрые ноги были у него, а все же две ноги с четырьмя не сравняются — отстал он от оленей.

Догнал его Хапар и увел к себе домой.

Дом у Хапара был хоть и богатый, да пустой — ни жены, ни детей, ни другой какой родни.

Скучно было Хапару жить одному, вот и решил он оставить мальчика у себя.

Отца-мать своих мальчик не знал, роду-племени своего не ведал, языка человеческого не слышал. Вскормил его олень, лес был его домом, земля — постелью.

Хапар одел его, как людей одевают, научил человеческому языку, дал ему имя Джамхух, что значит — сын оленя. И пошла слава про Джамхуха — сына оленя по всем горам и ущельям, потому что был он смелый и красивый, ум имел быстрый, сердце — храброе, глаз — острый, руку — точную.

Очень полюбил старый охотник Джамхуха, роднее родного сына стал он ему, и жили они в мире и дружбе до конца дней Ха пара.

Перед смертью подозвал старый охотник к себе Джамхуха и сказал ему так:

— Пришел мой последний час, Джамхух. Возьми ключи от всех моих сундуков и ларей и будь теперь хозяином моего дома. Все, что есть у меня, все твое. Одного только сундука не открывай, прошу тебя, — того, что стоит в подземелье. Там хранится изображение красавицы, сестры семи брать ев-великанов, что живут в восточной стороне. Кто посмотрит на нее — все на свете забудет, а кто пойдет искать ее — за своей смертью пойдет. Было у меня три сына — все сложили за нее свои головы. Ты мне все равно что родной сын. Послушайся же моего совета, не открывай сундука, не приближай дня своей гибели.

Сказал так старый охотник и умер.

И вот остался Джамхух хозяином всех его сокровищ. Только ни на что даже смотреть он не хотел, ничего ему не нужно было, кроме того сундука, где хранилось изображение красавицы.

«Может, и пропаду я, если взгляну на эту красавицу, — подумал Джамхух, — да ведь если не увижу ее, тоже пропаду».

Подумал так, спустился в подземелье и открыл заветный сундук. На горе себе открыл он этот сундук! Такую красавицу увидел, что обо всем на

свете сразу позабыл. И дал он себе клятву найти ее, где бы она ни была.

Заткнул Джамхух за пояс свой кинжал и пошел через леса и горы, через реки и долины — прямо на восток, туда, где в замке семи братьев-великанов жила красавица.

Много дней шел Джамхух, много ночей шел.

И вдруг попался ему на пути человек. Шел этот человек по полю и лопатой выворачивал землю. Выворотит целую глыбу — и в рот. Выворотит — и в рот. И сколько ни ест, все ему мало.

— Ох, совсем я с голоду ослаб, — стонет. — Совсем не жирная земля, — плачет. — Один песок с глиной.

Удивился Джамхух, глядя на него, и говорит:

— Первый раз в жизни встречаю такого ненасытного человека. Скажи, пожалуйста, кто ты такой?

— Не понимаю, чему ты удивляешься, — сказал незнакомец. — Я самый обыкновенный Объедало, и не так уж много я съел — всего половину поля. Вот если бы ты встретил Джамхуха — сына оленя, — тогда и вправду было бы чему дивиться.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша, — но я даже комка земли не мог бы проглотить, а ты съел половину поля.

— Если ты Джамхух, — сказал незнакомец, — позволь мне быть твоим товарищем и спутником, куда бы ты ни шел, какое бы дело ни задумал.

И, проглотив последний комок земли, он отправился вместе с Джамхухом в путь.

Скоро дошли они до реки.

Видят — стоит в воде человек. Раскрыл рот — и вода ему прямо в горло льется.

Все мельче и мельче становится река. А он все пьет и пьет и никак напиться не может.

— Ох, совсем горло пересохло, — жалуется. — Где бы еще воды достать?

— Неужто тебе мало этой реки? — удивился Джамхух. — Кто ты такой, что целую реку выпил, а напиться не можешь?

— Я самый обыкновенный Опивало, и не так уж много я выпил, — ответил человек. — Вот если бы ты увидел Джамхуха — сына оленя, тогда и верно было бы чему удивляться.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша. — Только мне и ведра воды было бы много, а тебе целой речки мало.

— Если ты Джамхух, я готов быть твоим товарищем, — сказал Опивало. И, допив речку до дна, он вышел на берег.

Втроем пошли они дальше.

Шли, шли и видят — пасется на горном склоне заячье стадо. Тут же, около стада, пастух прохаживается. К ногам пастуха привязаны тяжелые мельничьи жернова, а он их словно не замечает. И чуть какой заяц бросится в сторону, пастух только шаг сделает — и уже догнал беглеца.

— Вот чудак! — воскликнул Джамхух. — Зачем ты привязал к ногам такую тяжесть?

— Разве это тяжесть? — усмехнулся парень. — Без этих жерновов я и минуты не устоял бы на месте, ноги сами унесли бы меня на край света. А какой же это пастух, если он от своего стада убегает? Да ты не удивляйся. Я ведь самый обыкновенный Скороход. Таких, как я, много. А вот говорят люди, что есть на свете Джамхух — сын оленя. Вот его бы увидеть, тогда было бы чему удивляться.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша, — но я не смог бы и шагу ступить, если бы к моим ногам привязали такие тяжелые жернова.

— Если ты Джамхух, позволь мне быть твоим товарищем и помощником, — сказал Скороход. И он двинулся вместе со всеми в путь, прицепив к ногам еще по одному жернову, чтобы не забегать вперед.

Шли они, шли и видят — стоят на дороге два

человека и смотрят в небо.

— Что это вы в небе высматриваете? — спрашивает их Джамхух.

— А разве ты не видал, как там, на седьмом небе, коршун за голубем гонялся? Мой товарищ подбил его, и теперь мы ждем, пока добыча упадет на землю. Да это что! Голубя и слепой увидит. А вот вчера комар в лесу крылышко потерял, так я это крылышко нашел, а мой товарищ его на место вправил, и летает этот комар опять как ни в чем не бывало.

Удивился Джамхух:

— Никогда не видел я таких людей!

А человек говорит:

— Что ж тут особенного? Не был бы я Остроглазый, а он Ловкорукий, если бы мы не могли справиться с такими делами. Тут удивляться нечему. Видно, ты ничего не знаешь про Джамхуха — сына оленя, если удивляешься, глядя на нас.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша. — Только разве я могу похвалиться такими острыми глазами и такими ловкими руками?

— Если ты Джамхух, мы будем твоими руками и глазами, — сказали они и вместе со всеми двинулись в путь.

Опять идут. Через леса и горы идут, через долины и реки идут.

И вдруг видят — лежит на дороге человек, приложив ухо к земле, и что-то слушает.

— Что ты делаешь тут? — спросил его Джамхух.

— Подожди, подожди, — замахал руками человек. — Ты мешаешь мне слушать. Далеко под землей поспорили два муравья. Я хотел узнать, из-за чего у них спор разгорелся.

— Что за удивительный человек! — воскликнул Джамхух. — Мы не слышим, о чем говорят люди в соседнем доме, а он слышит, о чем спорят муравьи под землей.

— Ну что тут особенного? — сказал человек. — Просто у меня большое ухо. А вот если кто достоин удивления среди живущих, так это Джамхух — сын оленя.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша, — но я не стал бы состязаться с тобой в твоем искусстве.

— Если ты Джамхух, — сказал Большеухий, — позволь мне быть твоим товарищем и спутником.

И, не дослушав, чем кончился муравьиный спор, он вскочил на ноги и пошел со всеми.

Теперь уже семеро идут — Джамхух и его товарищи: Объедало, Опивало, Скороход, Остроглазый, Ловкорукий и Большеухий.

Вперед и вперед идут, прямо на восток, туда, где в замке братьев-великанов живет красавица.

И вот наконец увидели они этот замок. Дорога к нему человеческими костями вымощена, ограда вокруг него человеческими черепами украшена. Но не испугались Джамхух и его товарищи, не повернули назад, а смело вошли в замок.

Как раз все братья-великаны в сборе были. Все за столом сидели, точно поджидали Джамхуха.

И с ними вместе сидела их сестра.

Сердце замерло у Джамхуха, так она была прекрасна.

Стоит Джамхух, глаз отвести от нее не может.

А великаны смотрят на Джамхуха и его товарищей и облизываются.

«Хороший будет у нас сегодня ужин, — думают, — каждому братцу по молодцу».

Наконец поднялся старший великан навстречу гостям и говорит:

— Пусть будет счастлив ваш приход, дорогие гости. Кто вы, откуда и куда путь ваш лежит?

Тут поклонился Джамхух великанам и говорит:

— Привет вам. Я — Джамхух — сын оленя, а это мои товарищи, верные мои спутники. Пришел я свататься к вашей сестре. Говорите, какой выкуп желаете получить за нее?

Усмехнулись великаны:

— Выкупа нам не надо. Богатства у нас и своего довольно. Только не можем мы выдать нашу единственную сестру за первого встречного-поперечного. Покажешь свою силу-ловкость — сестра твоей будет, а мы к тебе в услужение пойдем, не покажешь — милости просим и тебя, и твоих товарищей к нам на ужин.

— Ладно, — говорит Джамхух. — Пусть будет по-вашему. Говорите, в чем хотите меня испытать?

Тут старший великан и говорит:

— Вон в углу лежит камешек, — и показывает на обломок скалы в три обхвата. — Если расколешь его своим кинжалом, значит, достоин ты нашей сестры.

Услышала красавица слова брата, и жаль ей стало Джамхуха. «Ах, — думает, — не разрубить этому прекрасному юноше камня, пока не обмотает он свой кинжал волоском из моей косы».

Не успела красавица и в мыслях своих сказать это, а Большеухий уже услышал ее слова, а Ловкорукий уже выдернул из ее косы волосок и дал

Джамхуху. Обвил Джамхух этим волоском свой кинжал, размахнулся и с одного раза расколол камень — словно яйцо разрезал.

Растерялись великаны, не знают, что и сказать.

Наконец старший говорит:

— Вижу я, что ты и вправду молодец. Не знаю вот, что братья скажут.

Стали тут братья испытывать Джамхуха на все лады, каждый по-своему. Один говорит:

— Хочу я посмотреть, будет ли нам Джамхух достойным сотрапезником. Принесите-ка ему кабанью тушу, пусть съест.

Принесли слуги тушу кабана. Да не успели оглянуться, а ее уже нет. Объедало ее целиком проглотил. Тогда другой брат-великан говорит:

— Видим мы, что ты умеешь поесть, а вот покажи-ка теперь, как ты пьешь. — И приказал поставить перед Джамхухом бочку вина.

Вкатили слуги огромную бочку. Да не успели открыть ее, а она уже пустая — Опивало ее одним глотком осушил, только губы себе обмочил.

Совсем перепугались братья-великаны. А виду не показывают.

— Ну, — говорят, — пить-есть ты герой. Покажи-ка нам теперь, такой ли ты быстрый на ноги,

как на еду. Тут недалеко озеро есть. Простому человеку туда неделя ходьбы, ну, а ты, верно, до захода солнца успеешь и на озере побывать, и к нам вернуться.

— Что ж, — говорит Джамхух, — я готов. Только скучно мне бежать одному. Кто из вас со мной побежит?

Смотрят великаны друг на друга, не знают, что и ответить. Не хочется им бежать с Джамхухом.

— Мы с тобой пошлем нашего слугу Быстрохода, — говорят наконец.

— Ладно, — говорит Джамхух. — Только тогда уж и я вместо себя своего слугу пошлю. Не пристало мне с вашими слугами состязаться, вперегонки с ними бегать.

Ничего не поделаешь, пришлось великанам согласиться.

А тем временем Скороход снял жернова с ног, сделал шаг — и только его и видели! Быстроход за ним бегом бежит, и вприпрыжку, и вприскочку, а догнать не может. Прибежал к озеру чуть живой, еле дышит, на ногах не стоит.

А Скороход как ни в чем не бывало по берегу прогуливается, его поджидает.

— Ты что это, — говорит Скороход Быстроходу, — так медленно плетешься? Я пока ждал тебя,

уже выкупаться успел.

Понял тут Быстроход, что без обмана никак ему не обойтись, и говорит:

— Вот что, друг. Мне за тобой, конечно, не угнаться, а тебе спешить некуда. Давай посидим, отдохнем, а потом в обратный путь двинемся.

Скороход и поверил ему. Лег на бережку, на солнышке греется, птиц в небе считает. А хитрый Быстроход вытащил из кармана колдовскую дудочку, сел рядом со Скороходом и давай в самое ухо ему наигрывать. Играл, играл, пока Скороход под эту музыку не заснул.

Тут Быстроход как даст ходу! Без оглядки бежит, боится, не проснулся бы Скороход.

А тем временем в замке братьев-великанов хозяева и гости на солнце посматривают, своих посланных ждут.

И вдруг насторожился Большеухий, недоброе что-то почуял. Вышел он во двор, лег на землю, слушает. Так и есть!

Спит Скороход крепким сном, даже похрапывает. А Быстроход через леса и горы шагает. Все ближе и ближе шаги его слышны.

Кликнул тут Большеухий своих товарищей — Остроглазого и Ловкорукого. Один высмотрел, где лежит Скороход, а другой взял камешек, прице-

лился, да и метнул в него.

Вскочил Скороход, точно кто встряхнул его во сне. Видит — Быстрохода и след простыл, а солнце уж к закату клонится. Понял он тут, что обманули его, да горевать некогда, надо время наверстывать.

Отряхнул он песок с пяток, чтобы ни одна песчинка его не задерживала, весу ногам не прибавляла, и пустился шагать. На горы ступит — искры из камней сыплются, в воду ступит — пар к небу поднимается.

У самых ворот догнал он хитрого Быстрохода, перешагнул через него и вбежал в замок. Ухватился за выступ стены, едва на месте стоит. Уж до того разошлись у него ноги, что сами так ходуном и ходят, вперед несут.

А следом за Скороходом Быстроход тащится. На хозяев даже взглянуть не смеет. Знает, что несдобровать ему.

И верно, мрачнее черной ночи стали великаны. От их гнева потемнело все вокруг. Только сестра их красавица от радости вся точно сияет.

Сидят великаны, думают, как бы им от Джамхуха избавиться.

Думали, думали и наконец надумали.

— Должен ты, — говорят они Джамхуху, — прой-

ти еще одно испытание. Видишь, посреди двора стоит шест? Так вот, поставь на голову чашу с водой и взберись-ка на этот шест. Если прольешь хоть одну каплю, не видать тебе ни сестры, ни белого света. Не прольешь — ступай на все четыре стороны и бери с собой молодую жену.

— Ладно, — говорит Джамхух. — Со гласен.

Поставил он чашу с водой на голову и полез на шест.

До самого верха добрался, ни одной капли не уронил.

А шест высокий был. Как на ладони видны оттуда все горы и ущелья.

И вдруг увидел Джамхух далеко-далеко в горах олениху, вскормившую его. С целой стаей волков билась олениха. Храбро билась, но все-таки одолели ее волки, повалили на землю и растерзали.

От горя сжалось у Джамхуха сердце, и слезы полились из его глаз.

А великаны увидели капли, упавшие на землю, и обрадовались.

«Ну, — думают, — теперь-то мы отделались от тебя!»

И не успел Джамхух спуститься на землю, обступили великаны его со всех сторон и говорят:

— Хоть и смел ты, и умен, и ловок, а все-таки

придется тебе расстаться с жизнью. Не наша вина, что пролил ты воду!

— Неправда, — говорит Джамхух, — ни одной капли воды я не пролил, полна чаша до краев!

— А это что же? — спрашивает старший брат-великан и показывает Джамхуху темные влажные пятна на песке.

— Не вода это, — говорит Джамхух, — это слезы из моих глаз.

— Сейчас узнаем, — говорит великан.

Нагнулся он, взял щепотку мокрого песку и положил себе в рот. И сразу точно передернуло его — горьким и горячим был этот песок, потому что горькими и горячими слезами плакал Джамхух.

— Твоя правда, — говорит великан, — твое счастье. Вижу я, что нам тебя не переспорить. Бери же нашу сестру себе в жены, а мы будем твоими слугами. Сейчас и обручение твое отпразднуем.

Семь дней шел в замке пир. До отвала все ели, до отказа пили. Только Объедало голодным из-за стола встал, да Опивало едва губы обмочил.

Жадная мельничиха

Украинская сказка

Жил в селе мельник с мельничихой. А рядом в хате жила старенькая старушка. Только и было у нее богатства что курочки в закутке.

А у мельничихи всего вдоволь. Да, видно, мало ей своего добра. Вот она возьми да и начни красть тех курочек. Как рано ни выйдет бабуся, все недосчитается то одной курочки, то другой, то беленькой, то черненькой, то пеструшки, то хохлушки.

Ну, она хоть и знала, кто курочек у нее берет, а помалкивала. Против мельниковой жинки разве пойдешь!

А мельничиха и рада — берет и берет курочек. Всех перебрала, один петушок остался. Ну, она и петушка взяла.

Вот вышла бабуся раным-ранехонько взглянуть на своего петуха, а петуха уж и нет. Чуть не плачет бабуся, а слова сказать не смеет.

В ту пору мельник как раз на ярмарку поехал. Возвращается домой, глядит: мельничиху и не узнать, вся как есть перьями обросла. Ну точно

квочка по хате из угла в угол мечется.

Стал допытываться у нее мельник:

— Это что, жинка, за чудо с тобой приключилось?

Она ему и покаялась.

— Так, мол, и так, — говорит. — Покрала я курочек у бабуси, вот, видно, за это и вышло мне такое наказание.

Мельник к знахарке.

— Выручи, — просит. — Согрешила моя жинка, покрала у соседки-бабушки курочек, а теперь вся перьями обросла. Ну чисто клушка!

А знахарка и говорит:

— А что, бабуся та ругается?

— Да нет, — говорит мельник, — она не шумит. Только ведь все равно срам на все село. Перьято не скроешь! А бабушка ничего, молчит, она незлобивая.

— Вот и плохо, — говорит знахарка, — что незлобивая. Пока не осерчает она на твою жинку, не спадут с нее перья.

Вернулся мельник в село и прямо к соседке.

— Доброго здоровья, бабуся, — говорит.

— Бывай здоров, добрый человек.

— Слышал я, — говорит мельник, — что у вас тут покража случилась.

— Какая там покража, — говорит бабуся. — У меня все цело.

— Как же цело-то? Курочки-то ведь пропали?

— Это верно, — говорит бабуся, — унес кто-то моих курочек.

— Как же так, бабуся, — говорит мельник, — обидел вас недобрый человек, а вы молчите.

— Да чего уж там, батюшка, — говорит бабуся. — Вот дождусь лета, куплю курочку с петушком и разведу себе цыплят.

А сама думает: «И чего это ему от меня надо? Верно, выведать хочет, не прячу ли я где курочек?»

А мельник не отстает:

— Как же можно так, бабуся? Вы этого вора хоть бы облаяли. Все легче на душе станет.

— А чего там лаяться, — говорит бабуся. — У меня на душе и без того легко. Я ведь чужого не краду.

Мельник и так и этак, да как ни бьется, с какой стороны ни подъезжает, а толку никакого. Не хочет бабуся лаяться — ну хоть плачь!

Уж солнце к закату снизилось, а мельник все от бабуси не уходит. И уж до того к ней привязался, что терпенья у нее не стало.

— Да будь он неладен, этот вор! — кричит

она. — И ты тоже! Прилип, как слепень!

Обрадовался мельник.

— Вот это добре, — говорит. — Вот это славно! Спасибо вам, бабуся! — И пошел домой.

Приходит, а у мельничихи и правда все перья спали, в прежнем виде она, как полагается.

Ну, тут мельник на радостях ничего уж не пожалел: собрал всякой всячины — и галушек, и колбасы, и сала — и понес бабусе.

А мельничиха с той поры на чужое и глядеть боится — куриного пера не возьмет, не то что курочку.

Журавлиные перья

Японская сказка

Художник Охара Косон

Давно-давно жили в одной горной деревушке старик со старухой. Очень они печалились, что детей у них не было.

Однажды в снежный зимний вечер пошел старик в лес. Собрал он большую охапку хвороста, взвалил на спину и начал спускаться с горы. Вдруг слышит он поблизости жалобный крик. Глядь, а это журавль попался в силок, бьется и стонет, видно, на помощь зовет.

— Ах ты, бедняга! Потерпи немного… Сейчас я тебе помогу.

Освободил старик птицу. Взмахнула она крыльями и полетела прочь. Летит и радостно курлычет.

Настал вечер. Собрались старики сесть за ужин. Вдруг кто-то тихонько к ним постучался.

— Кто бы это мог быть в такой поздний час?

Открыл старик дверь. Видит: стоит в дверях девушка, вся запорошенная снегом.

— Заблудилась я в горах, — говорит. — А на беду, сильно метет, дороги не видно.

— Заходи к нам, — приглашает старуха. — Мы гостье рады.

Взял старик девушку за руку и повел к очагу:

— Садись, обогрейся да поужинай с нами.

Поужинали они втроем. Видят старики, девушка красивая да такая ласковая. Стала она старухе по хозяйству помогать, а потом и говорит:

— Хочешь, бабушка, разомну тебе плечи, спину потру?

— Вот спасибо, доченька. Спина-то у меня и вправду болит. А как тебя по имени зовут?

— О-Цуру.

— О-Цуру, Журушка, хорошее имя, — похвалила старуха.

Пришлась старикам по сердцу приветливая девушка. Жалко им с ней расставаться.

На другое утро собирается о-Цуру в путь-дорогу, а старики ей говорят:

— Нет у нас детей, Журушка. Останься с нами жить.

— С радостью останусь, у меня ведь на свете никого нет… А в благодарность за доброту вашу натку я для вас хорошего полотна. Об одном только прошу: не заглядывайте в комнату, где я ткать буду. Не люблю, когда смотрят, как я работаю.

Взялась девушка за работу. Только и слышно в соседней комнате: кирикара тон-тон-тон.

На третий день вынесла о-Цуру к старикам сверток узорчатой ткани. По красному полю золотые журавли летят.

— Красота-то какая! — дивится старуха. — Глаз не отвести!

Пощупала ткань: мягче пуха, легче пера.

А старик взглянул на девушку и встревожился:

— Сдается мне, Журушка, что похудела ты. Щеки у тебя вон как впали. В другой раз не позволю тебе так много работать.

Вдруг послышался хриплый голос:

— Эй, дома, хозяева?

Это пришел торговец Гонта. Ходил он по деревням, скупал у крестьян полотно. Спрашивает Гонта:

— Ну что, бабушка, есть у тебя полотно на продажу? Наткала, верно, за зиму-то?

— Есть на этот раз у нас кое-что получше, господин Гонта, — отвечает старуха. — Вот взгляни-ка. Это наткала дочка наша Журушка. — И развернула перед Гонтой алую ткань. Золотые журавли словно живые летят.

— О, такого прекрасного узора и в столице никто не видал. Ваша дочь, я смотрю, мастерица! — Гонта сразу полез в кошелек, достал пригоршню золотых монет. Понял он, что в княжеском дворце продаст такую замечательную ткань во сто раз дороже.

— Золотые монеты! Смотрите, настоящее золо-

то! — Старики глазам своим не поверили.

Впервые на своем веку видели они золото.

— Спасибо тебе, Журушка, спасибо! — от всего сердца поблагодарили девушку старик со старухой. — Заживем мы теперь по-другому. Сошьем тебе новое платье к празднику. Пусть все любуются, какая ты у нас красавица.

Наступила весна. Пригрело солнце. Что ни день, прибегают к дому стариков деревенские дети:

— Сестрица Журушка, выйди, поиграй с нами.

Улыбается Журушка:

— Ну хорошо, давайте играть. Поплывем в гости к лунным феям.

Поднимут двое детей руки — это ворота в царство фей. А Журушка поет:

Поплывем мы в царство фей
Дружно, дружно, весело.
Облачко – как лодочка,
Серебряные весла.

Проходят дети в ворота веселой вереницей и стариков зовут:

— Дедушка, пойдем с нами играть! Бабушка, пойдем играть!

— Да полно вам, не тяните нас за руки так сильно, — смеются старики.

Но не всегда светить солнцу. И дождь полям нужен. Поглядит Журушка, что небо облака закрыли, и запоет:

Дождик, дождик, лей сильней,
Дождик, лей среди полей.
Дольше, дольше погости
На грушевом дереве.

Соберутся дети вокруг Журушки, а она им сказки рассказывает о разных диковинных птицах.

Хорошо было детям играть с Журушкой.

Но вот как-то раз снова пожаловал Гонта.

— Здравствуй, дедушка! Не найдется ли у тебя опять такой же ткани, как в прошлый раз? Продай мне, я охотно куплю.

— Нет, и не проси. Дочке моей о-Цуру нельзя больше ткать: очень она от этой работы устает. Боюсь, заболеет.

Но Гонта чуть не силой всунул старику в руки кошелек, набитый золотыми монетами.

— Я заплачу тебе еще дороже, чем в прошлый раз. А если ты не согласишься, пеняй на себя. Худо тебе будет. Меня ведь сам князь к тебе прислал, — пригрозил Гонта. — Чтоб через три дня была ткань готова, не то головой поплатишься!

Ушел Гонта, а старик и старуха стали горевать:

— Беда, беда! Что же с нами теперь будет! Пропали наши головы.

Все слышала о-Цуру, хоть и была в другой комнате. Стала она утешать стариков:

— Не бойтесь, не плачьте. Через три дня будет готова ткань, красивее прежней.

Пошла девушка в ткацкую комнату и затворила дверь наглухо.

Вскоре послышался за стеной быстрый-быстрый стук: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

День, и другой, и третий стучит ткацкий станок.

— Журушка, кончай скорее, будет тебе! — тревожатся старик со старухой. — Ты, верно, устала, доченька?

Вдруг послышался грубый голос:

— Ну как, готово? Покажите мне.

Это был Гонта.

— Нет, показать нельзя. Журушка крепко-накрепко запретила к ней входить, пока она ткет.

— Ого! Вот еще выдумки! Я вижу, ваша дочь привередница. Ну а я и спрашивать у нее не стану!

Оттолкнул Гонта стариков и настежь распахнул двери.

— Ой, там журавль, жу-жу-равль! — испуганно забормотал он.

Входят старики — и правда, стоит за ткацким станком большая птица.

Широко раскрыла она свои крылья, выщипывает у себя клювом самый нежный мягкий пух и ткет из него красивую ткань: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

Захлопнули старики дверь поскорее, а Гонта со всех ног убежал — так он испугался.

На другое утро прибежали дети звать Журушку.

— Журушка, выйди к нам, поиграй с нами или сказку расскажи.

Но в ткацкой комнате все было тихо.

Испугались старик со старухой, открыли дверь и видят: никого нет. Лежит на полу прекрасная узорчатая ткань, а кругом журавлиные перья рассыпаны… Начали старики звать дочку, искали-искали, да так и не нашли.

Под вечер закричали дети во дворе:

— Дедушка, бабушка, идите сюда скорее!

Выбежали старики, глядят… Ах, да ведь это журавль. Тот самый журавль! Курлычет, кружится над домами. Тяжело так летит…

— Журушка, наша Журушка! — заплакали

старики.

Поняли они, что это птица, спасенная стариком, оборотилась девушкой… Да не сумели они ее удержать.

— Журушка, вернись к нам, вернись!

Но все было напрасно. Грустно, грустно, точно прощаясь, крикнул журавль в последний раз и скрылся в закатном небе.

Долго ждали старик со старухой, но Журушка так и не вернулась.

Есть, говорят, на одном из дальних островов большое озеро. Видели там рыбаки журавля с выщипанными перьями. Ходит журавль по берегу и все поглядывает в ту сторону, где старик со старухой остались.

Золотой кувшин

Адыгейская сказка

Кто скажет — было то или не было, только верно, что жил на свете хитрый и жестокий царь. В жизни своей ни с кем не обошелся он по-хорошему, не было такого человека, которого бы он пожалел, не было такой собаки, которую бы он приласкал.

Все — от мала до велика — боялись царя, а сам он боялся только одного — старости.

Целыми днями сидел царь в своих покоях и рассматривал себя в зеркале.

Заметит седой волос — подкрасит краской.

Заметит морщинку — разгладит рукой.

«Нельзя мне стареть, — думает царь. — Сейчас все меня боятся, никто перечить не смеет. А сделаюсь старым и дряхлым — народ сразу перестанет меня слушаться. Как я с ним тогда управлюсь?»

И, чтобы никогда не вспоминать о старости, приказал царь убивать всех стариков.

Чуть только поседеет голова у человека, тут ему и конец. Царские стражники с топорами и секирами хватают его, ведут на площадь и рубят

ему голову.

Со всех концов страны приходили к царю женщины и дети, юноши и девушки — все приносили царю богатые подарки, все проливали горькие слезы, все молили царя пощадить их отцов и мужей.

Наконец надоело царю слушать каждый день жалобы и причитания. Позвал он своих гонцов и велел им по всем городам и селам, на всех дорогах и площадях объявить народу о своей великой милости.

Оседлали гонцы коней и разъехались в разные стороны. На всех дорогах и улицах, на всех перекрестках и площадях трубили они в трубы и громко выкрикивали:

— Слушайте все! Слушайте все! Царь дарует вам свою милость. Кто достанет со дна озера золотой кувшин, тот спасет жизнь своего отца, а кувшин получит в награду. Такова царская милость! А кто не сможет достать кувшин, тот и отца не спасет, и сам голову потеряет. Такова царская милость!

Не успели гонцы объехать и половину страны, как стали сходиться и съезжаться к озеру храбрые юноши.

Берег озера был обрывистый, и с высоты его, сквозь чистую, прозрачную воду, ясно виден был

прекрасный золотой кувшин с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

И вот прошло девяносто девять дней.

Девяносто девять храбрецов пытали свое счастье.

Девяносто девять голов отрубил жестокий царь, потому что никто не мог достать кувшин со дна озера — точно его заколдовал кто.

Сверху посмотреть — кувшин всякому виден, а в воде — никто найти его не может.

А в то самое время, в той самой стране жил юноша по имени Аскер. Очень любил Аскер своего отца, и, когда увидел он, что отец становится стар, что на лице его появляются морщины, а волосы становятся серыми от седины, увел Аскер отца далеко в горы, в глухое ущелье, построил там хижину и в этой хижине спрятал своего старика.

Каждый день, когда солнце уходило за горы, юноша тайком пробирался в ущелье и приносил отцу еду.

Вот однажды пришел Аскер в ущелье, сел возле отца и задумался.

— Какая забота у тебя на сердце, дитя мое? — спросил старик. — Может, наскучило тебе каждый день ходить сюда?

— Нет, отец, — ответил юноша, — чтобы видеть

тебя здоровым и невредимым, я готов трижды в день ходить через эти горы. Другая забота у меня на сердце. Ни днем, ни ночью не выходит у меня из головы царский кувшин. Сколько ни думаю я, никак не могу понять, почему это, когда с берега смотришь в прозрачную воду, кувшин виден так ясно, что кажется, протяни только руку — и он твой. А стоит кому-нибудь прыгнуть в воду, вода сразу мутнеет, и кувшин точно сквозь дно проваливается, словно и не было его.

Старик молча выслушал сына и задумался.

— Скажи мне, сын мой, — сказал наконец старик, — не стоит ли на берегу озера, в том месте, откуда виден кувшин, какое-нибудь дерево?

— Да, отец, — сказал юноша, — на берегу стоит большое, раскидистое дерево.

— А вспомни-ка хорошенько, — снова спросил старик, — не в тени ли дерева виден кувшин?

— Да, отец, — сказал юноша, — от дерева падает на воду широкая тень, и как раз в этой тени стоит кувшин.

— Ну, так слушай меня, сын мой, — сказал старик. — Взберись на это дерево, и ты найдешь среди его веток царский кувшин. А тот кувшин, который виден в воде, — это только его отражение.

Быстрей стрелы помчался юноша к царю.

— Ручаюсь головой, — закричал он, — я достану твой кувшин, милостивый царь!

Засмеялся царь:

— Только твоей головы мне и не хватает для ровного счета. Девяносто девять голов я уже отрубил — твоя будет сотой.

— Может, так, а может, и не так, — ответил юноша. — Но боюсь я, что на этот раз не сровнять тебе счета.

— Что ж, попытай свое счастье, — сказал царь и приказал слугам поострей наточить секиру.

А юноша пошел к берегу и, не задумываясь, полез на дерево, которое росло над самым обрывом.

Народ, собравшийся на берегу, так и ахнул от удивления.

— Аллах да помилует его! Верно, от страха он лишился рассудка! — говорили одни.

— Может быть, он с дерева хочет прыгнуть в воду, — говорили другие.

А юноша тем временем взобрался на самую вершину и там среди ветвей нашел золотой кувшин — с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

Только висел кувшин на дереве вверх дном,

чтобы всем казалось, что стоит он в воде, как и подобает, вверх горлышком.

Снял юноша кувшин с дерева и принес его царю.

Царь так и развел руками.

— Ну, — говорит, — не ждал я от тебя такого ума. Неужто ты сам додумался, как достать кувшин?

— Нет, — сказал юноша, — я бы сам не додумался. Но у меня есть старик отец, которого я укрыл от твоих милостивых глаз, он-то и догадался, где спрятан кувшин. А я только послушался его совета.

Задумался царь.

— Видно, старики умнее молодых, — сказал он, — если один старик угадал то, чего не могли угадать девяносто девять юношей.

С тех самых пор в той стране никто пальцем не смеет тронуть стариков, все чтят их седины и мудрость, а когда встречают старого человека на пути, уступают ему дорогу и низко кланяются.

Как осел проглотил луну

Французская сказка

На север от монтастрюкской церкви есть большой пруд. Здесь пастухи поят скот и женщины стирают белье.

Раз вечером, часов в шесть, а дело было в декабре, взошла луна и отразилась в воде пруда, как в большом зеркале. В это время к пруду подошел какой-то человек и стал поить своего осла. Пока осел пил, ветер вдруг переменился и нагнал на небо тучи, так что стало совсем темно.

Хозяин осла испугался и побежал от пруда, крича:

— Мой осел пил воду и проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

На его вопли сбежались все жители Монтастрюка.

— Чего ты так раскричался?

— Мой осел проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

Монтастрюкцы поглядели на небо, на пруд и заплакали, завопили:

— Его осел проглотил луну! Его осел проглотил

луну!

Тотчас перед церковью собралось на совет все местное начальство.

— Приведите осла, который проглотил луну.

Привели осла.

— Осел! Это ты проглотил луну?

Осел поднял хвост и заорал.

— Вот, ты сам сознаешься, что проглотил луну! Что мы теперь будем делать, как нам ходить ночью? Ведь в темноте ничего не видно.

Осел опять поднял хвост и заорал.

— Ага! Вот как ты ведешь себя на суде! Хорошо же! Мы тебя приговариваем к смерти. Ты будешь повешен.

Через десять минут осла повесили на дереве. Но тут один из судей спохватился.

— Друзья, — сказал он, — мы превысили наши полномочия. Нам разрешается приговаривать к смерти. Но казнить мы не имеем права. Это право принадлежит только главному судье в Лектуре. На его месте я был бы очень недоволен тем, что здесь только что произошло! Знаете что: чтобы его умилостивить, пошлем ему целый воз разной домашней птицы. Отошлем и мертвого осла. Главный судья позовет хорошего хирурга, чтобы извлечь луну у осла из брюха. Кроме того,

в Лектуре найдется немало высоких лестниц. Если поставить такую лестницу на колокольне лектурского собора, то, я думаю, какой-нибудь ловкий и смелый слесарь отыщет способ приколотить луну на ее место в небе.

Сказано — сделано. Двенадцать молодых монтастрюкцев тотчас отправились в путь, нагруженные дарами для главного судьи — курами, индюками, гусями, утками. Другие двенадцать несли на плечах длинный дубовый шест, на котором был подвешен за четыре ноги мертвый осел.

Пока не миновали Флеранс, все шло хорошо. Но за Флерансом волки из Рамьерского леса учуяли запах дохлого осла и примчались стаями, рыча словно бешеные. Монтастрюкцы в страхе, побросав птиц и осла, галопом понеслись обратно в Монтастрюк.

В один миг волки сожрали всех птиц и до костей обглодали осла.

На другой день вечером взошла луна и сияла на небе, как обычно.

Монтастрюкские судьи вздохнули с облегчением.

— Рамьерские волки оказали нам громадную услугу, — говорили они. — Осел съеден, и главный судья в Лектуре не узнает, что мы сами

повесили эту скотину. Ну а что касается луны, которую осел проглотил, — она, как видите, оказалась хитрее волков. Она от них ускользнула и сама вернулась на свое место в небе.

Клубок шерсти
Французская сказка

Тетушка Миетта из деревни Месс была так скупа, так скупа, что готова была стричь шерсть с яйца.

Раз она, с прялкой в руке, гнала своих коров в поле Обеспи и нашла на дороге большущий клубок шерсти, похожий на какого-то зверька. Она проворно наклонилась, чтобы его подобрать, но так спешила, так спешила, что и не подумала о прядильщице, потерявшей клубок. Она уже видела его в объемистом кармане своего передника, который как будто нарочно сделан для этого.

Но тетушке Миетте никак не удавалось поймать клубок. Он все катился, катился вперед, и, чтобы схватить его, она второпях бросила у дороги свою прялку. Теперь у нее обе руки были свободны и жадно тянулись к клубку. Но клубок ускользал и все катился да катился вперед!

Тетушка Миетта забыла о своей прялке, брошенной на дороге, о своих двух красавицах коровах, которые по привычке спокойно пошли сами на выгон.

Она как сумасшедшая гналась за клубком, а тот все убегал от нее. Словно блуждающий огонек, мелькал он впереди и упорно не давался ей в руки. Задыхаясь, пробежала она через деревенский луг, поднялась, сама того не заметив, на холм Шатель-Гвизон. Тетушка Миетта готова была бежать за таинственным клубком хоть на край света. Наконец ей удалось ухватить не клубок, а кончик нитки, которая тянулась за ним.

Тетушка принялась наматывать нитку на пальцы и так постепенно намотала великолепный большой клубок. А тот, первый, не уменьшался и все убегал вперед, увлекая за собой старую Миетту.

Теперь она довольна: она держит обеими руками, прижимая к груди, громадный клубок шерсти. Она свяжет из него куртку и штаны мужу, юбку себе, а остальную шерсть продаст… Вот так удача! Тетушка Миетта не чувствует усталости.

Клубок скоро становится так велик, что уже невозможно наматывать на него нитку. Огорчилась тетушка Миетта, вздохнула, но делать нечего — оборвала нитку.

Вдруг желанный клубок, за которым она так гналась, как прыгнет — да и скрылся из виду! В тот же самый миг второй великолепный клубок,

который она с таким трудом намотала, выскользнул из ее рук, а уж как она старалась удержать его.

И вот старуха снова бросается в погоню! Ей удалось опять поймать конец нитки. Двадцать раз сматывала она нитку в клубок, и двадцать раз ее работа кончалась ничем.

Тетушку Миетту видели в тот день в Мон-Редоне, и в Шастре, и в Урсьере — повсюду. Растрепанная, запыхавшаяся, измученная, бежала она за клубком, лихорадочно перематывая его.

Ее муж нашел обеих коров в поле Обеспи, а прялку жены — на краю дороги. А старая Миетта все не может остановиться, так и бежит до сих пор по лесам и полям.

Если найдете на дороге клубок шерсти, похожий на маленького зверька, подберите его, но только с тем, чтобы вернуть прядильщице, которая его обронила.

Лесной человек Яг-морт

Сказка народа коми

Было у одного охотника три сына. Вот пошел как-то отец с сыновьями на охоту — белок и рябчиков бить.

Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий. Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда — не стало у них огня.

А мороз крепкий, сварить мясо не на чем, спать холодно.

— Давайте жребий кидать, — говорит отец сыновьям. — Кому выпадет, тот и пойдет домой за огнем.

Младший сын говорит:

— Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю: нет ли поблизости жилья. Если нигде нет, тогда надо домой идти.

Похвалил отец младшего.

— Ты толковый, — говорит, — хорошо придумал.

Полез младший сын на самую высокую елку, смотрит вправо-влево, смотрит вперед-назад и видит: далеко в лесу, словно волчий глаз, светит-

ся огонек.

Слез он с дерева и говорит братьям:

— Вон там-то и там-то огонь светится, верно, жилье есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Правда, светится вдалеке огонек.

Спустились они на землю и стали спорить, кому за огнем идти.

Отец говорит:

— Пусть старший идет, он самый сильный, он скорее всех огонь принесет.

Хорошо. Взял старший ружье и пошел.

Вдруг видит: лежит на дороге чугунный горшок.

— Ты куда идешь? — спрашивает горшок.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, — говорит горшок. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, — говорит старший охотников сын.

И пошел дальше.

Попадается ему на дороге берестяной шердын.

— Ты куда идешь? — спрашивает шердын.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, — говорит шердын. — Обожжет тебя огонь.

— А может, и не обожжет, — говорит парень.

И дальше пошел.

Лежит на дороге толчея.

— Ты куда идешь? — спрашивает толчея.

— За огнем.

— Не ходи лучше, вернись, — говорит толчея. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, уберегусь, — говорит парень.

И опять пошел дальше.

Лежат на дороге грабли.

— Ты куда идешь? — спрашивают грабли.

— За огнем.

— Не ходи лучше, вернись, — говорят грабли. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, цел буду, — говорит парень.

И опять пошел дальше.

Шел, шел, видит — стоит избушка. Дверь открыта. В каменке огонь едва-едва теплится. А хозяина нет.

Начал старший охотников сын дрова подбрасывать, огонь раздувать.

И вдруг над самым его ухом проговорил кто-то хриплым голосом:

— Ты что здесь делаешь?

Вскочил парень, смотрит: перед ним старик стоит — борода до полу, зубы словно колья тор-

чат, руки точно крючья висят. Ну прямо леший! А это он самый и был — лесной человек Ягморт.

— Тебе что здесь надо? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Ты зачем мой огонь трогаешь?

— Хочу себе взять! — говорит парень.

— А тебе горшок на дороге попался? — спрашивает лесной человек Яг-морт.

— Попался.

— А шердын попался?

— Попался.

— А толчея попалась?

— И толчея попалась.

— А грабли попались?

— И грабли попались.

— А что они тебе говорили?

— Говорили, чтобы я вернулся.

— А ты почему их не послушался? Знаешь, что это за горшок? — спрашивает Яг-морт, а сам зубами скрипит.

— Горшок как горшок, чтобы мясо варить, — отвечает парень.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за шердын, знаешь?

— Простой шердын, — отвечает парень, — чтобы муку держать.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за толчея, знаешь?

— Как не знать! Толчея и есть толчея — зерно толочь, — отвечает парень.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за грабли, знаешь?

— Чего тут не знать! Эка невидаль — грабли!

— Ничего-то ты не знаешь, — говорит ему лесной человек Яг-морт. — Ну, за это я тебя сейчас проучу хорошенько.

Схватил его за волосы, пригнул к полу, зажал между ногами и вырезал у него из спины ремень шириной в ладонь.

Едва вырвался от лешего старший охотников сын, а уж как вырвался — бросился бежать без оглядки. Про головню и думать забыл.

Пришел к отцу и братьям едва живой.

— Огонь принес? — спрашивает отец.

— Какой там огонь! Сам едва жив остался. Чуть не задушил меня леший.

А про спину молчит, только поеживается. Рассердился отец, послал среднего сына за огнем. Проходит день, и этот без огня возвращается, и у него из спины леший вырезал ремень.

Да про это молчит средний сын, только охает тихонько. Смеется младший брат над старшими.

— Ну что вы за охотники? — говорит. — Лесного человека испугались. Вы бы побили его, а потом и огонь бы унесли.

— Вот ты сам и сходи, — говорят братья. — И тебе достанется.

— Что ж, пойду, — говорит младший.

Взял ружье, взял топор и отправился в путь.

Шел, шел, видит — лежит на дороге горшок.

— Ты куда идешь? — спрашивает горшок.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, беду наживешь, — говорит горшок.

— Не пугай, не боюсь! — И дальше пошел. Попадается ему на дороге шердын.

— Ты куда идешь? — спрашивает шердын.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, обожжет тебя огонь, — говорит шердын.

— Был бы только огонь, а уж я с ним управлюсь, — отвечает младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадается ему на дороге толчея.

— Ты куда идешь? — спрашивает толчея.

— За огнем.

— Не ходи, вернись, а то худо будет, — говорит толчея.

— Без огня еще хуже, — говорит младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадаются ему на дороге грабли.

— Ты куда идешь? — спрашивают грабли.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь, — говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь, — отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошел.

Дошел до избушки, входит, а там сам лесной человек Яг-морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живешь-поживаешь, добрый человек, — говорит младший охотников сын. — Не пустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришел. Ты горшок на дороге видел?

— Видел, — говорит младший охотников сын. — И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел — все твое добро.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Что за шердын, что за грабли, что за толчея, знаешь?

— Знаю, — отвечает младший охотников

сын. — Горшок — твоя голова, шердын — твое тулово, грабли — твои руки, толчея — твои ноги. Если не пустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

— Ну, вижу я, что ты больно умный, — говорит лесной человек. — Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них все небывалое, а бывалое скажешь — волосы выдеру.

— Ладно, слушай, — говорит младший охотников сын. — Только если перебьешь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

— И то ладно, — говорит лесной человек Ягморт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. «Почему же это вы вверх ногами ходите?» — спрашиваю у них. А они мне говорят: «Потому вверх ногами ходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет». А я им говорю: «Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы еще лучше щетины». Вот потому я и пришел к тебе — волосы у тебя повырывать.

Услышал это лесной человек Яг-морт и обеими руками за голову схватился.

— Не дам волосы рвать! — кричит.

— Дашь не дашь, а раз слово сказал, вырву, — говорит младший охотников сын. — Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы, и сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съежился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Сшил я всем сапоги и пошел гулять по небу. Вижу — мужик на гумне овес лопатой веет. А из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил веревку и стал той веревкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные за ними сами идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же обманываешь? — говорит. — Никого тут нет!

— А как же мне не обманывать, когда сам ты велел, — говорит младший охотников сын. И опять руку в волосы ему запустил — да и выдернул целую копну волос.

Совсем притих лесной человек Яг-морт, сидит, голову потирает.

А младший охотников сын опять рассказывает:

— Пошел я как-то на охоту. Дошел до озера, стою и думаю: как бы мне на другой берег переправиться? Вдруг вижу: сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, ниточкой связал и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет — ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю: идет медведь. Поднял я ружье, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: «Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?» Опустил я ружье, говорю: «Разводи огонь, замерз я». А медведь отвечает мне: «Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь, садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть». Сел я на медведя, и понес он меня по лесам, по болотам, через реки, через озера и к тебе принес. А ты огня не даешь.

— Эй, Мишка! — крикнул тут в окно младший охотников сын. — Иди в избу, задуши этого лешего!

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-

морт.

— Что хочешь, — говорит, — бери, только уведи медведя.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — пусть задушит тебя, чтобы не оставлял ты людей без огня. — И опять в окно кричит: — Мишка, иди сюда!

— Ой, не пускай медведя, — плачет леший, — все тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Ударишь железкой по камню, и будет у тебя огонь. Возьми сумку с дробью, из нее сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружье самострельное. Все бери, только оставь живым.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — мне этого мало. Отдавай ремни, что ты у братьев из спины вырезал.

— Бери, — говорит леший, — и это бери.

И повел младшего охотникова сына в свою кладовку. А там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи.

— Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь? — спрашивает младший охотников сын.

— А это, — говорит лесной человек Яг-морт, — я счет веду вашим людям, тем, которых я напугал.

А таких, что меня напугали, еще не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с железкой в карман, обменял свое простое ружье на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху два кожаных ремня, а лесной человек Яг-морт еще целебной травы ему дает.

— Бери, бери, — говорит, — пригодится!

Потом распрощались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

— Где же твой огонь? Что-то не видно его!

— А он вот здесь у меня спрятан, — отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался. Глазам своим не верят братья!

— А ну-ка, дай и нам попробовать!

— Что ж, пробуйте, — говорит младший брат. — А мне подставляйте-ка ваши спины, я вам кожу залатаю!

И достает из-за пазухи два ремня.

Приложил один ремень к спине старшего брата, другой — к спине среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросла кожа к их спинам.

— Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! — го-

ворит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой.

А лесной человек Яг-морт с тех пор так и остался безо всего — ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

Мороз и морозец

Литовская сказка

Жил-был на свете старый седой Мороз. И был у него молодой сын.

Ну и любил же он похвастаться, этот молодой Морозец!

Только, бывало, и твердит: «Отец уже стар, плохо свое дело делает. А вот я — молодой да сильный. Я как возьмусь, так сразу все кругом заморожу».

Вот раз видит Морозец: едет в город толстый пан в меховой шубе.

«Ну, — думает Морозец, — покажу я на этом пане всю свою силу. Старику-то, моему отцу, его ни за что не пронять, а я разом прохвачу».

Всю дорогу бежал он за паном, насквозь его пробрал, с головы до ног. И на обратном пути от него не отставал, до самого дома проводил.

Как приехал пан домой, так и помер.

Расхвастался Морозец перед отцом:

— Где тебе, старому, такого толстого пана, да еще в такой толстой шубе, заморозить! А вот я так сразу донял!

— Молодец! — говорит старый Мороз. — Шуточное ли дело — этакого пана, да еще в шубе, одолел! А ну-ка, заморозь теперь вон того мужика. Видишь? В лесу дрова рубит.

Посмотрел на мужика Морозец, и смешно ему стало: шубенка на мужике дырявая, сам он тощий — одна кожа да кости.

— Ну, это разве работа? — говорит Морозец. — Мне на него только раз дунуть — он и готов.

Налетел Морозец на мужика, да как начал его пробирать то с одного бока, то с другого, то в лицо дохнет, то за шиворот заберется, изо всех сил старается.

А мужику хоть бы что, только сильней топором машет да пот со лба вытирает.

— Ух, — говорит, — жарко!

Устал наконец Морозец.

«Ладно, — думает, — я тебя все равно перехитрю. Еще узнаешь меня!»

И забрался мужику в рукавицы — мужик-то до того разжегся, что снял их и на дрова кинул.

Вот нарубил мужик дров, увязал их, шапку поглубже нахлобучил и взялся за свои рукавицы.

Смотрит, а они насквозь промерзли, не гнутся даже, точно ледяные. Что тут делать? Взял он топор и давай обухом рукавицы колотить да раз-

минать. Так Морозцу бока намял, что тот насилу до дому доплелся.

А старый Мороз, как увидел сына, засмеялся и говорит:

— Вот тебе, простаку, наука! Силы-то в тебе много, а ума — еще не набрался.

Обезьянье царство

Японская сказка

Давно-давно это было.

Жил в одной горной деревушке старик с тремя сыновьями. Земли у них было с кошкин лоб. Чая и вина не пили они и в большой праздник.

Настал неурожайный год. Пришлось двум старшим сыновьям идти в город на заработки. Младшему только десять лет было. Остался он дома с отцом.

Как-то раз прислали старшие сыновья отцу из города триста медяков.

— Послушай, Сабуро, ты у меня смышленый, — говорит отец мальчику. — Научился бы торговать вразнос, нам бы легче стало. Вот тебе сто медяков, купи на них какого-нибудь товару и продай хоть с малой прибылью. Все будет подспорье в хозяйстве.

Идет Сабуро по дороге, а что купить, как продавать — он и не знает. Продавать горшки? Еще побьются. Продавать каштаны? Еще рассыплются. Продавать редьку? Еще никто не купит.

Вдруг видит Сабуро, навстречу ему старуха ко-

выляет. Несет она мешок, а в мешке кот мяучит, да так жалобно!

— Бабушка, куда ты кота несешь? — спрашивает Сабуро.

— Несу я его, сынок, в реке топить. Он мышей не ловил, у соседей цыплят таскал… Пусть-ка теперь ловит рыб на дне.

Еще жалобней кот замяукал.

— Бабушка, бабушка, не топи кота. Лучше продай его мне, я тебе сто медяков дам.

— Как, ты и вправду хочешь купить этого негодника? Бери, бери, милый. Вот радость-то какая! Словно в раскрытый рот сладкий пирожок сам собой залетел…

Взяла старуха сто медяков и пошла домой, не помня себя от радости.

— Вот видишь, котик, в какую беду ты чуть не попал. Вперед тебе наука. Не таскай чужого. Возьму я тебя домой, и давай жить в дружбе.

Принес Сабуро кота домой. Ничего не сказал отец, только вздохнул. Вот и еще лишний рот в доме прибавился.

На другое утро снова дал отец мальчику сто медяков.

Идет Сабуро по дороге, а навстречу ему старик бредет, согнутый, словно стебель камыша под

зимним снегом. Несет старик мешок, а в мешке собака визжит.

— Дедушка, дедушка, куда ты собаку несешь?

— Несу в реке топить. Она дом не сторожила да — мало того! — таскала чужих поросят. Привяжу камень к мешку — и в воду.

При этих словах собака еще горестней завизжала. Говорит Сабуро:

— Дедушка, не топи собаку в реке, лучше продай мне. Я тебе сто медяков дам.

— Сто медяков за этого скверного пса! Да я бы его и даром отдал.

Взял старик деньги и пошел домой довольный.

— Вот видишь, песик, несдобровать бы тебе, если б я твоему хозяину на дороге не попался. Другой раз не делай худого.

Привел Сабуро собаку домой. Ничего не сказал отец, а про себя подумал: «Самим есть нечего, а тут еще корми кота с собакой».

На третье утро вынул отец из сундучка сто медяков, отдал мальчику и говорит:

— Ну, сынок, это наши последние деньги. Смотри на этот раз потрать их с толком.

Целый день бродил Сабуро из деревни в деревню. Не умеет он ни покупать, ни продавать. Стало солнце за горы садиться. Вдруг видит Са-

буро, деревенские мальчишки тащат на веревке маленькую обезьянку. Дразнят они ее, щиплют, мучают. Обезьянка уже еле-еле дышит, из глаз слезы катятся.

Закричал Сабуро:

— Вы зачем обезьянку обижаете?

Ответил ему главный заводила:

— А ты откуда взялся, чтобы нам указывать? Эта глупая обезьянка никаких забавных штук делать не умеет. Только визжит.

— Отдайте мне обезьянку, я вам за нее сто медяков дам.

— Сто медяков? Да ну? Давай скорей!

Схватили мальчишки деньги и убежали с шумом и гамом.

— Ты еще совсем маленькая, — говорит Сабуро обезьянке. — Ничего не смыслишь. Другой раз не подходи близко к деревне, чтобы мальчишки опять тебя не поймали. Ну, беги, беги в горы.

Отпустил Сабуро обезьянку. А она несколько раз наклонила голову, словно в знак благодарности, и наутек.

Солнце совсем уже скрылось за горами. Стало темно. Вспомнились тут мальчику слова отца: «Это наши последние деньги». Стыдно возвращаться домой с пустыми руками. Сел Сабуро под

деревом и задумался.

Вдруг послышался крик: «Кья-кья!» Видит Сабуро, появилась перед ним обезьянка. Э, да это опять та самая!

— Ты зачем здесь? Беги прочь, спасайся, глупая.

Вдруг обезьянка заговорила человеческим голосом:

— Сабуро-сан, я рассказала моему дедушке, как ты меня спас. Он велел привести тебя. Мой дедушка — обезьяний царь. Пойдем, я отведу тебя в наше царство.

Захотелось Сабуро побывать в обезьяньем царстве. Пошел он через горы и долины. Ночь была светлая, лунная. Обезьянка впереди — дорогу показывает. Завела она мальчика далеко в глубь пустынных гор.

Вдруг увидел Сабуро перед собой белый каменный замок. У железных ворот стоят на страже с копьями в руках большие лохматые обезьяны. По знаку маленькой обезьянки отперли они ворота.

Ввели Сабуро в просторный зал. Сидит там на высоком помосте обезьяний царь, старый-старый. На щеках глубокие морщины, из ушей белая шерсть растет. Одежда на нем золотом сверкает.

— Спасибо, что к нам пожаловал, — говорит

обезьяний царь. — Этот неразумный детеныш — мой единственный внук. Погибни он — пришел бы конец моему роду. Не знаю уж, как и благодарить тебя.

Хлопнул царь в ладоши. Вбежали тут слуги. Несут золоченые подносы. На подносах чего-чего только нет! И рыба, и дичь, и сласти разные.

Устроили обезьяны веселое представление. Насмешили своего гостя до слез.

На прощание сказал обезьяний царь:

— Вот тебе в подарок бесценное сокровище за то, что ты моего внука спас.

Дал он Сабуро мешочек из алой парчи.

— Лежит в этом мешочке золотая монета. Подбрось ее в воздух и пожелай что хочешь. Все исполнится. Прощай! Доброго тебе пути.

Было уже утро, когда маленький внучок обезьяньего царя вывел Сабуро на проезжую дорогу к самому подножию горы.

Тут они и простились.

Вернулся Сабуро домой, видит, отец сам не свой.

— Всю ночь я не спал, думал, ты уж не вернешься.

— Прости, отец, но не зря бродил я ночью в горах. Больше не придется нам голодать.

Достал Сабуро из-за пазухи алый мешочек, раскрыл его и вытряхнул золотую монету.

— Для начала, отец, пожелаем хороший дом. Наша-то лачуга совсем развалилась. Льет в ней дождь, как на улице.

Подбросил Сабуро монету вверх. Покатилась она, зазвенела.

— Монета, монета, подари нам хороший дом!

Ждут старик отец и Сабуро, что-то будет.

Вдруг послышался треск и грохот. Не успели они и глазом моргнуть, как все вокруг переменилось. Сидят они в хорошем доме, на новых циновках. Вышли они во двор, смотрят: вместо гнилой соломы крыша красной черепицей крыта. Кладовые рисом и ячменем набиты.

— Уж не во сне ли я это вижу?! — радуется отец.

Вся деревня сбежалась смотреть на невиданное чудо. Созвал старик всех на пир, никого не забыл.

Толстый Гомбэй пришел, как гусь. Шею вытянул. А ушел, как черепаха. Весь согнулся, и на спине мешок подарков.

Вернулся сосед домой, не спится ему. Жадным он был, таким жадным, что в деревне про него говорили: «У Гомбэя из глотки рука тянется. Так

и норовит чужое ухватить».

Рано-рано утром, только рассвело, пришел Гомбэй к старику отцу и попросил в долг чудесную монету:

— Пусть покарают меня боги, если не верну вашу монету через три дня в целости и сохранности.

Никогда старик никому в просьбе не отказывал. Дал он Гомбэю чудесную монету.

Но вот прошло и три дня, и четыре, и пять. Стал Сабуро тревожиться. Не несет сосед монету. А тут как раз вернулись домой старшие братья. Видит Сабуро, обносились они, обтрепались. Захотелось ему нарядить своих братьев в новую одежду.

Пошел он к Гомбэю, просит возвратить чудесную монету. Вернул монету Гомбэй. Лежит она, как была, в мешочке из алой парчи.

— Ну, — говорит Сабуро братьям, — увидите, что сейчас будет. Сами себя не узнаете.

Подбросил он монету в воздух.

— Наряди моих братьев в новую одежду, да покрасивее.

Покатилась монета, зазвенела. А братья как были, так и остались оборванными, в лохмотьях.

— Что это? Не слушается монета, — удивился Сабуро. — Верно, плохо я ее под кинул.

Много раз бросал он монету в воздух — и все без толку.

— Так вот оно что! Мою чудесную монету подменили. Подсунул мне взамен плут Гомбэй эту пустозвонку. Какое несчастье! Пойду, потребую у него, чтобы отдал мне мою волшебную монету.

Побежал Сабуро к Гомбэю, а тот в ответ: не знаю, мол, ничего. Что получил, то и вернул. Хоть на весы клади монету — та же самая.

Вернулся Сабуро домой ни с чем и заплакал горькими слезами.

Опечалились, глядя на него, кот с собакой. Толкуют между собой, совет держат, как хозяину в несчастье помочь.

— Он наш спаситель. Хоть головы сложим, а вызволим его из беды.

Побежали кот с собакой к дому Гомбэя. Глядят, у того не дом, а княжеский дворец. Стоят вокруг семь белых стен, кольцо в кольцо.

Бегает собака вокруг ограды, не может в дом пробраться. А коту стены не страшны. Залез он к соседу на чердак и притаился в углу. Пробежала мимо мышка. Кот ее цап-царап. Запищала мышка в его когтях.

Вышла тут из норки старая мышь с седыми усами, склонила голову и стала просить:

— Господин кот, уважаемый господин кот! Осмелюсь доложить, у нас, мышиного народа, сегодня большое торжество. Мы играем свадьбу. Да вот беда, ты невесту поймал. Жаль нам жениха, он сейчас так страдает. Будь милостив, пощади невесту.

— Что ж, пожалуй, я согласен. Но даром, так и знай, я ее не отпущу, а только за выкуп. Здесь где-то в доме спрятан красный мешочек с золотой монетой. Принесите мне его, а я, так и быть, разожму свои когти.

Тут изо всех углов выскочило множество мышей. Рассыпались они в разные стороны, словно листья на ветру, и пустились на поиски.

Много времени не прошло, бежит старая мышь, в зубах красный мешочек держит.

— Взгляни, господин кот, тот ли это, который тебе нужен?

— Он самый. Где же вы его разыскали?

— В спальне нашего хозяина Гомбэя.

— Молодцы! За это отпускаю на волю вашу невесту. Веселитесь, играйте свадьбу.

Схватил кот мешочек в зубы и скорей бежать. Мигом перескочил через семь стен. У ворот собака дожидается.

— Ах, бедный, как ты устал! Дай я мешочек

понесу.

— Нет, пес, не дам я тебе мешочка. Мой подвиг — моя и слава.

— Это что ж выходит! Шли мы с тобой вдвоем на врага, как верные товарищи, а воинская слава тебе одному достанется? А я, значит, неблагодарный, не сослужил моему хозяину службы! Как же я теперь людям на глаза покажусь?

И так обидно стало собаке, что не вытерпела она, вырвала у кота мешочек — и бегом домой. Вперед кота добежать торопится.

А по пути надо было через речку переплыть. Бросилась собака в воду и плывет. Кот сзади гонится.

— Мяу-мяу, пес — разбойник, вор, отдай мою добычу!

— Гав, не отдам! — тявкнула собака и упустила красный мешочек в воду.

Пошел мешочек на дно — ведь в нем тяжелая монета была.

Вот беда какая! Вылезла собака на берег, отряхнулась и, поджав хвост, поплелась домой, как побитая. Ругает себя, да уж поздно.

Подбежал кот к речке. Вдруг возле самого берега плеснула хвостом большая рыба. Поймал ее кот, понес в зубах своему хозяину. Хочет хоть

чем-нибудь его в горе утешить.

Взял рыбу Сабуро и стал резать на тонкие ломтики, чтобы угостить отца с братьями. Вдруг из брюха рыбы выпал мешочек из алой парчи. Открыл его Сабуро, а в нем золотая монета лежит.

Глазам своим Сабуро не верит. «Уж не моя ли это монета?» — подумал он.

Тут рассказал ему кот все как было.

Подбросил Сабуро монету в воздух.

— Монета, монета, наряди моих братьев в новые одежды.

Глядят старшие братья друг на друга и не узнают. Вместо лохмотьев на них новая красивая одежда.

Тут пошло такое веселье в доме, что и не описать. А Сабуро сказал коту с собакой:

— Вы оба хотели помочь мне, не жалея своей жизни. За это спасибо! Но собака схитрила, отняла чужую добычу. И потому вот как я решил. Ты, кот, будешь жить у меня в доме и спать возле теплого очага. А ты, собака, станешь во дворе дом сторожить.

Так с тех пор и повелось. Живет кот в доме, а собака во дворе, и нет между ними прежней дружбы.

Ох

Белорусская сказка

Жила на свете старенькая старушка, и был у нее один-единственный сын.

В бедности жили они, и пришлось матери отдать своего сына в работники к богатому мужику.

Живет парень у мужика год, живет другой, и невмоготу ему стало. Да ведь это не диво — богатый бедного не приласкает.

Приходит парень к матушке и горько так плачется:

— Матушка моя, кормилица, жил я у хозяина один год — ничего, жил другой год — так себе, а третий год — сил нет терпеть, до того плохо.

А мать ему и говорит:

— Не плачь, сынок, найду я тебе место хорошее и работу легкую.

И пошла она, а куда идет — сама не знает. Шла, шла, одну дорогу прошла, другую, третью — и совсем уморилась. Села среди поля на холмике и тяжело так вздохнула:

— Ох, жизнь моя горькая!

А Ох тут как тут.

— Ты что это, старушка, меня зовешь?

— А ты кто такой? — она спрашивает.

— А я и есть Ох. Говори, что тебе надо, — все сделаю.

— Мне много не надо, — отвечает старушка, — дал бы ты моему сыну работу легкую и место хорошее. Век тебя добром поминать буду.

— Что ж, это можно, — говорит Ох. — Приводи сына, я его к себе возьму.

Пришла старушка домой и говорит:

— Ну, сын мой, идем. Нашла я тебе место хорошее и работу легкую.

Вот и пошли они. Шли, шли, наконец дошли до того самого места, где холмик был. Присела старушка и говорит:

— Ох, чует мое сердце недоброе.

А Ох уже тут как тут.

— Здравствуй, милая моя старушка! Привела сына?

— Привела. Да ты, смотри, его не обижай.

— Что ты, что ты! Я и пальцем его не трону, — говорит Ох. — А надолго ли сына мне отдаешь?

Старушка и рада бы совсем не отдавать, да поздно. Что сделала, того уж не воротишь.

— Ну, я его на три года беру, — Ох говорит.

И не успела она охнуть — ни сына, ни Оха как не бывало.

Заплакала бедная старушка и побрела к себе домой. Ведь, бывало, одну недельку сына не видит — и то уже хворая делается. А тут — три года!

Вот живет она одна-одинешенька в своем домике и год, и два, и три. Наконец настал тот день, когда можно ей идти за сыном.

Собралась старушка и пошла. Весело так идет!

Прошла одну дорогу, вторую, третью — приходит на то самое место, где простилась с сыном. Села на холмик и говорит:

— Ох! Дождалась я хорошего дня!

А Ох тут как тут.

— Что, старуха, верно, за сыном пришла?

— Да, мой голубчик, твоя правда. За сыном пришла.

— Ну подожди немного, — этот Ох говорит, — сейчас приведу его к тебе.

И вдруг гонит он к ней двенадцать жеребцов. Жеребцы отборные, рост в рост, хвост в хвост, глаз в глаз и глядят как раз.

— Ну-ка, — говорит, — признавай, который твой сын?

А старушка и говорит:

— Ох, ты мой голубчик! Да разве я тебе такого сына отдавала? Отдавала я тебе молодца, а ты мне даешь жеребца.

Тут погнал Ох назад всех жеребцов, а ей говорит:

— Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его. Ступай домой, приходи завтра опять.

Заплакала старушка и пошла домой. Идет, бедная, и дороги перед собой не видит.

На другой день опять собралась старушка на то самое место.

Прошла одну дорогу, и вторую, и третью, села на тот самый холмик и говорит:

— Ох, горе мое горькое! Не видать мне, верно, моего сыночка!

А Ох тут как тут.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, здравствуй, миленький!

— Что, верно, за сыном пришла?

— За сыном, за сыном, миленький!

— Ну погоди, сейчас я его приведу.

Вот через минуту прилетели двенадцать голубей — клюв в клюв, глаз в глаз, ножка в ножку и воркуют понемножку.

— Ну, бабушка, — говорит Ох, — узнавай, который твой сын.

А она и говорит:

— Ох, беда ты моя! Зачем мне твои птицы? Я ведь тебе отдавала молодца, а ты мне даешь голубца.

— Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его, — говорит Ох и махнул голубям, чтобы назад летели. — А ты, бабушка, приходи завтра. Ежели в третий раз не признаешь своего сына, останется он у меня на веки вечные.

Было у старухи горе горькое, а теперь еще горше стало. Идет она домой и в голос плачет:

— Что же делать мне, как мне сына узнать?

Вот дождалась она завтрашнего дня и опять в путь отправилась.

Прошла одну дорогу, прошла другую, к третьей подходит.

Тут встречается ей старенький старичок.

— Здравствуй, бабушка! — говорит старичок.

— Здравствуй, старичок почтенный!

— Куда идешь, бабушка?

— А иду я, старичок мой почтенный, сама не знаю куда. Отдала я своего сынка на легкий заработок, а теперь ума не приложу, как выручить его. Два раза уж ходила, а без сына вернулась. Первый раз выбежали ко мне жеребцы, второй раз вылетели голубцы, да что мне в них? А сына

я так и не видела.

Старичок ей и говорит:

— Да ты и теперь его не увидишь.

— Ах, старичок почтенный, — плачет старушка, — не научишь ли, как его узнать?

— Ладно уж, — отвечает старичок, — научу. Как придешь на место, выйдут к тебе двенадцать молодцев — волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать молодцев с песнями вый дут, прямо в глаза тебе смотреть будут, а двенадцатый в землю потупится, на тебя даже не взглянет. Ты на него и показывай. Это и есть твой сын.

Поблагодарила старушка старичка и пошла дальше. Пришла на то самое место, где с сыном простилась, села на холмик и залилась горькими слезами.

— Ох, — плачет, — где-то сыночек мой? Увижу ли я его когда-нибудь?

Не успела сказать, а Ох тут как тут.

— Здравствуй, бабушка!

А та за слезами слово молвить не может.

— Что, верно, за сыном пришла? — спрашивает Ох.

Она только головой кивает.

— Ну подожди, — говорит Ох. — Сейчас он к

тебе выйдет.

Вот привел он двенадцать молодцев и говорит:

— Ну, бабушка, выбирай, который твой сын.

Смотрела она, смотрела, а молодцы все на одно лицо — волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать молодцев глядят весело, а двенадцатый насупился, нахмурился, в землю уставился.

— А вот он мой сын, — говорит старушка и на него показывает.

Дивится Ох:

— Да почем же ты знаешь, что это твой сын?

— Как же не знать, голубчик ты мой, — говорит старушка, — ведь кровь-то своя.

— Ну что поделаешь, — говорит Ох, — бери, раз угадала. Твой это сын.

Рада старушка, ну прямо сказать нельзя как!

Пришли они домой.

А в доме хлебной крошки — и то нет. Нечем старушке угостить сына.

— Видно, придется нам с голоду пропадать, — плачет старушка.

— Погоди, матушка! — говорит сын. — Все у нас будет, что надобно. Не зря же я три года уму-разуму набирался. Сейчас обернусь я конем, а ты веди меня в город и продавай за хорошую цену. Только

смотри не забудь уздечку с меня снять. Уздечку никому не отдавай. А то и меня отдашь.

Тут вынул он какое-то зелье, сперва понюхал, потом вокруг себя побрызгал и враз обернулся конем. Да каким конем! Такого еще на свете не бывало, да никогда и не будет.

Ноги у коня точеные, копыта золоченые, сбруя серебряная, уздечка шелковая.

Привела его старушка в город на базар, а он копытом как топнет, как заржет! Весь город всполошился.

Сбежались отовсюду и купцы, и господа, и генералы, и мастеровые — все конем любуются, налюбоваться не могут.

— Что, бабушка, продаешь лошадь или купила? — спрашивают.

— Да продаю, извольте купить.

Вдруг откуда ни возьмись какой-то бородатый дядька подходит и говорит:

— Продай, бабушка, мне этого коня.

— А купи!

— Что возьмешь?

— Давай пять тысяч. Только уговор — уздечка чтобы мне осталась.

— Да полно, бабушка, — говорит бородач. — Ну что тебе в этой уздечке? К чему она тебе без

коня?

Торговался, торговался и выторговал себе уздечку. Выложил деньги, взял коня под уздцы и повел.

А старуха домой пошла.

И взяло ее по дороге раздумье.

«Что же это я наделала? — сама себе говорит. — Ведь приказывал же мне сын с уздечкой не продавать, а я, дурная, хоть и знала, а уздечку отдала».

Тут и догадалась она.

«Не иначе, — думает, — как этот самый Ох и купил у меня коня, опять сына у меня взял».

И заплакала она горькими слезами.

Вот подходит она к деревне. Видит: возле трактира конь стоит, к крыльцу привязанный. И уж так узда на нем подтянута, что не может он, бедный, на месте стоять. Так и танцует вокруг столба.

А конь увидел старушку и говорит вдруг человечьим голосом:

— Матушка моя милая, подойди ко мне поближе, скинь уздечку, отпусти меня на волю.

Испугалась старушка. Никогда она не слышала, чтобы конь человечьим голосом разговаривал.

— Да ты кто такой? — говорит старушка. — Бо-

юсь я тебя!

А он в ответ:

— Матушка! Ведь я сын твой, ведь это меня ты на базар продавать водила.

Тут признала она его и горько заплакала:

— Виновата я перед тобой, не послушалась твоих слов!..

Потом сняла она с бедняги уздечку и отпустила на волю. Вдруг выскочил на крыльцо сам Ох. А коня уже и не видать и не слыхать.

Бросился Ох за ним вдогонку. Прикинулся волком, по следу коня идет. Вот-вот догонит. Да не догнал. Конь охотником обернулся. Схватил охотник дубину и на волка пошел. Вот-вот изловит. Да не изловил. Волк огнем обернулся, жжет охотника, со всех сторон окружает, уйти не дает.

Волк огнем, а охотник — водой прикинулся. Заливает вода огонь, тушит его, к земле прибивает. Да не сбил до конца — огонь щукой обернулся.

Бьет щука по воде хвостом, хочет разметать, разбрызгать воду. А брызги колючими ершами обернулись, снова в воду упали. Гоняется щука за ершами, а те только смеются: «Как щука ни быстра, а не возьмешь ерша с хвоста!»

Тут скинулась щука мелким камнем — сколько было у нее чешуек, столько и каменьев стало.

Перебили те каменья всех ершей. Всех — да не совсем, один жив остался. А этот один обернулся петухом и давай камешки клювом дробить. Все как есть раздробил. Все — да не совсем, один цел остался. А этот один обернулся ястребом — и на петуха.

Да петух уже не петух — могучий орел в небе парит.

Как ударил орел ястреба, тут ему и конец пришел. На клочки разорвал его орел, все косточки ему переломал. А потом обернулся парнем и пошел домой к своей матушке.

И стали они жить-поживать, добра на живать.

Вот и сказка вся, дальше плесть нельзя!

Сказка о змее и Шиваре

Армянская сказка

Жил-был царь.

Однажды увидел он удивительный сон: будто напало на него великое множество лисиц — большие и маленькие, рыжие и бурые, пушистые и облезлые. Окружили его со всех сторон, трутся у его ног, прыгают, кусаются.

Утром проснулся царь и призвал к себе мудрецов со всего своего царства.

— Хочу, — говорит, — чтобы разгадали вы мой сон. Не разгадаете — казню, разгадаете — с подарками отпущу.

И жил в те времена в той самой стране один человек по имени Шивар, что значит «сбитый с толку». Видно, не зря дано ему было такое имя: до того был он бестолковый, что ничего толком делать не умел.

Узнала жена Шивара, что царь обещает богатую награду тому, кто разгадает его сон, и пристала к мужу: «Иди да иди».

А сама думает: «Если разгадает он сон — хорошо, богатыми станем; не разгадает — тоже

хорошо, царь ему голову отрубит. На что мне такой бестолковый муж?»

И как Шивар ни упирался, как ни отказывался, не мог жену переспорить.

Нечего делать, взял он в руку палку, надел через плечо сумку и отправился в путь.

Идет он, идет и вдруг видит — выползла на дорогу из-под большого серого камня змея.

— Куда путь твой лежит, Шивар? — спрашивает змея.

— Сам не знаю, — отвечает Шивар. — Куда ноги несут, туда и путь лежит. Жена послала меня отгадывать царский сон. Да где же мне отгадать? Я и свои-то сны в толк не возьму, а чужие — подавно.

— Шивар, — сказала змея, — я помогу тебе избавиться от беды. Поди к царю и скажи ему так: «Царь, ты хочешь знать, что предвещает сон, который тебе приснился? Недобрый это сон. Лисицы, что окружили тебя, — это льстецы и обманщики, лукавые и коварные люди. Все они здесь, возле тебя. Они хотят твоей погибели. Не доверяйся никому, будь настороже». Так и скажи царю, Шивар. А за то, что я растолковала тебе царский сон, ты должен отдать мне половину тех богатств, которые получишь от царя в награду.

— Будь спокойна, всем с тобой поделюсь, — сказал Шивар и пошел во дворец.

И когда предстал Шивар перед царскими очами, слово в слово повторил он все то, что услышал от змеи.

Царь во всем царь — и в гневе, и в милости.

Придворных мудрецов своих он приказал сейчас же схватить и бросить в темницу — и как раз вовремя, потому что не разгадкой царского сна были заняты их помыслы, а тем, как бы хитростью и обманом избавиться от царя.

А Шивара царь назначил своим рамилдаром — главным толкователем снов — и в знак своей милости дал ему четыре верблюжьих ноши золота.

Едет Шивар домой, смотрит, как покачиваются тяжелые мешки на верблюжьих спинах, и думает: «Спасибо змее. Хорошо, что я повстречал ее. Два мешка с золотом ей отдам, два мне останутся. Весело теперь заживу! И жена больше не будет на меня ворчать».

Проехал он еще немного и опять думает: «Два мешка хорошо, а четыре — еще лучше. Ведь не каждый день такое богатство в руки дается… Да и на что змее золото? Оно у нее без толку лежать будет. А змею обмануть — грех небольшой, дру-

гие и не на такой обман идут».

Подумал так Шивар и свернул с прямой дороги. Окольными тропами, в объезд да в обход, добрался до дому.

Да только если человек сбился с прямого пути, все, что он ни делает, вкривь да вкось идет.

Так и с Шиваром.

Прошло три года, и снова увидел царь удивительный сон.

Приснилось ему, будто наполнились все реки и озера кровью, и вся земля напиталась кровью, и на полях выпала кровавая роса.

Думает царь с утра до вечера и с вечера до утра и никак не может додуматься — что его сон значит?

Тут вспомнил он о своем рамилдаре — главном толкователе снов — и велел слугам привести его во дворец.

Отправились царские гонцы во все стороны и скоро нашли хижину Шивара.

Так и затрясся Шивар со страху, когда услышал, зачем зовет его царь.

«Как быть? — думает. — Что делать? Можно бы у змеи разгадку спросить, да разве она теперь скажет? А к царю с пустой головой тоже нельзя являться. Пустая голова — легкая, сразу с плеч

покатится... Ну, будь что будет, пойду все-таки к змее. Может, пожалеет она меня — снова выручит из беды».

Подумал так Шивар и пошел к змее.

Только дошел до камня, видит — змея уже выползла и поджидает его.

— Здравствуй, брат Шивар, — говорит змея, — как поживаешь? Знаю я, что ты обманул меня, утаил мою долю золота. Ну, да что с тобой поделаешь, выручу тебя и на этот раз. Царь хочет, чтобы ты растолковал его сон. Ступай же к царю и скажи, что недаром видел он во сне кровавые реки и озера. Пусть скорее соберет большое войско и будет наготове, не то враги кровью зальют его землю. Да смотри, Шивар, на этот раз не забудь принести мне половину даров, которые получишь от царя.

— Твое желание у меня в памяти, будто написано перед глазами, — сказал Шивар и, низко поклонившись змее, пошел к царю.

Вот опять предстал он перед царем и говорит:

— Царь, да будет долгой и счастливой твоя жизнь! Ты хочешь знать, что предвещает твой сон? Недобрый это сон. Враги хотят напасть на твою землю. Прикажи поскорее собрать все твое войско и будь наготове, чтобы не пролилась на-

прасно кровь твоих подданных.

— Спасибо тебе, Шивар, — сказал царь и тотчас приказал выставить на всех крепостных башнях дозоры, выкатить на крепостные стены все пушки. И как раз вовремя, потому что подошли уже несметные вражьи полчища к его владениям. Подошли и повернули назад, увидев воинов, готовых к бою.

А Шивару царь дал в награду восемь верблюжьих нош золота и с миром отпустил домой.

От такого несметного богатства Шивар последний ум потерял.

«Восемь мешков золота, — подумал Шивар, — больше четырех мешков. Пускай все они останутся у меня. А чтобы змея не требовала своей доли, убью-ка я ее. Ведь всякий другой на моем месте поступил бы так же».

И, нагрузив на верблюдов царский подарок, он направился прямо к большому камню.

Едва только выползла змея ему навстречу, схватил Шивар обеими руками большой камень и что было силы обрушил на змею. Камень-то тяжелый, а толку мало! Лишь кончик хвоста зашиб Шивар змее, а змея увернулась и мигом уползла прочь.

Досада взяла Шивара, что промахнулся он, да пока доехал до дому, обо всем забыл.

И зажил он с тех пор богаче прежнего. Денег не считает, а деньги не убывают!

Так прошло еще три года.

И вот в третий раз увидел царь странный сон.

Приснилось ему, будто сыплется с неба пшеница — дождем сыплется, людей с головой засыпает, дома с крышами покрывает.

Проснулся царь и недолго думая послал за Шиваром.

Так и обмер Шивар, когда пришли за ним царские гонцы.

— Прощай, жена, — говорит. — Пришел мне конец. На этот раз не вернуться мне домой живым.

А потом подумал-подумал и решил про себя: «Пойду я все-таки к змее. Если уж пропадать мне, пусть лучше змея меня убьет, чем царь. Перед ней-то я и вправду виноват».

И опять пошел Шивар к большому камню.

И опять навстречу ему выползла из-под камня змея.

— Здравствуй, Шивар, неразумный мой брат, — сказала змея. — Вижу я, что не зря прозвали тебя Шиваром, ведь и правда совсем ты бестолковый. Как же это не пришло тебе в голову, когда ты в меня камнем запустил, что царю опять может присниться сон? Хорошо еще, что я увернулась

от твоего тяжелого подарка. Ну что бы ты стал теперь без меня делать?

— Ах, мудрая моя сестра, — ответил Шивар, — я и сам вижу, что провинился перед тобою, потому и пришел к тебе. Делай со мной что пожелаешь. Хочешь — помоги, хочешь — накажи.

— Нет, Шивар, я не буду наказывать тебя, — сказала змея. — Я помогу тебе и на этот раз избавиться от беды. Иди к царю, Шивар, и скажи ему, чтобы он ничего не боялся. Пшеница, которая сыплется с неба на землю, предвещает изобилие и богатство всему его народу, а ему самому — счастливое царствование до конца дней. Царь щедро наградит тебя, Шивар. Не забудь же принести мне половину даров, которые получишь от царя.

— Твое желание у меня в памяти, будто написано перед глазами, — сказал Шивар. — Да падут все несчастья на мою голову, если я нарушу свое слово.

И, поклонившись змее, пошел к царю.

Обрадовался царь, услышав слова Шивара.

Сейчас же велел он своим слугам выкатить на все городские площади бочки с шербетом, сам пил, Шивара угостил, а потом дал ему из своей казны целый караван золота и с почетом отпу-

стил домой.

Едет Шивар по дороге, напевает веселую песню, а сам думает: «Отдам-ка я все это золото змее. Мне ведь хватит и того, что у меня есть. А змея не будет на меня больше сердиться».

У большого камня остановил он караван и, разгрузив своих верблюдов, кликнул змею. И когда выползла змея, сказал ей Шивар, показывая на мешки с золотом:

— Вот, сестра, получай свою долю. Все это золото — по праву твое.

— Братец, — сказала ему змея, — мне не нужно твоего золота. На что мне богатство? Я ведь только хотела испытать тебя — что ты за человек? Помнишь, когда в первый раз ты получил от царя богатые подарки, ты обманул меня, свернул с прямого пути. Тот год был лисий год, время обмана и лжи. Все лгали, поэтому и ты, слабый человек, обманул меня. Ты поступил так же, как поступали другие, пожалуй, даже хуже других, потому что ты думал, что чужая ложь может прикрыть твою. Второй раз, когда мы повстречались с тобой, был год крови, потому и ты швырнул в меня камнем, пролил мою кровь. Ты поступил так же, как все твои сородичи-люди, пожалуй, даже хуже других, потому что ты думал, что кровь, пролитая дру-

гими, скроет кровь, пролитую тобой. Нынче же настал год изобилия, и люди исполнились доброты и щедрости. Поэтому и ты расщедрился. Ты поступил так же, как все, — правда, не хуже, но и не лучше других. Не гордись же своей добротой и хорошенько запомни мои слова: когда другие поступают плохо — будь лучше других, а когда все поступают хорошо — не будь хуже всех.

И, сказав так, змея исчезла.

А Шивар, как побитый, все еще стоял у камня. Стыдно ему было самого себя. Не в радость было ему золото.

Вернулся он домой и, на удивление жены, поделил между всеми соседями царский подарок.

С тех самых пор будто подменил кто Шивара. Слова мудрой змеи глубоко запали ему в сердце. Ни разу, до конца дней своих, не забывал о них Шивар, точно были эти слова и вправду написаны перед его глазами.

Сказка про бедного сапожника

Грузинская сказка

Жил когда-то в каком-то городе бедный сапожник. За всю свою жизнь не скопил он не то что одного рубля, а даже двух медных монеток. Что днем заработает, то вечером с женой и детьми проест.

По духанам он никогда не ходил, а всегда веселый был, на работу отправлялся — песни пел, с работы возвращался — шутки шутил.

Так и жил, не зная горя и забот.

А правил тем городом хитрый и злой царь.

Вот однажды решил царь посмотреть, как живут его подданные. Надел он платье и все знаки рыночного устабаши[1] и, когда наступил вечер, отправился бродить по улицам.

В окна заглядывает, у дверей подслушивает и, сколько ни ходит, ничего особенного не замечает: кто свои барыши за день подсчитывает, кто убытки оплакивает, кто с женой ссорится, кто детей бранит. Только в одном доме услышал он веселый смех и песни.

---

[1] Сноски: 1

Устабаши — староста, надзиратель.

Удивился царь и решил посмотреть, что это за люди живут там и отчего им так весело и хорошо.

Постучал он. Открыли ему. Пригласили к ужину. Угощенье на столе небогатое, гостей нет, а пир горой идет.

Сидит царь за столом, ест лобио, пьет вино, а от любопытства все у него внутри так и горит: не привык он видеть в своем городе счастливых и довольных людей.

— Прости меня за вопрос, генацвале, — сказал наконец царь, — но очень хочется мне знать, кто ты такой и чем занимаешься, если даже в будний день пьешь и веселишься, словно в праздник.

— Я простой, бедный сапожник, господин, — ответил хозяин. — На рынке у меня есть лавочка. Пройдет кто мимо, я тому сапоги подобью, или чувяки подошью, или ноговицы залатаю. Днем работаю, а вечером с семьей пирую. Зачем нам праздника ждать? Все дни хороши.

— Ну, а что ты будешь делать, если вдруг закроют лавки?

— О, врагу не пожелаю того, что тогда со мной будет! Голодный останусь, — сказал сапожник. — Но что об этом думать? И какому злому человеку придет в голову закрывать лавки?

Посидел царь у сапожника, попил, поел и ушел.

А наутро разослал он во все концы города своих глашатаев, чтобы объявили они народу его царскую волю.

По случаю праздника приказывает царь закрыть все лавки на базаре, чтобы никто не смел работать, когда царь отдыхает, — ни портной, ни сапожник, ни кузнец, ни брадобрей. Не понимает народ, что за блажь царю в голову пришла, ходят все без дела, ругают царя, а нарушить приказ не смеют.

А царь, чуть только стемнело, опять переоделся и опять пошел проведать сапожника.

«Посмотрим-ка, — думает, — так ли ему весело, как вчера, все ли теперь дни для него хороши!»

Приходит, а сапожник как ни в чем не бывало сидит с детьми и женой за столом, пьет, ест, веселится.

— Здравствуй, друг, прошу, дорогой мой, к столу, — сказал сапожник, увидя гостя.

— Ты, я вижу, пируешь по-прежнему, — сказал царь. — Где же ты деньги взял? Ведь все лавки закрыты. Или ты нарушил приказ царя?

— А, будь он проклят, наш царь, — сказал сапожник. — Из-за него я чуть голодный не остался.

У него праздник, а мне лавку закрыли. Что делать? Вышел я на улицу — кому воды принес, кому дров нарубил, кому вещи нести подсобил, вот и заработал немного, вот и у нас праздник. Чем мы хуже царя?

Посидел царь у сапожника, поговорил и ушел. А наутро явился к сапожнику царский слуга и повел беднягу во дворец.

По приказу царя опоясали сапожника тяжелым мечом и поставили у царских дверей.

— Смотри, — говорят, — ни на шаг отсюда не уходи, а меч свой береги пуще глаза.

Целый день простоял на часах бедный сапожник. Вечером пришел домой грустный, расстроенный. Ничего в этот день не заработал. Где теперь денег взять? Как семью накормить?

— Что ты опечалился, дорогой мой? — спрашивает его жена. — Ну что ж, что сегодня мы остались без ужина? Другие по неделям сидят без куска хлеба и то терпят. Так неужто мы одного дня не выдержим?

Сразу повеселел сапожник от этих слов и, чтобы чем-нибудь занять себя и не думать о еде, взял палку и, напевая себе под нос песенку, принялся строгать ее.

Строгал, строгал и видит — стала палка с одной

стороны плоской, как меч.

«Ага, — подумал сапожник, — сейчас я сделаю дело! Не буду я из-за этого глупого царя голодным сидеть».

Обстрогал он палку с обеих сторон, один конец заострил, к другому узорчатую рукоятку приделал, и получился у него самый настоящий меч, только деревянный.

Деревянный меч сапожник вложил в ножны, а железный отнес соседу — меняле. Дал тот ему денег, и накупил сапожник и хлеба, и вина, и сала, и баранины столько, что едва домой унес.

— Получай, жена, — говорит, — да благодари царя за богатый ужин.

А царь тем временем опять переоделся и опять пришел проведать сапожника.

«Ну, — думает, — сегодня уж ему не с чего веселиться».

Только ничуть не бывало. Веселее прежнего сапожник, и пир у него богаче прежнего.

Усадил сапожник гостя за стол, смеется, рассказывает своему новому другу.

— Понимаешь, — говорит, — сегодня наш глупый царь заставил меня на часах стоять, покои его сторожить. Простоял я целый день, пришел домой, а дома ни денег, ни хлеба. Вот я и подумал:

продам-ка я царский меч, а в ножны деревянный вложу. Как царь узнает?.. А ну-ка, жена, достань мою деревяшку, покажи нашему другу, какой у меня меч.

Принесла жена деревянный меч.

Посмеялись все, поели досыта, попили допьяна, и ушел царь.

А наутро снова явился за сапожником царский гонец.

Снова поставили беднягу у царских дверей.

Стоит сапожник навытяжку, руки по швам, сбоку деревянный меч привешен.

А царь уселся на своем троне и посмеивается.

«Теперь-то, — думает, — он у меня никак не вывернется».

И, чтобы проучить сапожника, придумал царь вот что.

Приказал он позвать своего казначея, и, когда пришел тот, начал вдруг царь кричать на него и ногами топать, точно казначей и вправду перед ним провинился.

— Изменник, — кричит, — вор, мошенник! Это ты украл золото из моей казны. Да я велю казнить тебя сейчас же!

Казначей даже рот разинул от удивления.

— Да не умрет твой сын! Опомнись, милости-

вый царь! Какой злой человек подсказал тебе эти слова?

А царь и слушать ничего не хочет.

— Эй, — кричит, — позвать сюда стражу! Пусть сию минуту отрубят голову этому вору!

Привели к царю сапожника.

Отодвинулся царь на своем троне поглубже под балдахин, корону до самых бровей надвинул, мантией до самых глаз закрылся, чтобы сапожник его не узнал, и говорит:

— Руби этому изменнику голову. Он из моей казны мешок золота украл.

— Милостивый царь, — плачет казначей, — клянусь, невиновен я. Пересчитай сам свою казну…

— И считать не буду, — говорит царь, — и слушать тебя не буду, а казнить — казню. Эй, стражник, руби ему голову!

Ума не приложит сапожник, как из беды выпутаться. За казначея-то он не боится, знает, что его голова уцелеет. Получит казначей деревянной палкой по шее — и все тут. А вот как свою голову спасти?

— Великий, милостивый царь, — стал просить сапожник. — Прости и помилуй этого несчастного. Если он и взял что лишнее, так теперь

уж, наверное, даже одной золотой монеты не возьмет.

— Нельзя его простить, — отвечает царь. — Пусть все знают, каково царя обманывать. Говорю: руби ему голову, а не то и твоя полетит долой.

Что тут делать?

Возвел сапожник глаза к небу и громко сказал:

— Господи, если не виновен этот человек, сотвори чудо: преврати железо в дерево. Меня от убийства спаси, его — от смерти.

Сказал так — и выхватил меч из ножен.

Смотрят все, а меч деревянный.

Усмехнулся царь.

— Ну, — говорит, — тебя не перехитришь. И хоть обманул ты меня, а за ум я тебя все-таки хвалю.

Наградил он сапожника золотом и серебром и с миром отпустил домой.

— Иди, — говорит, — и живи, как жил.

И зажил сапожник по-прежнему — весело и счастливо. Днем работает, вечером пирует.

Соловей

Татарская сказка

Жил когда-то купец. Богато жил. Много было у него всякого заморского добра. Ковры в доме у купца — персидские, посуда у него на столе — китайская, халаты на нем — из Турции, слуги у него — из Индии.

Куда ни поедет купец, отовсюду привезет себе что-нибудь на память.

И жил в доме у этого купца соловей. В клетке жил. В большой, красивой клетке. Стены клетки из серебряных прутьев сплетены, крыша хрустальными плитками выложена, пол золотым песком усыпан.

Ничего не жалел купец для своего соловья.

Каждый день — на заре, в полдень и на закате — слуга приносил соловью студеной воды в перламутровой раковине и отборного зерна на янтарном подносе. И жил себе соловей без горя и забот, припеваючи. А уж петь он был — из всех мастеров мастер.

«Да ведь ему живется у меня лучше, чем на воле», — думал купец, слушая, как весело поет

соловей.

Однажды собрался купец по своим торговым делам в чужеземную, заморскую страну.

Узнал об этом соловей и просит купца:

— Послушай, хозяин, ты всегда был добрым со мной, никогда ни в чем мне не отказывал. Исполни же и на этот раз мою просьбу. Ты ведь едешь ко мне на родину. Там, в гранатовом саду, живет вся моя родня, все мои братья и сестры. Пойди к ним, хозяин, и скажи, что я шлю им многое множество поклонов. Да еще скажи, что я жив-здоров и ни на что не жалуюсь.

— Хорошо, — сказал купец, — непременно сделаю, как ты просишь.

И отправился в путь.

Вот приехал он в ту заморскую страну, распродал свои товары, накупил разных диковин и, когда кончил все свои торговые дела, пошел разыскивать сад, о котором говорил ему соловей.

Ходил, ходил и пришел наконец в сад редкостной красоты.

Цветов там — видимо-невидимо. Гранатовые деревья точно красной краской выкрашены, столько на них плодов. Воздух кругом сладкий, душистый и словно дрожит весь от соловьиного пения. Куда ни глянь — на каждом дереве, на

каждой веточке сидит соловей и звонким голосом выводит свою песню. А уж один так заливается, такой трелью рассыпается, что хочешь не хочешь, а заслушаешься.

«Ну, этот, наверное, сродни моему певцу», — подумал купец и, подойдя к дереву, крикнул:

— Послушай, соловей! У меня дома в серебряной клетке живет твой брат. Он велел передать тебе и всем своим братьям и сестрам многое множество поклонов, да еще велел сказать, что сам он жив-здоров, ест сытно, пьет сладко и ни о чем не тужит.

Услышал соловей эти слова и, точно подбитый, упал на землю.

Не знает купец, что и делать. Нагнулся к соловью, а тот уже не дышит. Крылышки раскинул, клюв разинул, лежит — не шевелится. Мертвый лежит.

«Эх, зря я ему о брате напомнил, — подумал купец. — Видно, очень уж он горевал да скучал по нем… Ну, да теперь беде не поможешь».

Поднял купец мертвого соловья и бросил его подальше в траву.

А соловей, чуть только ударился о землю, так сразу и ожил. Вспорхнул на дерево, защелкал, засвистел и, с веточки на веточку, с дерева на

дерево, полетел в глубь сада.

— Куда же ты? Постой! — закричал купец. — Скажи мне, что передать твоему брату? Ведь он ждет не дождется от тебя весточки!

Но соловей ничего ему не ответил и, весело распевая, скрылся в густой зелени.

Печальный приехал купец домой.

— Ну что, хозяин, передал ли ты мой привет? Привез ли мне весточку от родни? — спросил его соловей.

— Твоей родне я все сказал про тебя, — ответил купец, — и привет твой передал, а вот тебе привета не привез. Видно, твоя родня совсем знать тебя не хочет. Твой брат так даже слушать меня не стал. Чуть заговорил я о тебе, он сразу прикинулся мертвым. И ловко так — крылья раскинул, клюв разинул, нипочем не догадаться, что живой. Ну, я и бросил его подальше в траву. А он вдруг ожил и полетел от меня прочь… Тебе даже спасибо за привет не сказал…

Услышал это соловей и загрустил. Целый день не ел, не пил, голоса не подавал.

А наутро, когда слуга принес соловью студеной воды в перламутровой раковине и отборного зерна на янтарном подносе, соловей мертвый лежал в клетке.

Чуть не заплакал купец с горя.

Уж чего только он не делал, чтобы оживить соловья!

Сам ему воду в клюв вливал, и на солнышке грел, и на траву выносил — очень уж он любил своего певца!

Да только как ни старался купец, а ничего не помогло. Умер соловей.

Тогда позвал купец слугу и велел ему унести мертвую птицу подальше от дома. Слуга так и сделал. Отнес соловья за ограду, куда сваливают всякий мусор, и там бросил.

А соловей, чуть только ударился о землю, сразу ожил, встрепенулся и, весело распевая, закружился над садом.

— Спасибо, хозяин, что привез мне добрый совет! — крикнул он на прощание купцу и полетел к себе на родину.

Три желания

Эстонская сказка

Жили на краю деревни в бедной лачуге старик и старуха. Старика звали Лоппи, а старуху Лаппи.

Детей у них не было. Хозяйства они за всю жизнь себе не нажили. И уж такие они были ворчливые да бранчливые, что дворовая собака и та от них сбежала. С раннего утра до поздней ночи только и было у них дела, что ругаться, друг друга попреками изводить да на судьбу жаловаться.

— Несчастный я, — говорит старик, — неудачливый, жену и то не мог найти хорошую. Была бы у меня жена получше, разве так бы я жил? Заботливая жена и дом в порядке содержала бы, и за мной ходила. Да, не повезло мне, уж так не повезло…

И говорит, говорит, словно дождь по крыше стучит. Ну старуха за словом в карман тоже не лезла и спуску старику тоже не давала. Он — слово, она — десять, он — десять, она — двадцать.

— Это тебе-то не повезло? — набросится старуха на мужа. — Да ты с утра до ночи судьбу должен благодарить, что тебе такая жена, как я,

досталась! Это ему-то не повезло! Постыдился бы говорить такие слова! Уж если кому и вправду не повезло, так это мне, несчастной. Не иначе как по девичьей своей глупости я за тебя пошла. А может, ты меня колдовством приворожил или зельем каким опоил? Кто тебя знает! Ведь сколько женихов у меня было — и красивые, и богатые, один другого лучше. И где глаза у меня были, когда я тебя выбрала? Вот зато и доживаю теперь в нищете — ни ложки, ни плошки и в закромах ни крошки. Загубил ты мой век…

Так и сяк честит она старика. И уж никакими силами ее не остановить, несет ее, будто воду в бурливом ручье. Правда, случалось, что Лоппи затыкал все-таки ей рот кулаком.

Однажды сидели Лоппи и Лаппи в своем бедном доме, за пустым столом и, как водится, друг на друге срывали злость.

И вдруг — никто не стучал, и дверь словно бы не открывалась, только видят старики: в лачуге у них гостья. Платье на ней господское, а сама такая ласковая да приветливая.

— Я знаю, — говорит, — вы люди бедные, немало горя видели на своем веку, вот я и хочу вам помочь. Я выполню три ваших желания, стоит вам только их назвать. Да смотрите не торопи-

тесь, не ссорьтесь и не ругайтесь, а подумайте хорошенько — чего бы вы хотели. Даю вам три дня на размышление.

Сказала — и словно сквозь пол провалилась. Дверь не открывалась, калитка не скрипела, а гостьи и след простыл. Как не бывало ее.

Лоппи и Лаппи молча смотрели друг на друга и не знали, что и думать о таком чуде.

Наконец Лоппи сказал:

— Пойдем-ка спать. Впереди у нас три дня, успеем обо всем подумать. Тут и вправду дело такое, что торопиться нельзя.

На этот раз Лаппи не стала с ним спорить. Старики улеглись, но полночи не могли заснуть, все думали, какие бы три желания назвать.

Наступил день — старика и старуху будто кто подменил. Лоппи не проклинал судьбу. Лаппи не попрекала мужа бедностью. В лачуге их с утра до ночи была такая тишина, словно никто тут не жил. Кое-кто из соседей даже заглянул к ним. «Что это, — думают, — у стариков так тихо? Может, померли?» А Лоппи и Лаппи молча сидели по углам и думали — что бы им пожелать?

Новый дом? Ну, на что им новый дом? С ним только забот и хлопот не оберешься.

Денег просить? Да долго ли их истратить! А

потом опять в бедности живи.

Молодыми снова сделаться? Так ведь все равно состаришься.

День прошел, второй кончился, а Лоппи и Лаппи ничего не надумали.

На третий день решил старик пойти к соседям. Слышал он, что там хозяева свинью закололи и колбасу варят. Вот старик и решил: попрошу у хозяйки немного колбасного отвара, а Лаппи на нем щи состряпает. От наваристых щей, может, мысли хорошие в голову придут.

Взял он котелок с крышкой и пошел. Налила ему соседка полный котелок колбасного отвара, Лаппи нарубила капусты и поставила котелок в печку — пусть преет.

Вечером, когда пришло время ужинать, Лоппи уселся за стол, а Лаппи вытащила из печки котелок с капустной похлебкой. По всему дому так и пошел запах колбасы. Лаппи бережно поставила дымящийся котелок на стол и налила похлебку в миски.

Съела ложку, другую и принялась ворчать:

— Ну разве это похлебка? Вода водой. Одно название, что колбасная! Вот если бы к ней еще настоящей колбаски…

И только сказала, как — бац! — и на стол упал

большой колбасный круг.

Старик сразу понял, что первое их желание уже выполнено, и давай ругать жену:

— Эх ты, пустомеля! Нашла что пожелать! Колбаски бы ей! Да пусть эта колбаса на носу у тебя повиснет, если уж ты…

Но не успел он договорить, как — раз! — и колбаса уже висела на носу Лаппи, да так крепко приросла к носу, что и не оторвать.

Что тут делать! Два желания уже зря пропали!

— Ах ты, старый болтун! — закричала Лаппи. — Ах ты, злодей! Вот ты чего захотел! Нет, недаром я говорю, что ты мне всю жизнь загубил! Пусть эта колбаса пропадет пропадом, чтобы не видели ее мои глаза!..

Ну, как сказано, так и сделано — вмиг колбаса исчезла, словно в воздухе растворилась.

А Лоппи и Лаппи остались ни с чем. И поделом. Пусть не ругаются.

Хитрый Петр и змей

Болгарская сказка

Было время, когда по земле бродили великаны-чудища. У них были громадные огненные крылья и хвосты, а чешуя сияла, как солнце. Жили они в горах, в глубоких пещерах, и, когда летали, становились невидимыми.

Эти чудища назывались змеями.

И вот случился на земле Великий потоп, и все змеи потонули, потому что плавать они не умели, а долго летать по небу не могли — крылья ослабевали. Остался на земле только один змей. Он поднялся на самую высокую гору и ждал, пока воды потопа не стекут в моря, озера и реки. И вот обсохла земля, и змей тронулся в путь. Пришел он в болгарскую землю и поселился в горах, в одной пещере. Подыскал себе в служанки старую ведьму и отправился искать богатырей-юнаков.

А в то время уже родились на свет хитрецы, что побеждали не силой, а разумом.

Шел-шел змей, и повстречался ему однажды такой хитрец. Звали его Хитрый Петр. Вот змей и спрашивает его издалека:

— Эй, человек, ты богатырь-юнак?

— Богатырь, — отвечает Хитрый Петр.

— А в чем твоя сила?

— Возьму в руку камень, стисну — вода потечет.

— Не верю, — говорит змей.

— Давай потягаемся. Только сперва ты возьми камень и стисни.

Змей поднял с земли камень, стиснул его, в порошок искрошил — не течет вода.

— Ну, теперь гляди на меня, — говорит Хитрый Петр.

Нагнулся Хитрый Петр, поднял камень, а другой рукой незаметно вынул из торбы комок свежего творога. Стиснул в руке камень вместе с творогом — потекла вода.

Подивился змей на такую богатырскую силу.

— Ну, ты посильнее меня, — говорит. — Давай побратаемся!

— Давай, — согласился Хитрый Петр.

Побратались. Дальше пошли вместе. Шли-шли, дошли до виноградника. Видят: стоит среди виноградника высокая черешня со спелыми плодами. Змей был великан — рвет спелые черешни с высокого дерева и ест с ладони. А Хитрый Петр вертится вокруг ствола да облизывается — не

может достать рукой до веток. Обобрал змей все ветки и наклоняет самую верхушку, чтоб и ее очистить. Тут Хитрый Петр изловчился, поймал одну ветку и принялся рвать черешни. Наелся змей, отпустил верхушку, а Хитрый Петр не успел вовремя выпустить свою ветку да и взлетел на воздух, как птица. Перекувырнулся через черешню и шлепнулся в терновый куст. Под тем кустом дремал заяц. Испугался заяц, выскочил — и тягу.

— Что с тобой, побратим? — спрашивает змей Хитрого Петра.

— Да ничего! Увидел я зайца. «Дай, — думаю, — перепрыгну через черешню да схвачу его за уши». А заяц — наутек. Убежал, проклятый!

Змей еще пуще дивится. Пошли дальше. Шли-шли, добрались до леса. А в лесу полным-полно всякой дичи — и зайцев, и серн, и оленей. Змею захотелось есть. Вот он и говорит Хитрому Петру:

— Давай огородим лес высокой стеной, будем дичь ловить. Поймаем — изжарим и съедим.

— Ну что ж, я не прочь, — отвечает Хитрый Петр.

Засучили рукава, принялись за дело. Змей трудится по-богатырски — целые скалы таскает, одну на другую громоздит, а Хитрый Петр заты-

кает грязью дырочки между камнями.

Сложили высокую стену, огородили лес. Змей перелез через стену и принялся ловить медведей, волков, лисиц, серн, зайцев — всяких зверей. Ловит и в кучу складывает. А Хитрый Петр куда-то скрылся. Стал змей его кликать. Кликал-кликал, наконец Хитрый Петр показался вдалеке. Немного погодя подошел к змею с двумя малыми птенчиками в руках и говорит:

— Видишь? Я и птиц ловить могу! Не велико уменье ловить тех, кто по земле ходит. А ты попробуй поймай того, кто по воздуху летает!

И вот змей с Хитрым Петром сложили под деревом громадный костер. Змей освежевал дичь, насадил на вертелы сто оленей, двести серн, пятьсот зайцев. Изжарилось мясо, змей и говорит Хитрому Петру:

— Садись, побратим, мясо есть!

Сели. Змей ел по-богатырски, как змеи едят, — по зайцу зараз проглатывал, а Хитрый Петр еле-еле управился с лопаткой молодой серны. Смотрит Хитрый Петр на змея, завидует, хочется ему показать, что и он может есть по-богатырски. И стал он хватать громадные куски мяса. Есть не ест, только за спину себе кидает, когда змей в сторону глядит.

Настал вечер. Змей и говорит Хитрому Петру:

— Пойдем ко мне ночевать.

Пришли они в пещеру. Встречает их ведьма и спрашивает на змеевом языке:

— Это кто такой?

— Мой побратим.

— Что он за птица?

— Юнак. Богатырь, каких мало, — посильней меня будет.

— Чего ж ты его не убьешь?

— А как его убить? — спрашивает змей.

— Заснет он ночью, а ты возьми молот в сто пудов весом да и пристукни его.

Хитрый Петр все языки понимал и язык змеев тоже. Испугался до смерти, но ни слова не проронил. Легли спать, потушили светильник. Тут Хитрый Петр встал с постели, вышел из пещеры, набрал в мешок камней и положил его на свою постель под одеяло, а сам спрятался за дверью и ждет, что будет.

В полночь змей поднялся, схватил стопудовый молот, подошел к постели Хитрого Петра и ну дубасить по мешку. Бьет по камням что есть силы — из камней искры летят. Бил-бил, вернулся к ведьме и говорит:

— Ну, теперь убил! Что правда, то правда: кре-

пок был этот юнак, куда крепче меня, — я его колочу, а из него искры летят.

И змей лег спать.

Наутро откуда ни возьмись появляется Хитрый Петр.

— Доброе утро, побратим!

Змей глаза выпучил.

— Как? Ты еще жив? — дивится змей. — Да ведь я же тебя молотом убил!

Усмехнулся Хитрый Петр:

— Так это ты меня бил? А я думал, меня блоха кусала. Нет, брат, лучше уж ты не трудись меня убивать. Я закаленный.

— Как же ты закалился?

— В кипятке.

— Сделай милость, закали и меня, — просит змей, — ведь мы с тобой побратимы.

— Отчего не закалить, закалю, — отвечает Хитрый Петр, — да только вытерпишь ли.

— Вытерплю! — говорит змей. — Очень уж хочется мне стать таким богатырем-юнаком, как ты.

— Ну что ж, так тому и быть, — говорит Хитрый Петр. — Прикажи своей старухе вскипятить чан воды. Да подкатите сюда бочку.

Подкатили бочку. Змей приказал ведьме на-

лить полный чан воды и развести под ним огонь. Закипела вода, вот Хитрый Петр и говорит змею:

— Ну, юнак-богатырь, лезь в бочку! Буду тебя закалять.

Змей с великой охотой влез в бочку, а Хитрый Петр заколотил ее крепко-накрепко, потом провертел дырку и принялся лить кипяток в бочку. Закричал змей:

— Ой-ой! Побратим, горячо!

— Терпи, побратим, — утешает его Хитрый Петр. — Вытерпишь, закалишься не хуже меня.

Вот Хитрый Петр налил бочку доверху и говорит ведьме:

— Держи его в бочке до вечера — закалится, станет крепче железа. А как солнце зайдет, ты бочку разбей и выпусти его.

Ушел Хитрый Петр и был таков. А ведьма сидит, вечера дожидается. Взошел месяц, разбила она бочку, видит — змею конец пришел.

С той поры нет больше змеев на земле — все перевелись.

Хромая Молли

Английская сказка

На одной ферме жили две работницы — Молли и Нелли. Однажды, возвращаясь домой, они услышали шум в хлебном амбаре. Молодым девушкам захотелось узнать, в чем дело. Подойдя к амбару, Молли заглянула в замочную скважину. Вся внутренность амбара была залита ярким светом, и при этом свете молодая девушка увидела множество крошечных хорошеньких человечков с прозрачными крылышками. Они возились в закромах и наполняли пшеничными и ржаными зернами сумочки, висевшие у них на плечах. Впрочем, сумочки эти были так малы, что в них помещалось всего по два-три зернышка.

Молли сразу догадалась, что она видит эльфов — маленьких волшебных обитателей лесов и полей, которые спят в чашечках цветов, пьют росу, качаются на паутинках, но могут награждать людей, сделавших что-нибудь хорошее для них, и наказывать не угодивших им.

— Ах вы, маленькие воры, — сказала она, — погодите, вот я вам!

Она шепотом рассказала Нелли обо всем, что увидела, и попросила подругу помочь ей. Как только первый эльф показался из замочной скважины, девушки схватили его за прозрачные, как у стрекозы, нежные блестящие крылышки. А надо вам сказать, что тот, кто держит за крылышки эльфа, лишает его власти. Молли и Нелли знали это. Маленький эльф гневно отбивался, но, так как в эту минуту у него не было его волшебной силы, он ничего не мог сделать, а, на его беду, остальные лесные духи замешкались в амбаре.

— Отпусти меня, — сказал эльф голоском тоненьким, как жужжание мушки в летний день.

— Ах ты, маленький воришка, — ответила ему Молли, — отпустить тебя! А зачем вы крадете рожь и пшеницу нашего хозяина? Вы крадете, а нас бранят за то, что мы тратим много зерна…

— Отпусти, — опять пропищал эльф.

Молли оглянулась. Она не увидела поблизости ни одного эльфа и решила, что ей можно еще немного поторговаться с маленьким пленником.

— Ну, мы отпустим тебя, какая же польза будет нам от того, что мы поймали за крылышки лесного духа? Ведь поймать эльфа непросто, и это нечасто удается людям. Так неужели же отпустить тебя без всякого выкупа? — сказала Нелли.

— Только отпустите меня, — проговорил эльф, — и вы не будете жалеть об этом. Но вот что: каждый день ставьте возле вашего порога по две чаши с водой. Мы будем выпивать воду или уносить ее к себе домой для поливки наших растений, а вы на рассвете берите то, что окажется в чашах. Только никогда не забывайте ставить чаши с водой. Мы хорошо платим за услуги, но жестоко наказываем забывчивых и ленивых. Да, вот еще что: если вы будете аккуратно ставить нам воду, мы вдобавок ко всему перестанем таскать у вашего хозяина зерно: нам достаточно будет дела и с водой.

— Ну ладно, лети себе на свободу, — в один голос сказали Молли и Нелли и отпустили крылатого духа.

Он взмахнул своими серебристыми крылышками и скрылся в темноте ночи. В ту же минуту из замочной скважины вылетел целый рой крошечных эльфов: все они светились, как маленькие яркие светлячки, и беззвучно трепетали сверкающими прозрачными нежными крылышками.

Девушки пошли спать. На следующий же вечер они поставили у порога две чаши с чистой водой, а утром нашли в них две серебряные монеты. С тех пор они аккуратно исполняли обещание,

данное эльфам, и на рассвете получали награду.

Так продолжалось какое-то время. Но однажды Молли и Нелли отправились на деревенский праздник, долго танцевали там и очень устали. Они вернулись домой поздно и сразу легли спать, забыв на этот раз поставить эльфам воду. Молли тотчас же заснула, а Нелли лежала с открытыми глазами, вспоминая о том, как она веселилась на деревенском балу.

Вдруг возле закрытой двери комнаты девушек послышались жужжание и какой-то негромкий ропот[2]. Нелли приподнялась на постели и прислушалась. Вскоре она различила целый хор тоненьких голосков эльфов, которые жаловались на леность и забывчивость девушек, говорили, что им очень нужна вода именно в этот день, так как от летнего зноя в лесу засохли все незабудки и кукушкины слезки.

Нелли вскочила с постели и принялась будить подругу, говоря:

— Вставай, Молли. Мы забыли поставить эльфам воду, и они вьются возле нашей двери, плачут и упрекают нас за леность и забывчивость.

— Ах, оставь меня! Мне так хочется спать, —

---

[2] Сноски: 2

Ропот — недовольство, выражаемое негромкой речью, в неясной форме.

ответила Молли. — Иди, ставь воду, если тебе хочется, я же не шевельнусь, даже если сюда слетятся все эльфы Англии.

Нелли поставила чашу с водой у порога. Потом она вернулась в комнату и со спокойной совестью легла в постель. Молли в это время заснула крепким сном. Нелли все еще не спалось. И вот она опять услышала, что возле двери зажужжали тонкие голоски, но на этот раз они были не жалобные, а серьезные и даже сердитые. Эльфы совещались между собой, как им наказать ленивую и нелюбезную Молли.

Одни предлагали накинуться на нее и приняться щипать ее руки и лицо, другие желали испортить ее новую лиловую шляпку с завязками, третьи — послать ей зубную боль. Какой-то эльф придумал сделать ее нос ярко-красным, но другие нашли, что это слишком жестокое наказание для такой хорошенькой девушки. Наконец на совете было решено, что Молли сделается хромой на семь лет.

Кроме того, эльфы дали ей возможность вылечиться в самом скором времени, приложив к ноге траву, название которой они произнесли. Нелли, слушавшая все это, ясно различила название лечебного растения, состоявшее из целых семи

слогов. Она хотела хорошенько запомнить его, найти траву и таким образом вылечить хромую подругу. Несколько раз повторила она длинное и трудное слово и, думая, что хорошо запомнила мудреное название, заснула, а наутро совсем забыла его. Как она ни ломала голову, каких слов ни придумывала — настоящее название не приходило ей на ум.

Молли сильно хромала, но с этих пор она заботливо и аккуратно ставила свою чашу воды у порога. Иногда, чтобы умилостивить эльфов, она, кроме того, клала на порог сот меда, ложечку варенья, кусочек сахару, несколько зерен ржи, ячменя или пшеницы. Утром обе девушки находили в чашах серебряные монеты, но нога Молли не поправлялась.

Так прошел год. Наступил июль. Стояли жаркие тихие дни. Все луга и опушки лесов пестрели чудными цветами. Однажды Молли по поручению своего хозяина понесла яйца на продажу в соседний городок. Хромая девушка ходила медленно, и ей пришлось возвращаться домой вечером. Солнце заходило, Молли торопилась, но не успела вернуться домой раньше сумерек. Стало темно. Над землей потянулся легкий туман, и вот, проходя через большой цветущий

луг, Молли в полусумраке увидела, как из маков, колокольчиков, васильков, маргариток, ромашек и иван-чая стали роем вылетать маленькие крылатые существа.

«Эльфы», — подумала она и, с грустью взглянув на свою ногу, пошла дальше.

Вдруг возле ее уха что-то зазвенело, и она почувствовала нежное прикосновение к щеке. Она оглянулась и увидела, что вокруг летают маленькие эльфы, слегка освещенные серебристыми лучами поднимавшейся над землей луны.

— Погоди, Молли, — сказал один из них, — постой здесь. — И он улетел в лес.

— Благодарим тебя, Молли, за мед, — пропели голоса.

— Благодарим тебя за сахар, — пропищали вторые.

— Благодарим за варенье, — прозвенели третьи.

— Погоди, погоди, — закричал целый хор тонких голосков, — наш старший брат эльф Крольф сейчас поможет тебе в беде.

Из леса вылетели четыре громадные ночные бабочки, которые в лапках несли невиданный странный цветок темно-лилового цвета. В его чашечке сидел удивительно красивый эльф,

немного покрупнее, чем все остальные, с четырьмя прозрачными крылышками на спине и с маленькой красивой коронкой на светло-золотистых волосиках.

— Крольф! Крольф! — запели эльфы.

В эту минуту эльф Крольф вылетел из цветка. Своими маленькими ручками он взял его из лапок бабочек, с веселым лицом подлетел к Молли и, глядя ей прямо в глаза, сказал длинное название цветка из семи слогов.

Такого удивительного слова Молли никогда не слыхала, а потому тотчас же и забыла его. Между тем Крольф спустился в траву и положил фиолетовый цветок на ступню ее хромой ноги. В ту же минуту молодая девушка услышала:

— Выздоровела, выздоровела!

Крольф сел на одну из бабочек, приветливо махнул Молли рукой и улетел. За ним, извиваясь длинной вереницей, улетели и остальные эльфы. Молли осталась одна.

Совсем здоровая, не хромая, она вернулась домой. Нечего и говорить, что с этого времени ни Молли, ни Нелли никогда не забывали об эльфах. Обе они ставили им воду, а утром получали от них новые чистенькие серебряные монеты.

Черепаха и скорпион

Узбекская сказка

Жила на свете черепаха. Это была старая, мудрая черепаха. Много она на своем веку видала, а чего не видала — про то слыхала.

Однажды ползла черепаха по дороге.

Вдруг из-за камня высунулся скорпион. Увидел черепаху и говорит:

— Эй, подруга! Ты куда? И я с тобой! В пути с товарищем всегда веселее.

Черепаха подумала:

«Уж если скорпион привязался — от него не отделаться. А в пути и вправду вдвоем лучше».

— Что ж, — говорит черепаха, — идем! Будешь моим товарищем!

Вот и отправились они вместе — черепаха и скорпион.

Ползли, ползли и добрались до берега реки. Черепахе вода не помеха. Вошла она в воду и поплыла — то нырнет с головой, то всплывет на поверхность.

На середине реки оглянулась черепаха — а спутника ее нет.

Посмотрела она на берег и видит: скорпион закинул хвост на спину и мечется по берегу туда-сюда. А войти в воду не смеет.

— Эй, друг! — крикнула ему черепаха. — Почему ты не плывешь за мной?

Тут скорпион и признался:

— Ах, подруга, ведь плавать-то я не умею!

Черепаха подумала: «Что там ни говори, а он был моим дорожным товарищем. А товарища бросать не годится. Я должна помочь ему переправиться через реку».

И черепаха повернула назад.

Она гребла лапами, как веслами, и быстро подплыла к берегу.

— Садись ко мне на спину, — сказала она скорпиону. — Но только, смотри, сиди спокойно, не шевелись, а не то тебе же будет хуже!

— Ну что ты! Разве я себе враг! — сказал скорпион и взобрался на спину черепахи.

А черепаха снова вошла в воду и поплыла.

Проплыла немного, и вдруг стало ее качать из стороны в сторону, будто ветер поднялся и волну нагоняет. Только ветра никакого не было — это скорпион у нее на спине взад-вперед ползает.

— Эй, приятель! — окликнула его черепаха. — Ты что на месте не сидишь? Так и опрокинуться

можешь!

— Правду говоришь ты, — сказал скорпион и тяжело вздохнул. — Я и хотел бы сидеть на месте, да вот ведь беда — меня так и тянет воткнуть в тебя жало. Такая уж у нас, скорпионов, привычка. На чем сидишь, то и ужалишь.

— Ну, твое жало для моего панциря — все равно что маленькая колючка для каменной стены, — сказала черепаха и поплыла дальше.

Еще немного проплыла, и опять скорпион заерзал на ее спине.

— Послушай, — сказала черепаха, — мы ведь с тобой товарищи, а разве это дело — втыкать жало в спину своего товарища?

— Твои слова справедливы, — сказал скорпион, — но я ничего не могу с собой поделать. Ведь я скорпион, а скорпиону все равно кого ужалить — товарища или врага. Не сердись на меня. Так уж я устроен! — И он снова принялся долбить своим жалом спину черепахи.

— Да разве я сержусь? — сказала черепаха. — У каждого свои привычки! Я, например, очень люблю нырять и тоже ничего не могу с собой поделать: меня словно кто тянет вниз, на самое дно. Уж ты не сердись на меня!

С этими словами черепаха нырнула, а скорпион

захлебнулся и утонул.

Черная лисица

Аварская сказка

В незапамятные времена, в неведомой земле, в неизвестном месте жил юноша по имени Гамзат. Родни-друзей у него не было, все добро его в сумке помещалось, и решил он пойти по белу свету — друзей поискать, родню завести, богатство раздобыть. Решил — и пошел.

Шел он, шел, вот уже позади остались широкие долины, глубокие ущелья, просторные степи. И пришел он наконец к берегу моря.

Видит — на песке лежит громадная рыба. Бьет она хвостом и плавниками изо всей силы, а в воду сползти не может. И умирать не умирает, и жить не живет.

«Ну и повезло мне, — подумал юноша. — Такая добыча досталась!»

Подбежал он к рыбе и хотел уже заколоть ее, как вдруг заговорила рыба человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гамзат! Столкни меня в море — в день беды я пригожусь тебе, сослужу тебе службу.

— Как же я найду тебя в день беды? — говорит

Гамзат.

— А вот как, — отвечает рыба. — Срежь один мой ус и спрячь хорошенько. А случится беда — приди на берег и сожги его. И не успеет он сгореть, как я выплыву к тебе, где бы ни была, в каких бы морях ни плавала.

Гамзат так и сделал: срезал рыбий ус, спрятал его за пазуху, а рыбу в воду столкнул. И дальше в путь отправился.

Шел он, шел, много ли шел, мало ли шел, и пришел в лес.

Долго блуждал Гамзат по лесу и вдруг видит — мечется в лесной чаще могучий олень. Одна нога его в расщелине пня застряла. Рвется олень, дергается, и на месте не стоит, и с места сойти не может.

«Везет мне сегодня», — подумал Гамзат и уже за ружье взялся.

Но тут вдруг заговорил олень человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гамзат. Избавь меня от беды. А если к тебе придет беда — и я сослужу тебе службу, заплачу тебе добром за добро.

— Как же найду я тебя, когда придет ко мне беда? — говорит Гамзат.

— А вот как: вырви из моей шерсти один во-

лосок и спрячь его. И когда понадоблюсь я тебе, сожги этот волос. И где бы ни был я, хоть за тридевять земель, я сразу явлюсь перед тобой.

Послушал Гамзат оленя. Вырвал волосок из его шерсти и отпустил оленя на волю.

А сам опять ни с чем пошел дальше.

Шел он, шел и видит: стоит в лесу громадный дуб, ветвями прямо в небо упирается. На самой вершине дуба орлиное гнездо висит, в гнезде орлята пищат, а по стволу ползет к ним страшный змей.

Тут и раздумывать не стал Гамзат. Подскочил к дереву и разрубил змея надвое.

А птенцы, хоть и видят, что змей на земле мертвый лежит, кричат Гамзату:

— Не уходи, добрый Гамзат, побудь с нами, пока наша мать не вернется с охоты!

Пожалел Гамзат птенцов, взобрался на дерево, сидит, сторожит орлят, чтобы им страшно не было.

Вдруг потемнело кругом, зашумели, закачались деревья.

Взглянул Гамзат на небо, видит — это орлица летит к своему гнезду.

Взмахнет орлица крыльями — ветер поднимется, раскинет крылья — тучи соберутся.

А когда села орлица на дерево, весь лес к земле приклонился.

Посмотрела орлица на юношу и сказала:

— Пернатое племя на сто верст не подлетает к моему гнезду. Скажи мне, кто ты таков, откуда пришел — с неба ли спустился или с земли поднялся?

Но не успел Гамзат еще рта открыть, запищали, заговорили птенцы:

— Он убил змея, который хотел нас задушить. А сюда подняться мы сами его просили. Нам одним страшно стало.

Опять посмотрела орлица на Гамзата и сказала:

— Еще ни одному человеку не говорила я «спасибо», а тебе говорю.

Потом вырвала она из своей груди перо и дала Гамзату.

— Возьми это перо. Когда придет к тебе беда, сожги его, и, где бы я ни была, хотя бы за семью небесами летала, я тотчас явлюсь к тебе.

Спрятал Гамзат перо за пазуху, туда, где лежали рыбий ус и оленья шерстинка, попрощался с орлицей и орлятами и спустился вниз.

Все дальше и дальше идет Гамзат. Вот и лес кончился, вышел Гамзат в широкое поле.

Вдруг видит — прямо на него бежит черная лисица, а за нею гонится стая борзых.

Хотел было Гамзат пристрелить лисицу, но взмолилась она человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гамзат, спрячь от собак, а если за тобой когда-нибудь погонится беда, тогда я спрячу тебя от беды.

— Ладно, — говорит Гамзат, — залезай в мою сумку.

Подождал Гамзат, пока стая борзых пронеслась мимо, и выпустил лису.

А она говорит ему:

— Выдерни, Гамзат, один волосок из моей шерсти и, когда я понадоблюсь тебе, сожги его.

Гамзат так и сделал: вырвал один волосок из шерсти лисицы, положил за пазуху и пошел своей дорогой.

Много ли шел, мало ли шел, и дошел он до какого-то города. Посреди города стоит дворец, железным забором обнесенный, и на каждый шест человеческая голова насажена.

А людей нигде и не видно, и не слышно.

Ходил-ходил Гамзат по городу и наконец постучался в какой-то дом.

Вышла к Гамзату старая-престарая старуха.

— Не примешь ли гостя? — спрашивает Гам-

зат.

— Почему не принять? Приму, — отвечает старуха.

— А скажи-ка, бабушка, — спрашивает опять Гамзат, — что за дворец стоит, железными шестами огороженный, и чьи это головы на железные шесты насажены?

— Э, издалека же ты пришел, если ничего не знаешь, — сказала старуха. — Ну, так слушай меня. У нашего царя есть дочь. Ни за кого не хочет она замуж — ни за богатого, ни за храброго, ни за красивого, ни за удалого, — а за того хочет, кто сумеет от нее спрятаться. До трех раз дозволяет она прятаться, и кого три раза найдет, тому голову отрубит и голову на кол насадит. Много юношей из-за нее погибло, а мужем ее никто не стал.

— Пусть будет что будет, — сказал Гамзат. — Пойду и я свататься к ней.

— Не ходи, сын мой, — сказала старуха, — кто делает то, чего не следует, тот беду на себя накличет. Под землей ли, на небе ли — где бы ты ни спрятался, — она повсюду тебя разыщет. Пропадешь ни за что, как другие пропали.

— Что ж, — говорит Гамзат, — почему бы и мне не испытать то, что другие испытали?

И отправился во дворец.

Пришел да как закричит громким голосом:

— Царь! Выходи на зятя посмотреть!

Царь услышал и говорит дочери:

— Иди, дочь моя, дай ему ответ.

Поднялась царевна на башню и говорит:

— Слушай меня, юноша! Если хочешь жениться на мне, покажи сначала свой ум и ловкость, спрячься от меня хорошенько. Если не найду тебя — значит, ты нашел жену. А если найду — значит, нашел ты смерть. До трех раз позволю тебе прятаться, а там уж на себя пеняй. Ну что, согласен?

— Согласен, — говорит Гамзат.

А сам пошел на берег моря, вынул из-за пазухи рыбий ус и сжег.

И тотчас вынырнула к нему со дна моря громадная рыба.

— Зачем зовешь меня, Гамзат? — спрашивает.

Говорит ей Гамзат:

— Не спрячешь ли ты меня куда-нибудь, да так, чтобы не нашла меня царевна?

— Что ж, спрячу, — говорит рыба. — Лезь ко мне в брюхо. — И разинула пасть.

Спрятался Гамзат в рыбьем брюхе, а рыба нырнула на самое дно и легла брюхом на песок.

Стоит царевна на высокой башне, вниз глядит,

вверх глядит, во все четыре стороны глядит — нигде юношу не видит.

А Гамзат сидит в рыбьем брюхе и усмехается.

Да, на его беду, проплывал мимо окунек, не утерпела рыба, разинула пасть. Тут царевна и увидела Гамзата.

— Выходи, выходи! — закричала она. — Вижу тебя! Ты в рыбьем брюхе спрятался! Прячься второй раз.

Что делать! Выбрался Гамзат из рыбьего брюха, достал оленью шерстинку и сжег ее.

И в тот же миг прибежал к нему олень.

— Какая беда случилась с тобой, Гамзат? — спрашивает.

— Беда еще впереди, — говорит Гамзат. — Не быть мне живым, если ты не спрячешь меня от глаз царевны.

— Садись ко мне на спину, — сказал олень. — Спрячу тебя!

Вскочил Гамзат на оленя, ухватился за его рога, и понес его быстроногий олень через семь гор, через семь ущелий, в скалистую пещеру. Спрятал его в глубине пещеры, а сам у входа лег, своим телом загородил.

Смотрит царевна со своей башни и вниз и вверх, и туда и сюда — нигде нет Гамзата.

«Теперь-то ей не найти меня!» — радуется Гамзат.

И вдруг пролетел мимо оленя комар, запищал, зажужжал и сел оленю на голову. Не утерпел олень, махнул головой, и приоткрылась щелочка в пещеру.

Тут сразу и разглядела царевна Гамзата.

— Выходи! Выходи! — кричит. — Вижу тебя! Ты в пещере! Еще один раз остается тебе прятаться, а потом отрублю тебе голову и на шест посажу.

Вышел Гамзат из пещеры.

«Ну, — думает, — рыба меня не выручила, олень не выручил, может, орлица выручит».

Достал из-за пазухи перо орлицы и сжег его.

И в ту же минуту с неба слетела к его ногам орлица.

— Ты повсюду летаешь, — сказал ей Гамзат, — не знаешь ли места, где бы мне от царевны спрятаться?

Подхватила его орлица на спину и понесла через все семь небес, в самую середину черной тучи. Такая там тьма, что сам себя Гамзат не видит.

Смотрела царевна, смотрела — и вниз и вверх, и вправо и влево, и вперед и назад, — нет нигде Гамзата. И вдруг поднялся ветер, развеял тучу, и увидела царевна Гамзата.

— Нашла тебя, нашла! — закричала она. — Вот ты где, на крыльях у орлицы, на седьмом небе!

Нечего делать! Пришлось Гамзату спуститься с неба на землю.

Приходит он во дворец, а там уже палач секиру для него готовит.

Жалко Гамзату своей головы. Стал он просить царевну:

— Позволь мне еще раз спрятаться!

Подумала царевна, подумала и говорит:

— Не пристало царской дочери свое слово нарушать. Ну, да так и быть! Покажи мне еще раз свою ловкость. А мой палач подождет немного. Получше секиру наточит!

Вышел Гамзат в поле, достал волосок из лисьей шерсти и сжег его.

И сразу прибежала к нему лисица.

— Что хочешь от меня, Гамзат? — спрашивает.

Рассказал ей Гамзат о своей беде.

— Если ты не выручишь меня, — говорит, — никто не выручит. Развяжи-ка мешок своих хитростей и спрячь меня так, чтобы не нашла меня царевна.

Ну, лиса и есть лиса.

Обернулась она чужестранным купцом-разносчиком, Гамзата в блоху превратила и говорит:

— Слушай, что скажу: стану я ходить перед дворцом, товар свой расхваливать, царевна меня и позовет наверх. И пока будет она парчу-самоцветы перебирать, ты прыгни на царя да где-нибудь в складках его платья и притаись. Клянусь своей лисьей честью, что не найдет тебя царевна.

Так все и случилось.

Смотрела царевна со своей башни и вверх и вниз, и вправо и влево, и вперед и назад, — нигде Гамзата нет.

А тут вдруг подошел к дворцу купец с целым коробом товаров. Ходит около дворца и кричит:

— Кому парча нужна? Кому сафьяны? Кто самоцветы купит? Самые лучшие! Самые красивые! Блестят, как солнце! Светятся, как луна!

Не утерпела царевна, позвала купца наверх, стала выбирать себе заморские украшения. А Гамзат тем временем прыг из короба — и прямо на царя.

Ушел купец. Снова принялась царевна высматривать Гамзата.

За семью небесами его видела, на дне морском видела, под землей видела, а рядом с собой не видит.

— Ну как, дочь моя, нашла Гамзата? — спраши-

вает царь.

— Нет, батюшка, — отвечает царевна. — Нет его нигде, не найти мне его.

И только сказала, блоха прыг на пол и обернулась Гамзатом.

— Раз не нашла ты своего жениха, — говорит Гамзат, — значит, я свою невесту нашел.

Что тут долго толковать? Сейчас же стали в медные барабаны бить, из пушек стрелять, дудки заиграли, зурны загудели, — пусть все знают: Гамзат женится на царской дочери!

Печальный на той свадьбе развеселился, голодный насытился, а я оставил всех за едой и питьем, за пляской и пеньем и к вам пришел, чтобы эту сказку рас сказать.

Сказки зарубежных писателей

Ш. Перро
Кот в сапогах

Художник Карл Оффендингер

Один мельник, умирая, оставил своим трем сыновьям наследство: мельницу, осла и кота. С разделом недолго возились и обошлись без помощи суда, потому что судьи обобрали бы их до нитки.

Старший брат взял себе мельницу.

Второй — осла.

А младшему дали кота.

Он был неутешен, что досталась ему такая дрянь.

— Братья, — говорил он, — могут честно зарабатывать себе кусок хлеба, а мне, несчастному, когда я съем своего кота и сошью из его шкуры рукавицы, придется умирать с голоду.

Только вдруг кот, который слышал эти речи, но не подавал и виду, что их понял, и говорит спокойным, серьезным тоном:

— Не горюй, хозяин, а дай ты мне лучше мешок да закажи мне пару сапог, чтобы не больно было ходить по кустам. И увидишь, что ты не так обделен, как думаешь.

Владелец кота не слишком поверил его обещаниям, но, вспомнив, что кот мастер на разные хитрости (чтобы ловить мышей, например, он мог подвешиваться за лапы или прикидываться

мертвым), подумал, что, может быть, кот и в самом деле поможет ему в несчастье.

Когда кот получил то, что он просил, он храбро надел сапоги, перекинул мешок через плечо, взял в передние лапки веревочки, которыми мешок задергивался, и пошел в лесок, где водилось много кроликов. В мешок он положил отрубей и травы. Растянувшись, как мертвый, кот стал ждать, когда какой-нибудь молодой кролик, еще не искушенный в житейских проделках, сунется в мешок покушать брошенную туда приманку.

Едва он улегся, как уже мог праздновать победу. Молоденький глупый кролик вскочил в мешок, и кот сейчас же и задернул веревочки.

Радуясь своей добыче, он пошел к королю и попросил аудиенции.

Кота впустили в покои его величества. Войдя туда, он отвесил королю низкий поклон и сказал:

— Государь, вот кролик. Господин маркиз Карабас (таким именем вздумалось коту украсить своего хозяина) поручил мне поднести вам этого кролика в подарок.

— Скажи своему барину, — отвечал король, что я благодарю его и очень доволен.

В другой раз кот запрятался в пшеницу, опять со своим мешком, и, когда туда зашли две куро-

патки, задернув веревочки, поймал их.

Потом он отнес свою добычу королю, так же, как кролика. Король благосклонно принял и куропаток и приказал дать коту на чай.

Таким образом кот два или три месяца сряду носил королю дичь от имени своего хозяина. Вот однажды удалось ему узнать, что король собирается прокатиться по берегу реки с дочерью, самой хорошенькой принцессой на свете.

И говорит кот хозяину:

— Если хочешь, послушайся моего совета и будешь тогда счастлив навеки. Ступай купаться, я укажу, в каком месте, а об остальном не заботься.

Маркиз Карабас послушался кота, хоть и не понимал, для чего это нужно.

Вот плещется он в воде, а король едет мимо. Вдруг кот как закричит:

— Помогите, помогите! Господин маркиз Карабас тонет!

Король высунулся из кареты на крик и, узнав кота, который столько раз ему приносил дичь, приказал своим гвардейцам скорее бежать на помощь господину маркизу Карабасу.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, кот подошел к карете и доложил королю, что в то

время, как его барин купался, мошенники унесли его платье, хоть он, кот, и кричал «караул» изо всей силы. (А плут сам же спрятал платье под большой камень.)

Король сейчас же приказал смотрителям своего гардероба принести господину маркизу Карабасу самый лучший костюм.

Потом король принял маркиза со всеми почестями. Платье, которое ему принесли, подчеркивало его прекрасную фигуру (он был хорош собою и строен), и королевской дочери он очень понравился. Не успел маркиз Карабас бросить ей два-три почтительных взгляда и один немножко нежный, как она уже в него влюбилась.

Король пригласил его сесть в карету и прокатиться вместе.

Кот, радуясь, что намерение его начинает приходить в исполнение, побежал вперед. Попались ему крестьяне, косившие луг. Кот и говорит им:

— Эй вы, косари! Если вы да не скажете королю, что луг этот принадлежит господину маркизу Карабасу, смотрите у меня! Всех вас в порошок сотру!

Король действительно спросил косарей:

— Чей это луг?

— Господина маркиза Карабаса! — отвечали

они во весь голос: угроза кота их напугала.

— У вас хорошее состояние, — заметил король маркизу Карабасу.

— Да, государь, — ответил маркиз, — этот луг дает мне весьма порядочный доход.

А кот все бежит впереди. Встречаются ему люди на жатве, он и говорит им:

— Эй вы, жнецы! Если вы да не скажете, что все эти хлеба принадлежат господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всех вас в порошок истолку!

Король, проезжая через несколько времени, пожелал знать, чьи это видны хлеба.

— Господина маркиза Карабаса! — отвечали жнецы.

И король порадовался этому вместе с маркизом.

А кот все бежал впереди кареты и всем, кого только ни встречал, наказывал одно и то же.

Король был изумлен громадностью состояния господина маркиза Карабаса.

Наконец кот прибежал в прекрасный замок, принадлежавший людоеду, который обладал невиданными богатствами, ибо все земли, через которые ехал король, составляли угодья этого замка.

Кот, который заранее узнал о том, кто такой людоед и какие за ним водятся таланты, попросил позволения представиться ему, говоря, что он не смел пройти мимо замка, не явившись к нему на поклон.

Людоед принял его так вежливо, как только людоед может, и пригласил садиться.

— Сказывают, — начал беседу кот, — что вы можете, например, превратиться в льва или слона?

— Это правда, — басом отвечал людоед, — а чтобы показать тебе мое искусство, вот смотри, я стану львом.

Кот так испугался, видя перед собою льва, что вмиг забежал на крышу — не без труда и не без опасности из-за своих сапог, ведь в сапогах очень неудобно ходить по черепице.

Когда людоед принял человеческий образ, кот спустился с крыши и признался, что он был в большом страхе.

— Сказывают еще, — заговорил опять кот, — но уж этому я не верю, — будто бы вы умеете обращаться и в самых маленьких зверьков, можете, например, превратиться в крысу или мышь? Откровенно скажу вам, я считаю это несбыточною вещью.

— Несбыточною? — заревел людоед. — А вот

увидишь.

И в ту же минуту он превратился в мышь, которая забегала по полу.

Кот как только ее увидел, так сейчас же бросился на нее и съел.

Между тем король, заметив прекрасный замок людоеда, пожелал в него войти.

Кот услышал стук экипажей по подъемному мосту, кинулся навстречу и говорит королю:

— Милости просим, ваше величество, в замок господина маркиза Карабаса.

— Как, господин маркиз! — вскричал король. — И замок этот принадлежит вам? Ничего не может быть красивее двора и строений! Посмотрим комнаты, если позволите?

Маркиз подал молодой принцессе руку и последовал за королем, который шел впереди. В большом зале их ожидала великолепная закуска, приготовленная людоедом для своих приятелей, которые собирались навестить его в этот самый день, но не посмели войти, узнав, что в замке находится король.

Короля очаровали добрые качества господина маркиза Карабаса. Видя, каким маркиз обладает несметным богатством, король хватил пять-шесть стаканов вина, да вдруг и говорит:

— Не хотите ли, господин маркиз, быть моим зятем?

Маркиз не раздумывая согласился на такую большую честь и в тот же самый день обвенчался с принцессою.

Кот зажил большим барином и уж больше не ловил мышей, разве иногда для развлечения.

Красная Шапочка

C.O

Художник Карл Оффендингер

Жила-была маленькая девочка. Была она скромная и добрая, послушная и работящая. Мать не могла нарадоваться, что у нее растет такая помощница: дочка помогала ей по хозяйству, а когда вся работа была сделана, читала матери что-нибудь вслух.

Всем нравилась эта милая девочка, но больше всех ее любила бабушка. Сшила она как-то из красного бархата шапочку и подарила ее внучке на именины.

Новая шапочка была девочке очень к лицу, и за то, что с того дня никакую другую она носить не хотела, люди прозвали ее Красной Шапочкой.

Однажды мать решила испечь пирог.

Замесила она тесто, а Красная Шапочка нарвала яблок в саду. Пирог вышел на славу! Посмотрела на него мать да и говорит:

— Красная Шапочка, ступай-ка навести бабушку. Положу я тебе в корзинку кусок пирога и бутылку молока, отнесешь это ей.

Обрадовалась Красная Шапочка, тут же собралась и отправилась к бабушке, которая жила на другом краю леса.

Мать вышла на крыльцо проводить девочку и стала ее напутствовать:

— С чужими, дочка, не разговаривай, с дороги не сворачивай.

— Не беспокойся, — ответила Красная Шапочка, попрощалась с матерью и отправилась через лес к дому, где жила бабушка.

Шла Красная Шапочка по дороге, шла, да вдруг остановилась и подумала: «Какие красивые цветы здесь растут, а я и не смотрю вокруг, как звонко птицы поют, а я словно и не слышу! Как же хорошо здесь, в лесу!»

Действительно, сквозь деревья пробивались солнечные лучи, на полянках благоухали прекрасные цветы, над которыми порхали бабочки.

И Красная Шапочка решила:

«Принесу-ка я бабушке вместе с пирогом еще и букет цветов. Ей, наверно, будет приятно. Еще ведь рано, я к ней всегда успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес.

Идет девочка по лесу, собирает цветы, поет песенку, вдруг навстречу ей злющий волк.

А Красная Шапочка вовсе его и не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал

волк. — Куда это ты собралась так рано?

— К бабушке.

— А что у тебя в корзинке?

— Бутылка молока и пирог, мы с мамой его испекли, чтобы порадовать бабушку. Она больная да слабая, пусть поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Чуть подальше в лесу, под тремя большими дубами стоит ее домик.

— Счастливого пути тебе, Красная Шапочка, — пробормотал волк, а про себя подумал: «Славная девочка, лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но, чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он что есть духу помчался самой короткой дорогой к бабушкиному дому.

Идет Красная Шапочка по лесу, никуда не торопится, а серый волк уже стучится к бабушке в дверь.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе пирог и бутылку молока, открой мне, — ответил волк тонким голоском.

— Нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах!

Нажал волк на щеколду, дверь отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старушку.

Затем волк надел ее платье, чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка все цветы собирала, и, когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней.

Подошла Красная Шапочка к домику бабушки, а дверь открыта. Удивилась она, зашла внутрь и крикнула:

— Доброе утро! — Но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши? — спросила Красная Шапочка.

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя обнять.

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Сказал это волк, вскочил с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть.

Шел мимо охотник.

Услышал он доносившиеся из домика какие-то странные звуки и насторожился: не может быть, чтобы старушка так громко храпела!

Подкрался он к окошку, заглянул внутрь — а там в кровати волк лежит.

— Вот ты где, серый разбойник! — сказал он. — Я уже давно тебя разыскиваю.

Хотел охотник сначала застрелить волка, да передумал. Вдруг тот съел бабушку, а ее можно еще спасти.

Взял охотник тогда ножницы и вспорол брюхо спящему волку. Выбрались оттуда Красная Шапочка и бабушка — обе живые и невредимые.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила молока, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться.

Красная Шапочка же поняла, что всегда нужно слушаться старших и в лесу никогда не сворачи-

вать с дороги.

Спящая красавица

Художник Карл Оффендингер

Жил-был король с королевой, и были они бездетны. Это их так огорчало, так огорчало, что и рассказать нельзя. Пили они всякие воды, обеты давали, ходили на богомолье, что ни делали, ничего не помогало. Однако королева-таки забеременела и родила дочь.

Справили богатые крестины. В крестные матери позвали всех волшебниц, какие только жили в королевстве (счетом их нашлось семь), для того чтобы, по обычаю тогдашних волшебниц, каждая из них сделала маленькой принцессе какой-нибудь посул и чтобы таким образом принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

Окрестив принцессу, вся компания возвратилась в королевский дворец, где для волшебниц приготовили роскошное угощение. За прибором каждой из них положили великолепный футляр чистого золота, в котором находились ложка, вилка и ножик, усыпанные бриллиантами и рубинами. Уже садились за стол, как вдруг в зал вошла старая колдунья, которую не приглашали, потому что она уже больше пятидесяти лет не показывалась из своей башни и все считали ее умершею или очарованною.

Король приказал поставить и ей прибор, но

неоткуда было взять для нее, как для других волшебниц, футляр из чистого золота, потому что таких футляров заказывали всего лишь семь, по числу семи приглашенных крестных. Старая карга вообразила, что это сделано ей в насмешку, и принялась ворчать сквозь зубы.

Одна из молодых волшебниц, сидевшая возле старухи, услышала ее бормотание. Сообразив, что колдунья может сделать маленькой принцессе какой-нибудь недобрый посул, тотчас после обеда она пошла и спряталась за пологом кровати, для того чтобы говорить после всех и таким образом иметь возможность поправить зло, которое наделает колдунья.

Скоро волшебницы начали говорить принцессе свои посулы. Самая младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете; вторая — что она будет умна, как ангел; третья — что она будет мастерица на все руки; четвертая — что она будет отлично танцевать; пятая — что голос у нее будет соловьиный, а шестая — что она с большим искусством будет играть на всяких инструментах.

Когда черед дошел до старой колдуньи, та затрясла головою (больше от злости, чем от старости) и сказала, что принцесса проткнет себе руку веретеном и от этого умрет. От такого ужасного

предсказания все гости затрепетали, и никто не мог удержать свои слезы.

Но тут молодая волшебница вышла из-за занавесок и громко произнесла:

— Успокойтесь, король с королевою! Дочь ваша не умрет! Правда, не в моей власти вовсе отменить то, чем пригрозила старая колдунья: принцесса проткнет себе руку веретеном. Но она не умрет от этого, а только заснет глубоким сном, который продолжится сто лет. Тогда придет молодой королевич и ее разбудит.

Однако, несмотря на это обещание, король со своей стороны попробовал устранить беду, напророченную колдуньей. Для этого он сейчас издал указ, которым под страхом смертной казни за неисполнение запретил всем и каждому в королевстве употреблять веретено или даже просто держать веретено у себя в доме.

Лет этак через пятнадцать или шестнадцать король с королевою поехали в свой увеселительный замок. Там принцесса, бегая по комнатам и поднимаясь с одного этажа на другой, взобралась раз под самую крышу, где — видит она — сидит в каморке старушонка и крутит веретено. Эта добрая старушка и слыхом не слыхала, что король наложил на веретено строгое запрещение.

— Что ты, бабушка, делаешь? — спросила принцесса.

— Пряду, дитятко, — отвечала старушка, которая ее не знала.

— Ах, как это славно! — сказала опять принцесса. — Как же это ты прядешь? Дай-ка, милая, посмотреть, может быть, и я тоже сумею?

Но как только она веретено взяла, так сейчас же руку им себе и проткнула и упала без чувств.

Старушонка перепугалась и давай кричать. Со всех сторон сбежались люди, стали брызгать принцессе в лицо водою, расшнуровывать ее, хлопать в ладони, тереть ей виски уксусом — нет, в себя принцесса не приходит. Тогда король, который тоже пришел на шум, вспомнил пророчество волшебниц и, увидев, что судьбы не минуешь, когда ее волшебницы предсказали, приказал положить принцессу в самом лучшем покое дворца на кровать из парчи, золота и серебра.

Точно ангел лежала принцесса, так была она красива, ибо обморок не испортил цвета ее лица: щеки были алые, губки, как кораллы. Только глазки закрылись… Но ровное дыхание доказывало, что она жива. Король приказал не тревожить сон принцессы, пока не придет ей час проснуться.

Когда с принцессой приключилась эта беда,

добрая волшебница — та, что спасла ей жизнь, заменив смерть столетним сном, — находилась в некотором царстве, в далеком государстве, верст тысяч за сорок оттуда, но ей сию же минуту принес известие карлик в семимильных сапогах (это были такие сапоги, которые отхватывали по семи миль каждым взмахом). Волшебница тотчас пустилась в дорогу и через час приехала в замок на огненной колеснице, запряженной драконами.

Волшебница одобрила все приказания короля, но так как она видела далеко вперед, то рассудила, что, проснувшись через сто лет, принцесса будет очень недовольна, если она очутится одна-одинешенька в старом замке. Поэтому волшебница вот так распорядилась.

Она коснулась своею волшебной палочкою всех, кто находился в замке (кроме короля с королевой), коснулась статс-дам, фрейлин, горничных, придворных, офицеров; коснулась дворецких, поваров, поварят, казачков, гвардейцев, швейцаров, пажей, камер-лакеев; коснулась также лошадей в конюшне с конюхами, больших дворцовых собак и Шарика, маленькой принцессиной собачки, которая лежала возле нее на кровати.

Как только она их коснулась, так все сразу и

заснули, и все должны были проснуться вместе со своей госпожой, чтобы служить ей, когда ей понадобятся их услуги. Даже вертелы в печи, унизанные куропатками и фазанами, и те заснули, и огонь тоже. Все это исполнилось в одну минуту: волшебницы умеют хорошо колдовать.

Тогда король с королевой, расцеловав свою милую дочь, вышли из замка и приказали, чтобы никто не смел подходить к нему близко. Впрочем, это и не нужно было приказывать, ибо через четверть часа вокруг замка выросло столько больших и маленьких деревьев, столько перепутанного между собою шиповника и терновника, что ни человек, ни зверь не могли бы сквозь них пробраться. Замок совсем спрятался за этим лесом, виднелись одни верхушки башен, и то издалека. По видимости, и это устроила все та же добрая волшебница, чтобы сон принцессы не тревожили праздные зеваки.

Через сто лет после того сын короля, который правил тогда королевством и происходил из другой фамилии, охотился в этой стороне и, увидав из-за густого леса верхушки башен, спросил, что это такое? Все отвечали ему по-своему. Один говорил, что это старый замок, где водится нечистая сила, другой уверял, что здесь ведьмы празднуют

шабаш. Большинство утверждало, что здесь живет людоед, который хватает маленьких детей и затаскивает их в свою берлогу, где и ест их без опаски, ибо ни один человек не может за ним погнаться, только он один умеет пройти через лес дремучий.

Королевич не знал, какому слуху верить, как вдруг подходит к нему старый крестьянин и говорит:

— Принц-королевич! Годов тому с хвостиком пятьдесят слышал я от своего батюшки, что в замке том лежит принцесса красоты неописанной, что будет она там сто лет почивать, а что через сто лет разбудит ее суженый, молодой королевич.

От таких речей молодой королевич возгорел пламенем. Подумалось ему, что он-то и должен решить судьбу принцессы. И, жаждая любви и славы, захотел он сейчас же попытать счастья.

Как только он подошел к лесу, так все большие деревья, шиповник и терновник сами раздвинулись, давая ему дорогу. Он направился к замку, который виднелся в конце большой аллеи, куда он и вступил. Удивительным показалось королевичу, что никто из свиты не мог за ним следовать, ибо как только он прошел, так деревья сейчас и сдвинулись по-прежнему. Однако же он про-

должал идти вперед: молодой да влюбленный королевич ничего не боится. Скоро добрался он до большого двора, где все представлялось взору в ужасном виде: везде тишина, везде лежат люди и животные… Однако, вглядевшись в красные носы и в пунцовые рожи швейцаров, королевич догадался, что они не умерли, а только уснули. И не совсем опорожненные стаканы с вином показывали, что заснули они за чаркой. Оттуда пошел королевич во второй двор, выложенный мрамором: поднялся по лестнице, вошел в караульный зал, где в два ряда стояла гвардия с ружьями на плечах. Прошел он множество комнат, в которых лежа и стоя спали придворные кавалеры и дамы. Наконец вступил в позолоченный покой и увидел на кровати с раздернутым пологом прекраснейшее зрелище: принцессу не то пятнадцати, не то шестнадцати лет и прелести ослепительной, небесной.

Королевич приблизился в смущении и, любуясь, стал возле девушки на колени. В эту самую минуту зароку пришел конец. Принцесса проснулась и, смотря на него таким ласковым взором, какого нельзя бы и ожидать от первого свидания, сказала:

— Это вы, принц-королевич? Как же долго я

вас ждала!

В восхищении, королевич не знал, как выразить свою радость и благодарность. Речи его были бессвязны, оттого они и пришлись принцессе по сердцу: чем меньше красных слов, тем больше любви. По всей вероятности, добрая волшебница, в продолжение ее долгого сна, приготовила ее к свиданию приятными сновидениями. Так или иначе, часа четыре говорили они между собою, а не высказали и половины того, что было у них на сердце.

Тем временем все во дворце очнулись вместе с принцессой и принялись за свои дела. А так как спали они долго, то всем захотелось кушать. Старшая статс-дама, тоже голодная, как и все, громко доложила принцессе, что обед готов.

А после обеда, чтобы не терять времени, старший капеллан обвенчал их в дворцовой церкви.

Я. Гримм, В. Гримм
Соломинка, Уголь и Боб

Водной деревне жила бедная старушка; набрала она однажды целое блюдо бобов и собиралась их варить. На очаге своем она вздула порядочный огонек, а чтобы он разгорался повеселее, подкинула в огонь пучок соломы.

Когда она стала ссыпать бобы в горшок, один боб незаметно соскользнул с блюда, упал на пол и очутился там рядом с соломинкой; а тут еще к ним обоим выскочил и раскаленный уголек из печки.

Тогда соломинка повела речь и сказала: «Милые друзья, откуда это вы сюда пожаловали?»

Уголь отвечал: «Я, по счастью, ускользнул от огня, и если бы этого не случилось, то гибель моя была бы неизбежна — пришлось бы в золу перегореть».

Боб добавил: «Да вот и я тоже кое-как уцелел, и, если бы старуха засадила меня в горшок, пришлось бы и мне развариться в кашу, как и всем моим землякам». — «И мне тоже повезло! — сказала соломинка. — Всех моих сестер старуха сожгла

и на ветер дымом пустила, с полсотни соломинок разом захватила в горсть да и прикончила. А вот мне таки посчастливилось — проскользнула у ней между пальцами!» — «Ну а что нам теперь делать? — спросил у товарищей уголек». — «По-моему, — отвечал боб, — так как нам удалось счастливо избегнуть гибели, то мы и должны действовать заодно, как добрые товарищи; а чтобы нас здесь опять не постигло какое-нибудь несчастье, нам следует всем вместе выселиться отсюда и перебраться в иную страну».

Это предложение понравилось остальным приятелям, и они собрались все вместе в путь-дорогу.

Вскоре, однако же, подошли они к маленькому ручью, а так как через него не было перекинуто ни мостика, ни дощечки, то они и не знали, как им переправиться.

Соломинке пришло в голову мудрое решение, и она сказала: «Я перекинусь поперек ручья, так вы можете переправиться по мне, как по мосточку».

Вот и протянулась соломинка с бережка на бережок, и уголек, горячий и скоренький по природе, сейчас задумал перебежать по новопостроенному мосточку.

Но как добрался он до середины да заслышал

под собою плеск воды, его страх-то и обуял: он приостановился и не решался двинуться дальше.

Соломинка загорелась, распалась на две части и упала в ручей: уголек рухнул в воду вслед за нею, зашипел в воде и был таков.

Боб, который из осторожности все еще оставался на берегу, стал что есть мочи хохотать над своими приятелями и хохотал до того, что наконец лопнул. Пришлось бы и ему пропадать, кабы, на его счастье, не случился тут же странствующий портной: он отдыхал на берегу ручья. Сжалился он над бобом, достал иглу и нитку и сшил обе половинки боба. Боб очень его благодарил, но так как портной пустил в дело черную нитку вместо белой, то с тех пор у всех бобов остался черный шов посередине.

Храбрый портняжка

Жарким летним днем сидел один портняга, подогнув под себя ноги, на своем столе у окошка; он был в хорошем настроении и работал иглою что было мочи.

А тут как раз и случилось, что шла баба по улице и выкрикивала: «Сливы разварные, сливы!» Этот крик портняжке очень по нутру пришелся;

он выставил свою головенку в окошко и тоже крикнул: «Сюда ступай, тетка! Тут есть на твой товар покупатель!»

Поднялась баба на три лестницы со своим тяжелым коробом к портняге в каморку и должна была перед ним все горшки с разварной сливой выставить. Он их все осмотрел, и все подносил к носу, и сказал наконец: «Кажись, хороша штука! А ну-ка, тетка, отвесь мне этого добра лота с четыре, а то, пожалуй, и всю четверть фунта».

Торговка, которая, судя по его зазыву, надеялась порядочно сбыть ему своего товара, отвесила ему потребное количество, однако же вышла от него очень недовольная и с ворчаньем.

«Ну вот, теперь мы это съедим во славу Божью, — весело воскликнул портняга, — а как съедим, так и силы подкрепим!» Затем достал хлеб из шкафа, отрезал себе ломоть во весь каравай и намазал разварные сливы на ломоть. «Это будет на вкус недурно, — сказал он, — да вот я только дошью сначала жилет, а потом уж и примусь за ломоть».

Положил он лакомый кусок поближе к себе, стал опять шить, но, желая поскорее шитье окончить, спешил и делал стежки все больше и больше.

А между тем запах лакомого куска почуяли мухи, которых великое множество сидело по стенам, — запах их приманил, и они слетелись на кусок целой тучей. «Эге! Вас-то кто сюда звал?» — сказал портняжка и стал отгонять непрошеных гостей. Но мухи его языка не понимали и уговоров не слушали и слетались к куску отовсюду. Тут уж портняжка не вытерпел, ухватил он тряпицу, насторожился: «Вот я, мол, ужо задам вам!» Да как хватит тряпицей по насевшим мухам!

Посмотрел, сосчитал и видит — семь мух насмерть убил: тут же и ноги протянули, сердешные. «Вот каков я храбрец! — сказал он и сам подивился своей удаче. — Об этом весь город должен узнать!» И тут же, впопыхах, выкроил

он себе широкий пояс, сшил его и на нем большими буквами вышил: «Единым махом семерых побиваю!»

«Да что мне город! Пусть весь свет о моем подвиге знает!» — сказал себе портняжка, и сердце забилось в нем гордым сознанием мужества.

И вот портной опоясался своим поясом и задумал пуститься по белу свету, потому что его мастерская показалась ему уж слишком тесной для его удали.

Но, прежде чем пуститься странствовать, стал он шарить по всему дому, не найдется ли там чего-нибудь такого, что бы он мог взять с собою в дорогу; однако же ничего не нашел, кроме старого сыра, который и сунул на всякий случай в карман. Около ворот увидел он птицу, запутавшуюся в кустарнике, — и ту сунул себе в карман.

А затем пустился в путь-дорогу, и так как был проворен и на ногу легок, то и не чувствовал никакой усталости от ходьбы. Дорога привела его на гору, и когда он достиг ее вершины, то увидел там великана: сидит на дороге, кругом посматривает. Портняжка прямо к нему подошел, заговорил с ним и сказал: «Здорово, товарищ! Что это ты тут сидишь, на белый свет посматриваешь? Вот я задумал по свету постранствовать, счастья попы-

тать; так не хочешь ли ты со мною в товарищах идти?»

Великан презрительно посмотрел на портного и проговорил: «Ах ты дрянь! Жалкая тварь!» — «А! Вот как!» — ответил ему портняга, да и расстегнул верхнее платье и показал великану свой пояс: «Ну-ка прочти, каков я человек!» Великан прочел: «Единым махом семерых побиваю!» — подумал, что портной сразу может побить семь человек, и проникся некоторым уважением к этому малышу.

Однако он захотел его испытать; взял в руки камень да так стиснул, что из камня вода потекла. «А ну-ка попробуй это сделать, коли ты силен!» — сказал великан. «Только и всего? — сказал портной. — Помилуй, да это у нас пустяками считается!» Выхватил из кармана сыр и стиснул его так, что из него сок выступил. «Что? Небось это почище твоего будет?»

Великан и сам не знал, что ему сказать, и поверить не мог, чтобы этот человечишка обладал такою силою.

И вот поднял великан с земли камень и швырнул его вверх с такой силою, что его едва видно стало, и сказал: «Ну-ка ты, малявка, подкинь-ка так!» — «Недурно брошено, — сказал портной, —

однако твой камень все же на землю пал; а вот я тебе брошу камень так, что он никогда больше на землю не падет!»

Сунул руку в карман, выхватил оттуда птицу и швырнул ее в воздух. Птица, радешенька, что на свободу вырвалась, взвилась высоко-высоко и не вернулась более. «Что? Каково, товарищ?» — спросил портной. «Бросаешь ты недурно, — промолвил великан, — а вот посмотрим, можешь ли ты снести порядочную тяжесть?»

Он подвел портняжку к мощному дубу, который был срублен и лежал на земле, и сказал: «Коли ты силен, так помоги мне вытащить это дерево из леса». — «Изволь, — сказал портной, — ты только ствол-то на плечи себе взвали, а я понесу на себе сучья и ветви — ведь это чай потяжелее ствола будет».

Великан взвалил себе ствол дуба на плечи, а портной сел верхом на одну из ветвей, и великану, который никак не мог оглянуться назад, пришлось тащить на себе все дерево да сверх того еще и портного… А портной ехал себе на ветке, насвистывая веселую песенку: «Вот как шли наши ребята да направо из ворот», стараясь этим выказать, что ему эта ноша сущие пустяки.

Великан протащил страшную тяжесть на по-

рядочное расстояние, выбился из сил и сказал: «Слышь, я сейчас дерево сброшу!» Портной тотчас спрыгнул с ветки, ухватился за дерево обеими руками, словно бы нес его, и сказал великану: «Дивлюсь я на тебя! Ты такой верзила, а не можешь этакого дерева снести!»

Пошли они и дальше, дошли до вишневого дерева; великан ухватил его за вершину, около которой были самые зрелые ягоды, нагнул, дал портному подержать ее в руках и стал угощать его ягодами. Но у портняжки не было силенки удержать дерево за вершину, и, когда великан его выпустил из рук, дерево разогнулось, да и портного вместе подбросило вверх. Когда он, однако же, без всякого вреда для себя, соскочил опять с дерева на землю, великан спросил его: «Что это? Неужели у тебя нет силы даже и этот хлыст в руках удержать?» — «Не в силе тут дело! — смело отвечал портняга. — Это сущий пустяк для того, кто семерых побивает! А я захотел прыгнуть через дерево, потому видел, что охотники стреляли в кусты под деревом. Попробуй-ка ты прыгнуть по-моему!» Великан попробовал прыгнуть, а все же через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях его, так что и тут портняжка одержал над ним верх.

Великан сказал: «Коли ты уж такой храбрец, так ступай со мной в нашу пещеру и переночуй у нас!» Портняжка согласился и последовал за ним.

Пришли они в пещеру и увидели там, около огня, еще и других великанов, и у каждого в руках было по жареному барану, которого он уплетал.

Портняжка осмотрелся кругом и подумал: «Да, тут попросторнее, чем у меня в мастерской». Великан указал ему на кровать и сказал: «Ложись на ней да выспись хорошенько». Но портняжке была та кровать чересчур велика; он и не подумал лечь на нее, а залез в угол пещеры.

В самую полночь великан, думая, что портняжка спит уже крепким сном, поднялся со своей постели, взял большой железный лом и одним ударом перешиб кровать пополам и думал, что он из этой малявки и дух вышиб вон.

Ранешенько утром великаны направились в лес, а о портняжке и думать забыли, а он — тут как тут, выходит, посвистывает. Великаны перепугались, они решили, что он их теперь всех перебьет, и разбежались что было мочи.

А портняжка пошел себе своею дорогою куда глаза глядят. Долго шел он, пришел наконец во двор королевского дворца, и так как он порядком

утомился, то растянулся на траве и заснул. Во время его сна подошли к нему люди из королевской челяди, осмотрели его со всех сторон и прочли у него на поясе надпись: «Единым махом семерых побиваю».

«Э-э, — сказали они, — да на какую же потребу этот богатырь сюда пожаловал в мирное время? Ведь надо полагать, что это не просто человек?» Пошли и доложили королю и выразили при этом такое мнение, что на случай войны этот пришелец мог бы очень и очень пригодиться и что отпускать его ни под каким видом не следует. Королю этот совет пришелся по нутру, и он послал к портняжке одного из своих придворных, которому и дал такое поручение: «Поди обожди, пока он выспится, и, когда проснется, предложи ему поступить в мое войско на службу».

Посланный стал около спящего незнакомца, обождал, пока тот начал потягиваться и наконец продрал глаза, тогда он передал ему то, что поручил передать король. «Вот-вот, я для этого-то и пришел сюда, — отвечал придворному портной, — и готов поступить к королю на службу». Тут его с почестями приняли на службу, и ему отведено было особое жилье.

Все ратники королевские были очень недо-

вольны прибытием портняжки и желали от души, чтобы он провалился в тридевятое царство. «Чего тут ждать хорошего? — говорили они между собою. — Ведь, чего доброго, коли мы с ним поссоримся да он на нас накинется — так от каждого взмаха семерых как не бывало! Где же тут нашему брату с ним тягаться?»

Тогда они решили все вместе идти к королю и просить у него об отставке. «Где уж нам, — сказали они, — выстоять рядом с таким удальцом, который одним махом семерых побивает!»

Король очень опечалился тем, что из-за этого одного он должен лишиться стольких верных слуг; он пожалел, что польстился на его службу, и стал подумывать, как бы ему от этого удальца избавиться. Однако он не решился прямо дать ему отставку: «Чего доброго, он еще и меня убьет, и всю рать мою перебьет, да на мое место королем сядет?»

Долго он так и этак дело обдумывал и придумал наконец, как ему следует действовать.

Послал он к портняжке и приказал ему сказать: «Уж коли ты такой богатырь, так я тебе вот что предложу. В одном из лесов в моем царстве поселились два великана и великий наносят вред своими хищениями, убийствами, опустошения-

ми и поджогами. Никто к ним и подойти не смеет, не подвергая свою жизнь величайшей опасности. Вот если ты этих обоих великанов одолеешь и убьешь, то я отдам тебе мою единственную дочь в супруги и полцарства моего в придачу». При этом король предлагал, чтобы сотня всадников за ним следовала и оказывала бы ему во всем поддержку.

«Недурно бы для такого молодца, как я, — подумал портняжка, — еще и красавицу королевну подцепить! Ну да и полцарства тоже не каждый день подваливает!» И он послал сказать королю: «Ладно! Великанов я одолею; а твоей сотни всадников мне, пожалуй, и не надобно: кто семерых одним махом побивает — тому, конечно, не могут быть страшны двое!»

И вот портняжка пустился в поход, и сотня всадников за ним последовала. Подойдя к опушке того леса, где великаны жили, он сказал своим спутникам: «Вы остановитесь здесь, а я уж один как-нибудь с великанами управлюсь». И шмыгнул в лес, и стал в нем осматриваться. Немного спустя он и завидел обоих великанов: они спали под деревом и храпели так, что над ними ветки колыхались.

Портняжка, не будь глуп, набил себе оба карма-

на каменьями и залез на то дерево, под которым спали великаны. Взобравшись туда, он сел на ветку как раз над ними и стал оттуда сбрасывать одному из них камень за камнем на грудь. Долго не мог он добиться того, чтобы великан это почувствовал, однако тот таки проснулся, толкнул товарища и сказал: «Ты чего меня бьешь?» — «Тебе это, видно, приснилось? — отвечал тот. — Я и не думал тебя бить». И опять легли они спать.

Тогда уж портняжка сбросил камень на второго. «Это еще что? С чего ты вздумал бросаться камнями?» — «Да я вовсе и не бросаю», — отвечал ему первый великан и стал ворчать. Поругались они между собою, но так как оба были утомлены, то потом замолкли и опять закрыли глаза. А портняжка опять за то же принялся: выбрал камень поувесистее, да и швырнул его изо всей силы в грудь первому великану. «Ну это уж чересчур!» — крикнул тот, вскочил, как полоумный, и так двинул своего товарища о дерево, что дерево зашаталось. Тот не остался у него в долгу, и они оба пришли в такое исступление, что стали вырывать деревья с корнями, и теми деревьями бить друг друга, пока наконец оба не пали мертвыми на землю.

Тут и портняжка спрыгнул с дерева. «Еще счастье, — сказал он, — что они не вырвали того дерева, на котором я-то сидел, а не то пришлось бы мне как белочке на другое перепрыгивать: ну да мы же и проворны!» И вынул он свой меч и нанес каждому из великанов по два хороших удара в грудь; потом вышел из леса к всадникам и сказал: «Дело сделано! Я их обоих доконал! А жаркое было дело: они деревья с корнем выворачивали и ими отбивались — да ничего не могли против меня сделать, потому я одним махом семерых побиваю». — «И вы не ранены?» — спросили его спутники. «Все обстоит благополучно! — сказал портной. — Они на мне и волоска не помяли».

Те не хотели ему верить и въехали в лес: там нашли они великанов, окровавленных, а кругом них лежали вырванные с корнями деревья.

Портняжка потребовал от короля обещанной награды, а тот уж успел в своем слове раскаяться и стал снова придумывать, как бы ему сбыть этого удальца с рук. «Прежде чем ты получишь руку моей дочери и половину моего царства в приданое за нею, — сказал король, — ты должен совершить еще один подвиг. В том же лесу рыщет единорог, и много от него терпим мы бед… Вот ты его и излови!» — «Одного единорога я еще менее

опасаюсь, нежели двоих великанов! Семерых одним махом — вот это мое дело!»

Он взял с собою топор и веревку, направился в лес и опять-таки велел обождать на опушке тем, кому приказано было его сопровождать.

Недолго пришлось ему искать: единорог вскоре и сам вышел к нему и прямо устремился на портного, собираясь сразу просадить его своим рогом. «Постой-постой, потише! — сказал портной. — Так скоро-то нельзя же!» — и в то время, когда зверь уж совсем на него наскакивал, он проворно юркнул за дерево. Единорог со всего разбега ткнулся в дерево и так крепко всадил в его ствол свой острый рог, что не в силах был его сразу вытащить, и очутился как бы на привязи. «Ну теперь не уйдешь от меня», — сказал портной, обвязал веревку единорогу около шеи, потом вырубил топором его рог из древесного ствола и затем преспокойно вывел зверя из леса и привел к королю.

Король и тут не хотел еще удостоить его обещанной награды и придумал третье условие. До свадьбы портной должен еще был изловить ему в лесу страшного кабана, который наносил большой вред лесу; королевские егеря должны были оказать ему при этом содействие.

«Отчего же не изловить? — сказал портной. — Это для нас плевое дело!» Егерей он с собою в лес не взял, и те были этому рады-радешеньки, потому этот кабан уж не раз такого нагонял на них страха, что у них отпала всякая охота за ним гоняться.

Когда кабан завидел портного, он с пеною у рта и оскалив клыки бросился на него, намереваясь его сшибить с ног; но наш ловкач успел вскочить в часовню, стоявшую поблизости, и из той часовни тотчас же выскочил в окошко. Кабан — за ним; а тот уж успел обежать кругом часовни и захлопнуть ее дверь; яростное животное попалось таким образом, как в западню, так как при своей толщине и неуклюжести оно никак не могло выпрыгнуть в окошко. И вот портняжка призвал егерей — и они должны были собственными глазами увидеть пойманного зверя; а наш удалец отправился к королю, и тот уж волей или неволей должен был наконец исполнить свое обещание и отдать ему дочь в супруги и полцарства в приданое. Кабы он знал да ведал, что награждает не настоящего богатыря, а простого портняжку, ему бы это было еще тягостнее! Как бы то ни было, а свадьбу сыграли богато и не очень весело — и вот простой портной стал королем.

Несколько времени спустя молодая королева услышала однажды ночью, как ее супруг говорил во сне: «Эй, малый! Сшей мне жилет и заштопай штаны, не то попотчую тебя аршином!» Тут она догадалась, откуда ее муженек родом! Стала она на другое утро жаловаться отцу и просила, чтобы тот избавил ее от мужа — простого портного. Король старался ее утешить и сказал: «В следующую ночь не замыкай твоей спальни, мои слуги будут уж наготове, и чуть только он заснет, они войдут, свяжут его и снесут на корабль, который его увезет за море».

Королева была этим довольна, но один из оруженосцев старого короля, который слышал всю беседу и притом был очень предан молодому королю, сообщил ему об этой затее. «Ну я с ними сумею управиться!» — сказал портной.

Вечерком, в обычный час, улегся он в постель, и жена его также. Когда, по ее предположению, он уже уснул, она поднялась, отомкнула дверь спальни и опять легла на свое место. Портняжка только прикидывался, что спит, а сам все это слышал; и вот начал он громко кричать: «Малый, сшей мне жилет и заштопай штаны, а не то я тебя попотчую аршином! Я семерых побил одним махом, двух великанов убил, единорога

на веревке к королю привел, кабана изловил — так неужели же тех испугаюсь, которые там за дверьми стоят!»

Когда те услыхали эти речи портняжки, на них напал великий страх, и они все бросились бежать, словно бы за ними гналась нечистая сила; и никто уж никогда не задумывал больше поднять на него руку. Так и случилось, что наш портняжка на всю жизнь, до самой своей смерти, остался королем…

Госпожа Метелица

У одной вдовицы было две дочери-девицы; одна-то была и красива, и прилежна, а другая и лицом некрасивая, и ленивая. Но эта некрасивая да ленивая была вдовице дочь родимая, а к тому же она ее и любила, а на другую всю черную работу валила, и была у нее та в доме замарашкой. Бедняжка должна была каждый день выходить на большую дорогу, садиться у колодца и прясть до того много, что кровь выступала у нее из-под ногтей.

Вот и случилось однажды, что веретено у ней было все перепачкано кровью; девушка наклонилась к воде и хотела веретено обмыть, а

веретено-то у нее из рук выскользнуло и упало в колодец. Бедняжка заплакала, бросилась к мачехе и рассказала ей о своей беде. Та ее так стала бранить и такою выказала себя безжалостною, что сказала: «Смела веретено туда уронить — сумей и достать его оттуда!»

Пришла девушка обратно к колодцу и не знала, что ей делать, да с перепугу-то прыгнула она в колодец — задумала сама оттуда веретено добыть. Она тотчас потеряла сознание, и когда очнулась и снова пришла в себя, то увидела, что лежит на прекрасной лужайке, что на нее и солнышко весело светит, и цветов кругом множество.

Пошла девушка по этой лужайке и пришла к печке, которая была полнешенька хлебами насажена. Хлебы ей крикнули: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уж испеклись и готовы». Она подошла и лопатой повынимала их все из печи.

Затем пошла она дальше и пришла к яблоне, и стояла та яблоня полнешенька яблок, и крикнула девушке: «Обтряси ты меня, обтряси, яблоки на мне давно уж созрели». Стала она трясти яблоню, так что яблоки с нее дождем посыпались, и трясла до тех пор, пока на ней ни одного яблочка не осталось; сложила их в кучку и пошла дальше.

Наконец подошла она к избушке и увидала в окошке старуху; а у старухи зубы большие-пребольшие — и напал на девушку страх, и задумала она бежать. Но старуха крикнула ей вслед: «Чего испугалась, красная девица?! Оставайся у меня, и если всю работу в доме хорошо справлять станешь, то и тебе хорошо будет. Смотри только, постель мне хорошенько стели да перину мою взбивай постарательнее, так, чтобы перья во все стороны летели: когда от нее перья летят, тогда на белом свете снег идет! Ведь я не кто иная, как сама госпожа Метелица».

Речь старухи поуспокоила девушку и придала ей настолько мужества, что она согласилась поступить к ней в услужение. Она старалась угодить старухе во всем и перину ей взбивала так, что перья, словно снежные хлопья, летели во все стороны; зато и жилось ей у старухи хорошо, и бранного слова она от нее не слышала, и за столом у ней было всего вдоволь.

Прожив некоторое время у госпожи Метелицы, девушка вдруг загрустила, и сначала-то сама не знала, чего ей недостает, наконец догадалась, что просто стосковалась по дому; как ей тут ни было хорошо, а все же домой ее сильно тянуло. Наконец она созналась старухе: «Я по дому

соскучилась, и как мне ни хорошо здесь у тебя под землею, а все же не хотелось бы мне долее здесь оставаться, и тянет меня вернуться туда, со своими повидаться».

Госпожа Метелица сказала: «Мне это любо, что тебе опять домой к себе захотелось, а так как ты мне служила хорошо и верно, то я сама укажу тебе дорогу на землю».

Тут взяла она ее за руку и подвела к большим воротам. Ворота распахнулись, и, когда девица очутилась под сводом их, просыпалось на нее дождем из-под свода золото, да так облепило ее, что она вся была золотом сплошь покрыта. «Вот это тебе награда за твое старание», — сказала госпожа Метелица, вернула ей и веретено, упавшее в колодец.

Затем ворота захлопнулись, и красная девица очутилась опять на белом свете, невдалеке от мачехиного дома; и когда она вступала во двор его, петушок, сидя на колодце, распевал:

Кукуреку! Вот чудеса!
Наша-то девица в золоте вся!

Тогда вошла она к мачехе в дом, и так как на ней было очень много золота, то и мачеха, и сестра приняли ее ласково.

Рассказала им девица все, что с нею приключилось, и когда мачеха услыхала, как она добыла себе такое богатство, то задумала и другой своей дочке, злой и некрасивой, добыть такое же счастье.

Она ее усадила прясть у того же колодца; а чтобы на веретене у дочки кровь была, та должна была уколоть себе палец и расцарапать руку в колючем терновнике. Затем та бросила веретено в колодец и сама за ним туда же спрыгнула.

И очутилась она точно так же, как прежде сестра ее, на прекрасной лужайке и пошла той же тропинкою далее.

Пришла к печке, и закричали ей хлебы: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уж испеклись». А лентяйка им отвечала: «Вот еще! Стану ли я из-за вас пачкаться!» — и пошла далее.

Вскоре пришла она и к яблоне, которая крикнула ей: «Обтряси ты меня, обтряси поскорее! Яблоки на мне давно уж созрели!» Но лентяйка отвечала: «Очень мне надо! Пожалуй, еще какое-нибудь яблоко мне и на голову грохнется», — и пошла своей дорогою.

Придя к дому госпожи Метелицы, она ее не испугалась, потому уж слыхала от сестры о ее

больших зубах, и тотчас поступила к ней на службу.

В первый-то день она еще кое-как старалась переломить свою лень и выказала некоторое рвение и слушалась указаний своей госпожи, потому что у нее из головы не выходило то золото, которое ей предстояло получить в награду; на другой день она уже стала разленяваться, на третий — еще того более; а там уж и вовсе не хотела поутру вставать с постели. И постель госпожи Метелицы она постилала не как следовало, и не вытряхивала ее так, чтобы перья летели во все стороны.

Вот она вскоре и надоела своей хозяйке, и та отказала ей от места. Ленивица обрадовалась этому: думает, вот сейчас на нее золотой дождь просыплется!

Госпожа Метелица подвела ее к тем же воротам, но, когда ленивица под ворота стала, на нее просыпалось не золото, а опрокинулся целый котел, полнешенек смолы. «Это тебе награда за

твою службу», — сказала госпожа Метелица и захлопнула за нею ворота. Пришла ленивица домой, с ног до головы смолою облеплена, и петушок на колодце, увидав ее, стал распевать:

Кукарекý – вот чудеса!
Зáлита девица смолкою вся.

И эта смола так крепко к ней пристала, что во всю жизнь не сошла, не отстала.

Бременские музыканты

Был у одного хозяина осел, который уж много лет сряду таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал думать, как бы его с корму долой сбыть, но осел вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: «Там, мол, буду я городским музыкантом».

Прошел он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала — видно было, что бежала издалека… «Ну что ты так запыхалась, Урга?» — спросил осел. «Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, — отвечала соба-

ка, — так хозяин-то мой убить меня собирался! Ну я и удрала из дому! Да вот только не знаю, где мне теперь хлеб заработать?» — «А знаешь ли, что я придумал? — сказал осел. — Иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдем вместе, поступай тоже в музыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить!» Собака согласилась с удовольствием, и они пошли дальше.

Немного прошли, повстречали на дороге кота; сидит, хмурый такой, пасмурный. «Ну тебе что не по нутру пришлось, Васька?» — спросил осел. «Небось не очень развеселишься, как до твоей шкуры добираться станут! — отвечал кот. — Из-за того что я стар становлюсь, и зубы у меня притупились, и что я охотнее сижу за печкой да мурлычу, чем мышей ловлю, хозяйка-то моя задумала меня утопить! Я, конечно, от нее таки улизнул и вот теперь и не знаю, куда голову приклонить?» — «Пойдем с нами в Бремен. Ведь ты ночью вон какую музыку разводишь — значит, и в уличные музыканты сгодишься». Коту совет показался дельным, и он пошел с ними по дороге. Пришлось затем нашим троим беглецам проходить мимо одного двора, и видят: сидит на воротах петух и орет что есть мочи. «Чего ты это орешь во всю

глотку, так что за ушами трещит?» — спросил его осел. — «Да вот, я предсказал на завтра хорошую погоду, — сказал петух, — потому что завтра Богородицын день; но из-за того что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка все же без жалости велела меня заколоть на суп — и мне сегодня вечером, наверно, свернут шею. Ну и кричу я во все горло, пока могу». — «Ишь ведь что выдумал красная головушка! — сказал осел. — Да тебе же лучше с нами уйти! Идем мы в Бремен… Все это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный; а если мы все вместе заведем музыку, так это будет очень и очень недурно».

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направились далее.

Однако же в один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осел и собака легли у корня большого дерева, кошка и петух забрались в ветви его, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где ему казалось всего безопаснее. Прежде чем глаза сомкнуть, он еще раз огляделся во все стороны, и показалось ему, что вдали что-то светится; вот он и крикнул товарищам, что где-нибудь неподалеку есть жилье, потому огонек мерцает.

Осел и сказал: «Ну так надо с места сниматься и еще-таки вперед брести, потому что тут приют у нас неважный». Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца кусочек ей были бы и очень кстати.

Вот и пошли они на огонек, и огонек светил все светлее, становился больше и больше — и наконец вышли они к ярко освещенному дому, который был разбойничьим притоном.

Осел был повыше всех, подошел к окошку, да и стал смотреть. «Ты что там видишь, Серко?» — спросил петух. «Что вижу? Накрытый стол, а на нем и яства, и питья, и разбойники за столом сидят и угощаются». — «Это бы и для нас не вредно было!» — сказал петух. — «Да-да, хорошо бы и нам быть там!» — сказал осел.

Тогда стали они между собою совещаться, как бы им ухитриться разбойников из дома повыгнать…

Наконец-таки нашли способ! Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака ему вспрыгнуть на спину, кошка — взобраться на спину собаке, а петух должен был взлететь и сесть кошке на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замяукал, а петух стал кукарекать. А потом и вломились в дом через окно, так что оконницы задребезжали.

Разбойники, заслышав этот неистовый рев, повскакали со своих мест; им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме и стали себе искать постели — каждый по своему вкусу и удобству. Осел улегся на навоз, собака прикорнула за дверью, кошка растянулась на очаге около теплой золы, а петух взлетел на шесток; и так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень скоро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в доме их погашены и все, по-видимому, спокойно, тогда их атаман сказал им: «Чего мы это сдуру так пометались!» — и велел одному из шайки пойти к дому и поразнюхать.

Посланный видит, что все тихо, и вошел в кухню, чтобы раздуть огонь; подошел к очагу, и покажись ему кошачьи глаза за горящие уголья. Он и ткнул в них лучинкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет ему в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к черному ходу, но и тут собака сорвалась со своего места — да как укусит его в ногу!

Он пустился напрямик, через двор, мимо навозной кучи — а осел-то как даст ему заднею ногою!

В довершение всего петух на своем шестке от шума проснулся, встрепенулся и заорал во всю

глотку: «Кукуреку!»

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил: «В доме там поселилась страшная ведьма! Она мне в лицо дохнула и своими длинными пальцами его перецарапала! А у дверей стоит человек с ножом — мне им в ногу пырнул! А на дворе дрыхнет какое-то черное чудище, которое на меня с дубиной накинулось… А на самом-то верху сидит судья — да как крикнет: «Давай его, плута, сюда!» Едва-едва я оттуда и ноги уволок!»

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым Бременским музыкантам так в нем полюбилось, что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказал, а я ему удружил — эту сказку сложил.

Золотой гусь

Жил да был на свете человек, у которого было три сына, и самый младший из них звался *дурнем*, и все его презирали и осмеивали и при каждом удобном случае обижали.

Случилось однажды, что старший должен был идти в лес, дрова рубить, и мать дала ему про запас славную драчёну и бутылку вина, чтобы он

не голодал и жажды не знал.

Когда он пришел в лес, повстречался ему старый седенький человечек, пожелал ему доброго утра и сказал: «Я голоден, и жажда меня мучит — дай мне отведать кусочек твоей драчёны и выпить глоток твоего вина».

Умный сын отвечал: «Коли я дам тебе отведать своей драчёны да отхлебнуть своего вина, так мне и самому ничего не останется! Проваливай!» — И, не обращая на человечка внимания, пошел себе далее.

Когда же он стал обтесывать одно дерево, то вскоре ударил как-то топором мимо да попал по своей же руке так неловко, что должен был уйти домой и перевязать свою руку. Так отплатил ему маленький седенький человечек за его скупость.

Затем пошел второй сын в лес, и мать, точно так же как старшему, дала и этому про запас драчёну и бутылку вина. И ему также повстречался старенький, седенький человечек и стал у него просить кусочка драчёны и глотка вина.

Но и второй сын отвечал ему весьма разумно: «То, что я тебе отдам, у меня убудет — проваливай!» — И, не оглядываясь на человечка, пошел своей дорогой.

И он был также за это наказан: едва успел он

сделать удар-другой по дереву, как рубанул себя по ноге, да так, что его должны были снести домой на руках.

Тогда сказал дурень: «Батюшка, дозволь мне разочек в лес сходить, дров порубить». — «Что ты в этом смыслишь? Вот братья твои и поумнее тебя, да какого себе ущерба наделали! Не ходи!»

Дурень, однако же, просил да просил до тех пор, пока отец сказал: «Да ну, ступай! Авось тебя твоя беда уму-разуму научит!» А мать про запас только и дала ему что лепешку, на воде в золе выпеченную, да бутылку прокисшего пива.

Пришел он в лес, и ему тоже повстречался старенький, седенький человечек и сказал: «Мне и есть и пить хочется, дай мне кусочек твоей лепешки и глоточек твоего питья».

Дурень и ответил ему: «Да у меня только и есть, что лепешка, на воде замешенная, а в бутылке прокисшее пиво; коли это тебе любо, так сядем да поедим вместе».

Вот они уселись, и каково же было удивление дурня, когда он полез за пазуху за своею лепешкою, а вынул отличную драчёну, откупорил бутылку — а в бутылке вместо прокисшего пива оказалось доброе винцо!

Попили они, поели, и сказал человечек дурню:

«Сердце у тебя доброе, и ты со мною охотно поделился всем, что у тебя было; за то и я хочу тебя наделить счастьем. Вот стоит старое дерево; сруби его и в корневище найдешь находку». Затем человечек распрощался с дурнем.

Пошел дурень к дереву, подрубил его и, когда оно упало, увидел в корневище дерева золотого гуся. Поднял он гуся, захватил с собой и зашел по пути в гостиницу, где думал переночевать.

У хозяина той гостиницы было три дочери; как увидели они золотого гуся, так и захотелось им посмотреть поближе, что это за диковинная птица, и добыть себе хоть одно из ее золотых перышек.

Старшая подумала: «Уж я улучу такую минутку, когда мне можно будет выхватить у него перышко». И при первом случае, когда дурень куда-то отлучился, она и ухватила гуся за крыло… Но увы! И пальцы, и вся рука так и остались у него на крыле, словно припаянные!

Вскоре после того подошла и другая; она тоже только о том и думала, как бы ей добыть себе золотое перышко, но едва только она коснулась своей сестры, как прильнула к ней, так что и оторваться не могла.

Наконец подошла и третья с тем же намере-

нием; и хоть сестры кричали ей, чтобы она не подходила и не прикасалась, но она их не послушалась.

Она подумала: «Коли они там, при гусе, так отчего же и ей там тоже не быть?» И подбежала, и чуть только коснулась своих сестер, как и прильнула к ним. Так должны были они всю ночь провести вместе с гусем.

На другое утро дурень подхватил гуся под мышку и пошел своею дорогою, нимало не тревожась о том, что вслед за гусем шли и три девушки, которые к гусю прильнули.

Среди поля, на дороге, повстречался им пастор, и когда увидел это странное шествие, то сказал: «Да постыдитесь же, дрянные девчонки! Как вам не совестно бежать следом за этим молодым парнем? Разве так-то водится?»

При этом он схватил младшую за руку и хотел отдернуть; но едва он коснулся ее, как и прильнул к ее руке и сам был вынужден бежать за тремя девушками. Немного спустя повстречался им причетник и не без удивления увидел господина пастора, который плелся следом за девушками. Он тотчас крикнул: «Э, господин пастор, куда это вы так поспешно изволите шествовать? Не забудьте, что нам с вами еще придется крестить

сегодня». И он тоже подбежал к пастору и ухватил было его за рукав, но так и прильнул к рукаву…

Когда они все пятеро плелись таким образом вслед за гусем, повстречались им еще два мужика, которые возвращались с поля с заступами на плече. Пастор подозвал их и просил как-нибудь освободить его и причетника из этой связки. Но едва только те коснулись причетника, как и они пристали к связке, и таким образом их уже побежало семеро за дурнем и его гусем.

Так пришли они путем-дорогою в город, где правил король, у которого дочь была такая задумчивая, что ее никто ничем рассмешить не мог. Вот и выдал король указ, по которому тот, кому удалось бы рассмешить ее, должен был и жениться на ней.

Дурень, прослышав о таком указе, тотчас пошел со своим гусем и всей его свитой к королевской дочке, и, когда та увидела этих семерых человек, которые бежали за гусем, она разразилась громким смехом и долго от смеха не могла уняться.

Тогда дурень потребовал, чтобы она была за него выдана замуж, но будущий зять королю не понравился, и тот стал придумывать разные увертки, а наконец сказал, что отдаст за него дочь только тогда, когда он приведет ему такого опивалу, который бы мог один целый погреб выпить.

Дурень вспомнил о седеньком человечке, который, конечно, мог ему в этой беде оказать помощь, пошел в тот же лес и на том месте, где он срубил дерево, увидел того же самого человечка, и сидел он там очень грустный. Дурень спросил его, что у него за горе на сердце? Тот отвечал: «Меня томит такая жажда, что я ее ничем утолить не могу; холодной воды у меня желудок не переносит; а вот бочку вина я выпил; но что значит эта капля, коли выплеснешь ее на раскаленный камень?» — «Ну так я могу тебе в горе пособить, — сказал дурень, — пойдем со мною, и я утолю твою жажду».

Он привел его в королевский погреб, и тот набросился на большие бочки вина и пил-пил, так

что у него и пятки от питья раздуло и, прежде чем миновали сутки, успел уже осушить весь погреб.

Дурень вторично потребовал у короля своей невесты, но король рассердился на то, что такой дрянной парнишка, которого каждый называл дурнем, смеет думать о женитьбе на его дочери; поэтому король постановил новые условия: прежде чем жениться на королевне, дурень должен был ему добыть такого объедалу, который бы мог один съесть целую гору хлеба.

Дурень, недолго думая, прямо направился в лес, там увидел он на том же месте человека, который подтягивал себе что есть мочи живот ремнем и корчил весьма печальную рожу, приговаривая: «Вот сейчас съел я полнехоньку печь ситного хлеба, но что может значить этот пустяк, когда такой голод мучит! Желудок у меня пустехонек, и вот я должен стягивать себе живот ремнем как можно туже, чтобы не околеть с голоду».

Дурень-то и обрадовался, услышав эти речи. «Пойдем со мною, — сказал он, — я тебя накормлю досыта».

Он повел его ко двору короля, который велел свезти всю муку со своего королевства и приказал испечь из той муки огромную хлебную гору; но лесной человек как пристал к той горе, принялся

есть, и горы в один день как не бывало!

Тогда дурень в третий раз стал требовать у короля своей невесты, а король еще раз старался увильнуть и потребовал, чтобы дурень добыл такой корабль, который и на воде, и на земле может одинаково двигаться. «Как только ты ко мне на том корабле приплывешь, — сказал король, — так тотчас и выдам за тебя мою дочь замуж». Дурень прямехонько прошел в лес, увидел сидящего там седенького человечка, с которым он поделился своею лепешкою, и тот сказал ему: «Я за тебя и пил, и ел, я же дам тебе и такой корабль, какой тебе нужен; все это я делаю потому, что ты был ко мне жалостлив и сострадателен».

Тут и дал он ему такой корабль, который и по земле, и по воде мог одинаково ходить, и, когда король тот корабль увидел, он уж не мог ему долее отказывать в руке своей дочери. Свадьба была сыграна торжественно, а по смерти короля дурень наследовал все его королевство и долгое время жил со своею супругою в довольстве и в согласии.

Сладкая кашица

Однажды жила-была бедная, богобоязненная девочка; жила она со своею матерью одна, и есть у них стало нечего. Тогда вышла она в лес и повстречалась там со старухою, которая уже заранее знала, в чем ее горе, и подарила ей горшочек, да такой, что ему стоило только сказать: «Горшочек, вари», — и он начинал варить чудесную, сладкую кашицу; а скажи ему: «Горшочек, полно», — и он тотчас же переставал варить. Принесла девочка свой горшочек к матери домой, и так они от своего голода и бедности были избавлены и могли кушать сладкую кашицу сколько душе угодно.

Случилось однажды, что девочки не было дома, а ее мать и скажи: «Горшочек, вари». И стал он варить, и напитал ее досыта; захотела она, чтобы он не варил больше, да слово-то позабыла.

А горшочек-то варит да варит: каша уж и через край вылезает, а он все варит; уж и кухня, и весь домик кашей наполнились, а затем и второй дом, и вся улица кашей залиты, словно бы горшочек задумал наварить каши на весь белый свет — и беда для всех настала, и никто не может той беде помочь. Наконец, когда уж изо всей деревни один

только домик остался кашей не залит, вернулась девочка домой, и только сказала: «Горшочек, полно!» — и перестал горшочек варить…

А столько наварил, что, кому надо было в город из деревни ехать, тот должен был себе в каше проедать дорогу!

Семеро швабов

Однажды собрались все семеро швабов вместе: первый был Шульц, второй — Яхли, третий — Марли, четвертый — Ергли, пятый — Михаль, шестой — Ганс и седьмой — Вейтли; они все семеро задумали весь белый свет обойти, приключений поискать и великие подвиги совершить. А для того чтобы странствовать им было безопаснее, они решились идти не без оружия и заказали себе хоть и на семерых одно, но зато очень крепкое и длинное копье. За это копье они ухватились всемером, и впереди-то всех пошел самый смелый из них и самый мужественный, а таковым был Шульц! За ним уж следовали все по очереди, и Вейтли был между ними последним.

Случилось с ними однажды, в самый разгар сенокоса, что, пройдя порядочный конец пути, и не в малом расстоянии от деревни, назначенной

для ночлега, уж в сумерки, близ наших швабов пролетел вечерний жук или шершень, и голос его очень грозно прогудел где-то за стогом сена. Тут храбрый Шульц так перепугался, что чуть не выронил копья из рук и холодный пот сразу прошиб его по всему телу. «Слышите? Слышите ли? — крикнул он своим товарищам. — Ах, боже мой! Да это барабан!»

Яхли, который тотчас вслед за ним держался за копье и которому, бог весть почему, почуялся какой-то запах, сейчас добавил: «Да, что-нибудь неладно! Я чую запах пороха и горелого фитиля!»

При этих словах Шульц пустился бежать и мигом перескочил через забор; но так как он зацепил ногами за зубья грабель, забытых там во время сенокоса, то грабли ударили его в лицо, и ударили порядком. «Ай-ай, ай-ай! — закричал Шульц. — Бери меня в плен, сдаюсь! Сдаюсь!»

И остальные шестеро туда же друг за другом перепрыгнули, и все стали кричать: «Коли ты сдаешься, то и мы все тоже сдаемся!»

Наконец, по неимению налицо неприятеля, которому бы угодно было их связать и забрать в плен, они пришли к тому убеждению, что испугались напрасно; а чтобы не пошли об этом слухи

между людьми да не вздумал бы кто-нибудь их из-за этого осмеивать и дурачить, то было между ними порешено об этом приключении хранить молчание, пока кто-нибудь из них случайно не проболтается.

Затем они двинулись далее. Но та вторая опасность, которую пришлось им пережить, не может и сравняться с первой. Несколько дней спустя путь им лежал через пашню, на которой заяц, присев на солнышке, грелся и дремал: уши его торчали вверх, а большие, словно стеклянные глаза были неподвижны.

Вот и перепугались наши швабы не на шутку при виде этого страшного и дикого зверя, — перепугались все и стали между собой совещаться о том, что менее всего опасно было бы предпринять в данном случае. Так как они собирались бежать, то можно было опасаться, что чудовище помчится вслед за ними и поглотит их всех, с кожей и с волосами.

Вот и стали они говорить: «Мы должны выдержать большую и опасную битву! Чем смелее вступим в нее, тем больше можем надеяться на победу!» И разом ухватились за копье: Шульц впереди всех, а Вейтли позади. Господин Шульц хотел было попридержать копье, но Вейтли, позади всех, расхрабрился, задумал ударить врага и воскликнул:

Валяй во имя швабов всех!
Надейся смело на успех!

Но Ганс подсмеялся над ним и сказал:

Да! Хорошо тебе болтать,
А сам глядишь – куда б удрать?

Михаль воскликнул:

Нельзя не опасаться нам:
Никак ведь это дьявол сам?

А за ним и Ергли сказал в свою очередь:

Коли не сам, так уж наверно
Ему сродни – ну брат, примерно!

Догадливый Марли добавил к этому:

Ступай-ка, Вейтли, сам вперед,
Так нас и страх не заберет!..

Но Вейтли его не послушал, и Яхли сказал:

Нет, нужно Шульцу первым быть:
Честь эту можем уступить!..

Выслушав это, господин Шульц ободрился и произнес с великой важностью:

Так двинемся в кровавый бой!
Вперед, ребята, всей гурьбой!..

И ударили все разом против дракона. Господин Шульц все крестился и Бога призывал на помощь; но так как все это не помогало и он подходил к врагу все ближе и ближе, то наконец уж он со страху стал кричать: «Ату его! Ату! Ату-ту-ту!»

Заяц от этих криков наконец проснулся и поспешно бежал. Когда господин Шульц увидал, как он улепетывает, то радостно воскликнул:

Ох, Вейтли, как я заблуждался:

Дракон-то зайцем оказался!

Но наши швабы не унялись и после этого: стали искать новых приключений и пришли к широкой и глубокой реке, на которой мостов было немного и во многих местах приходилось переправляться на судах. Так как швабы этого не знали, то и стали кричать человеку, работавшему по ту сторону реки, расспрашивая его, как бы за реку перебраться?

Человек по дальности расстояния не расслышал вопроса и отвечал по-своему: «Как, как?» Господину Шульцу и покажись, что он говорит: *«Ступай так».*

И он как шел впереди, так и вступил в реку. Сделав несколько шагов, он увяз ногами в илистом дне, и его покрыло волнами, а шапку его перенесло ветром на ту сторону… Села на нее лягушка и заквакала: *«Квак, квак!»*

Остальные шестеро швабов услыхали это за рекою и сказали: «Наш товарищ, господин Шульц, нас зовет; и коли уж он через реку перебрался, так почему бы и нам не пойти за ним следом?»

И все поспешно попрыгали в воду и перетонули…

Хоть и храбрые были богатыри, а из-за лягушки погибли лютой смертью, и никто из них домой

не вернулся.

Гора Симели

Давно это было — жили на свете два брата: один богатый, другой бедный. Богатый же ничего не давал бедному, и тот кое-как перебивался хлебной торговлишкой; ну а подчас дела у него оказывались до такой степени плохи, что и для своих детей хлеба не хватало.

Однажды случилось ему ехать по лесу на своей тележонке, и вдруг увидел он в стороне большую, ничем не обросшую гору, а так как он ее никогда прежде не видывал, то и приостановился, и стал в нее всматриваться с изумлением.

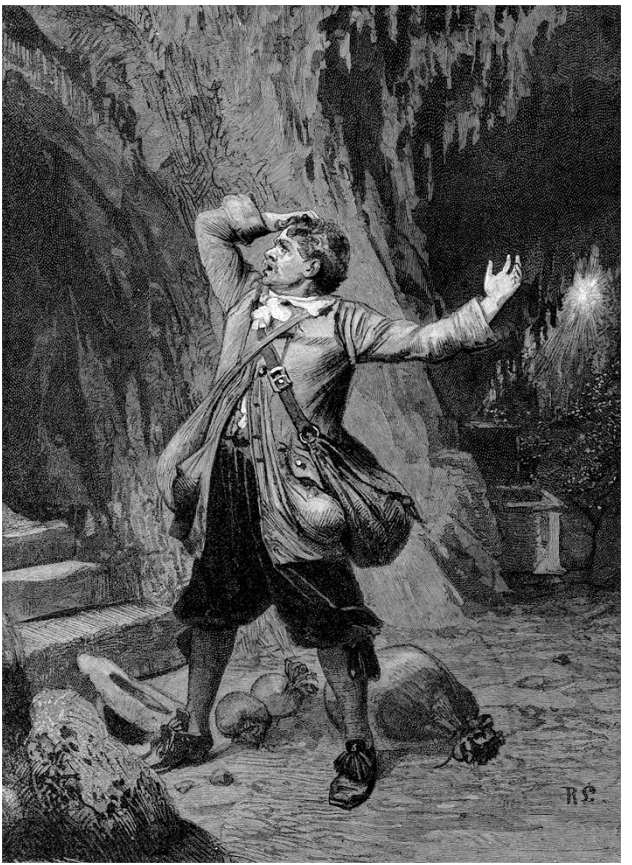
В то время как он так стоял, он увидел, что по лесу идут двенадцать высоких молодцов; он подумал, что это разбойники, а потому, запрятав тележку в кусты, сам залез на дерево и стал выжидать, что будет далее.

А те двенадцать подошли к горе и крикнули: «Гора Семзи, гора Семзи! Откройся!»

И вот эта гора посредине открылась, и когда те в нее вошли — она опять закрылась за ними.

Несколько времени спустя гора опять открылась, и все двенадцать диких вышли из нее, таща

на спине тяжелые мешки; затем они сказали: «Гора Семзи! Гора Семзи! Закройся!» И гора закрылась так плотно, что от входа в нее не осталось и следа, и все двенадцать диких людей ушли.



Когда они скрылись у него из глаз, бедняк слез с дерева и полюбопытствовал посмотреть, что могло в горе таиться? Вот и стал он перед нею и сказал: «Гора Семзи, гора Семзи! Откройся!» — и гора тотчас же и перед ним открылась. Он в нее вошел и увидел, что в ней была большая пещера, наполненная серебром и золотом, а далее в ней кучами лежали насыпаны жемчуг и сверкавшие в темноте драгоценные камни — ни дать ни взять как зерно в гумне. Бедняк и сам не знал, что ему делать и брать ли ему что-нибудь из этих сокровищ.

Наконец он набил себе карманы золотом, а жемчуг и драгоценные камни не тронул.

Выйдя из горы, он точно так же проговорил: «Гора Семзи, гора Семзи! Закройся!» — и гора закрылась, и он со своей тележкой поплелся домой.

Вот теперь ему уж и не надо было ни о чем заботиться, и он со своим золотом мог купить жене и деткам не только хлеба, но даже и вина; зажил весело и честно, раздавал деньги бедным в помощь и много творил добра.

Когда деньги пришли к концу, он пошел к своему богатому брату, взял у него на подержание хлебную меру и вновь привез себе золота; а к

другим сокровищам и не прикоснулся.

И в третий раз, собираясь съездить за золотом, опять-таки занял у брата хлебную меру. Но брат уже давно с завистью смотрел на его достаток и на то, что он хорошо живет, да никак не мог сообразить, с чего брат разбогател и зачем берет у него меру.

Тогда он придумал хитрость: вымазал дно у меры смолою, и когда получил ее обратно, то увидел, что к ее дну прилип червонец. Он тотчас пришел к своему брату и спросил у него: «Что ты мерил моею мерою?» — «Рожь и гречу», — отвечал тот.

Тогда богатый показал ему червонец на дне меры и пригрозил, что если тот ему не скажет всей правды, то он потащит его в суд.

Пришлось бедному рассказать ему все, как было. Богач, выслушав все, приказал запрячь повозку, выехал из дома и задумал при этом удобном случае запастись совсем иными сокровищами.

Приехал к горе и крикнул: «Гора Семзи, гора Семзи! Откройся!» Гора открылась, и он вошел внутрь ее.

Как увидел он лежавшие в ней богатства, глаза у него разбежались, и он долго не знал, за что ему прежде схватиться; наконец он нагрузил на

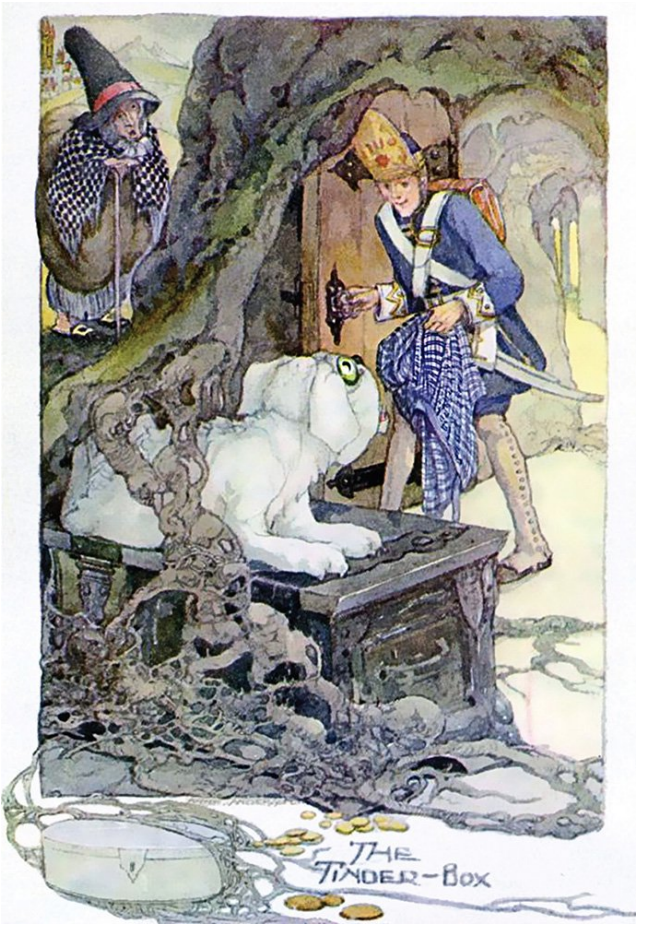
себя столько драгоценных камней, сколько мог снести.

Собирался уж он вынести из горы свою драгоценную ношу, но богатства так ему голову заполонили, что он позабыл название горы и крикнул: «Гора Симели, гора Симели! Откройся!» Но гора не двигалась и оставалась запертой. Перепугался он ужасно, но чем более припоминал, тем более путались его мысли, и все его сокровища не могли ему помочь.

Вечером гора открылась — в нее вошли двенадцать разбойников и, увидев его, стали смеяться, приговаривая: «Попалась птичка! А ты думал, что мы не заметили, как ты к нам трижды захаживал? Да вот изловить-то тебя не могли! Теперь живой отсюда не выйдешь!»

Тот стал оправдываться: «Не я, мол, был, а брат мой!» — но, сколько ни просил пощады и что ни говорил, расправа с ним была коротка: ему разбойники сняли голову с плеч долой.

Г.-Х. Андерсен
Огниво


THE TINDER-BOX

Художник Анна Андерсон

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретилась ему старая безобразная ведьма, нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Какие у тебя славные сабля и большой ранец! Вот бравый солдат! Сейчас ты получишь денег сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. — Оно пустое внутри. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустись в него, в самый низ! А я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса и вытащу назад, когда ты мне крикнешь.

— Зачем мне лезть туда, в дерево? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход; там совсем светло, потому что горит добрая сотня ламп. Потом ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку: глаза у нее, словно чайные чашки!

Да ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, живо подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него вволю. Тут одни медные деньги; захочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, что твои мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай ее на передник и бери себе денежки. А хочешь, можешь достать и золота сколько угодно; пойди только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на сундуке, глаза — каждый с круглую башню. Вот это собака так собака! Но ты ее не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня возьмешь за это, старая ведьма? Ведь уж что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, которое позабыла там в последний раз моя бабушка.

— Ну, обвязывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очу-

тился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ух! Там сидел пес с глазами, точно чайные чашки, и таращился на солдата.

— Малый не дурен! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса.

— Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке такую кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец одним серебром. Затем солдат пошел в третью комнату. Фу-ты пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две круглые башни и вертелись, точно колеса.

— Мое почтение! — сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он еще не видывал.

Долго смотреть на нее он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных

поросят у торговок сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! На все хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Теперь-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь и закричал наверх:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Ты взял огниво? — спросила ведьма.

— Ах, правда, чуть не забыл! — сказал солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге с набитыми золотом карманами, сапогами, ранцем и фуражкой.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Ты ведь получил деньги! Отдай же мне огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас же говори, зачем тебе оно, не то я вытащу саблю да срублю тебе голову.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Солдат взял и срубил ей голову. Ведьма так и повалилась, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и отправился прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился в самой лучшей гостинице и потребовал себе самые лучшие комнаты и все свои любимые блюда — теперь ведь он был богачом!

Слуга, который должен был чистить его сапоги, удивился было, что у такого богатого господина сапоги такие плохие, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и богатое платье. Теперь солдат сделался настоящим барином, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидать? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а королю это не понравилось.

«Вот бы на нее поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как

плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим барином, а ему это очень нравилось. Так он все тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже зашивать на них дыры, никто из друзей не навещал его — уж очень высоко было подниматься к нему!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, а у него не было даже денег на свечку; он и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но как только, высекая огонь, ударил по кремню, дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — спросила собака.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, презабавное: я могу получить все, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке.

И раз — ее и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у нее большой мешок, набитый медяками! Тут солдат и узнал, что за чудное у него огниво. Стоило ударить по кремню раз — являлась собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами, два раза — являлась та, у которой было серебро, а три — являлась собака с золотом.

И вот солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же опять узнали его и ужасно полюбили.

Раз ему и приди в голову: «Почему бы это нельзя видеть принцессы? Все говорят, что она такая красавица! А что толку, если она весь век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не удастся взглянуть на нее? Ну-ка, где мое огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была

чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал ее — он ведь был бравый воин, настоящий кавалер!

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять ужасно захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидала этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко

придумано: теперь фрейлина не могла отыскать настоящих ворот — повсюду стояли кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест, и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки большой кусок шелковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что от души желал бы стать принцем и жениться на ней.

Собака совсем и не заметила, что крупа сыпа-

лась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она вскочила с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Очень было невесело слышать это, а огниво свое он позабыл дома в гостинице.

Утром солдат подошел к маленькому окошку и стал смотреть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Тут же бежал какой-то мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась в стену тюрьмы, чуть не в окошко, где стоял солдат.

— Эй ты, куда торопишься? — сказал мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот если сбегаешь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монетки. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и… А вот теперь послушаем!

За городом была устроена виселица, вокруг стояли солдаты и народ. Король и королева си-

дели на чудесном троне прямо против судей и всего совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему хотели накинуть веревку на шею, но он сказал, что прежде, нежели казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку табаку: это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Королю не захотелось отказать, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как круглая башня.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажен, и все расшиблись вдребезги!

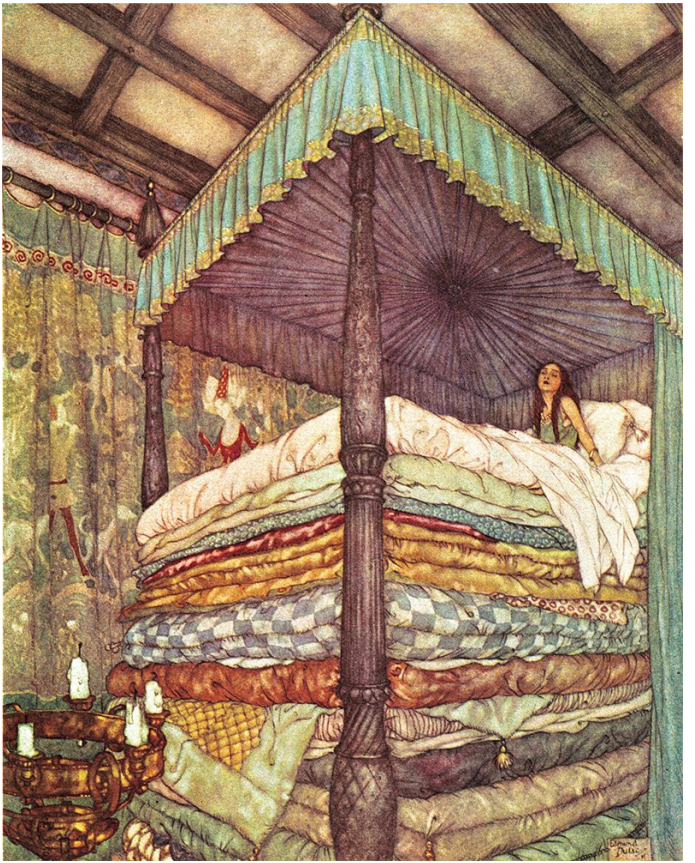
— Не хочу! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их кверху вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Милый солдат, будь нашим королем и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все

три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чему была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

Принцесса на горошине



Художник Эдмунд Дюлак

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было сколько угодно, но были ли они настоящие, он никак не мог дознаться. Так и вернулся он домой ни с чем и очень горевал — уж больно хотелось ему найти настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова, пошла в спальню, сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а еще сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень дурно! — сказала принцесса. — Я

почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков — такою деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берет за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто ее не украл.

Да, вот какая была история!

Дюймовочка

Художник Уильям Робинсон

Жила-была женщина; ей страх как хотелось иметь ребеночка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

— Мне так хочется иметь ребеночка; не скажешь ли ты, где мне его взять?

— Отчего же! — сказала колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что растут у крестьян на полях или что бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок — увидишь, что будет!

— Спасибо! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов[3]; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были еще плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой славный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

Тогда что-то щелкнуло, и цветок распустился совсем. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом стульчике сидела крошеч-

---

[3] Сноски: 3

Скиллинг — мелкая монета, имевшая хождение в Скандинавии в XIX веке. Столько, например, могла стоить почтовая марка.

ная девочка, и за то, что она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, ее прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки — матрацем, а лепесток розы — одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нем Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо весел у нее были два белых конских волоса. Все это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоска никто еще не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепесточком Дюймовочка.

— Вот жена моему сынку! — сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у само-

го берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брек ке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидал прелестную крошку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Она еще проснется, пожалуй, да убежит от нас, — сказала старуха-жаба. — Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка ее посередине реки на широкий лист кувшинки — это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока разберем там, внизу, наше гнездышко, и заживете вы в нем на славу.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был всего дальше от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала свое жилье тростником и желтыми кувшинками — надо же было приукрасить все для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобраз-

ным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего ее хорошенькую кроватку и поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брек ке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинешенька на зеленом листе и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку-невесту. А как они увидели ее, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше… Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла по реке все дальше и

дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав ее, пели:

— Какая хорошенькая девочка!

А листок все плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг нее и наконец уселся на самый листок — уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать ее, а вокруг все было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук, увидал девочку, обхватил ее за тонкую талию лапкой и унес на дерево, а зеленый листок поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылечка, которого она привязала к листку; ему придется теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зеле-

ный лист, напоил ее сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами и говорили:

— У нее только две ножки! Жалко смотреть!

— У нее нет щупальцев!

— Какая у нее тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! — сказали в один голос все жучки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принес ее, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашел, что она безобразна, и не захотел больше держать ее у себя — пускай идет, куда знает. Он слетел с нею с дерева и посадил на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать ее у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим в свете созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила ее под большой лопушиный лист —

там дождик не мог достать ее. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной холодной зиме. Все певуньи-птички разлетелись — кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мерзла от холода: платьице ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — долго ли тут замерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для нее то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мерзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все помещение было битком набито хлебными зернами, кухня и кладовая у нее были на заглядение! Дюймовочка

стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна — она два дня ничего не ела!

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. — Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у нас будут гости, — сказала как-то полевая мышь. — Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живет куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубе. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; зато ты должна рассказать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа — ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришел в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубу, был очень богат и учен; по сло-

вам полевой мыши, помещение у него было в двадцать раз просторнее, чем у нее, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветочков и отзывался о них очень дурно — он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот совсем в нее влюбился. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землей новую длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мертвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и ее закопали как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте это ведь все равно что свечка — и пошел вперед, освещая длинную темную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мертвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробрался дневной свет. В самой середине галереи лежала мертвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу,

ножки и головка спрятаны в перышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль ее, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своими короткими лапами и сказал:

— Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать — поневоле замерзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но, когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки. «Может быть, эта самая так чудесно распевала летом! — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинок большой славный ковер, снесла его в галерею и завернула в него мертвую птичку; потом отыс-

кала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

— Прощай, миленькая птичка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась — внутри что-то застучало. Это забилось сердечко птицы: она была не совсем мертвая, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадет замертво на землю, и ее засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга — птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, — но все-таки собралась с духом, еще больше закутала ласточку, потом сбегала, принесла листок мяты, которым укрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку,

которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, — другого фонаря у нее не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала девочка, — теперь так холодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крылышко о терновый куст и потому не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края, как упала на землю и… Да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда — не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней — пускай сядет к ней на спину, и они полетят

в зеленый лес! Но Дюймовочка не хотела так бросить полевую мышь — она ведь знала, что старуха очень огорчится.

— Нет, нельзя! — сказала девочка ласточке.

— Прощай, прощай, милая крошка! — сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у нее даже слезы навернулись на глаза — уж очень полюбилась ей бедная птичка.

— Кви-вить, кви-вить! — прощебетала птичка и скрылась в зеленом лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

— Летом тебе придется готовить себе приданое! — сказала ей полевая мышь.

Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чем нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырех пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши

в гости и все толковал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю — а то она совсем уж как камень стала, — и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер при закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» — думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу!

К осени Дюймовочка приготовила все свое приданое.

— Через месяц твоя свадьба! — сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Пустяки! — сказала старуха-мышь. — Только не капризничай, а то возьму да укушу тебя белым зубом. У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой черной бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодари бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не выходить на солнышко — крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распроститься с красным солнышком! У полевой мыши она все-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

— Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь ее!

— Кви-вить, кви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за гадкого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглянет

солнышко.

— Скоро придет холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину — только привяжи себя покрепче поясом, — и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, за высокие горы, в теплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка, села птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в мягкие перья ласточки и только одну головку высунула, чтобы видеть чудесные места, над которыми она пролетала.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, небо стояло выше, а около канав и изгородей вился чудесный зеленый и черный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины,

пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше и дальше, и чем дальше, тем было все лучше. На берегу чудесного голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнезда. В одном из них и жила ласточка, которая принесла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты заживешь как нельзя лучше!

— Ах, как чудесно! — сказала крошка и захлопала ручонками.

Внизу лежали большие куски мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, а между ними росли чудеснейшие крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше

Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живет эльф или эльфа, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

— Ах, как он хорош! — шепнула Дюймовочка ласточке.

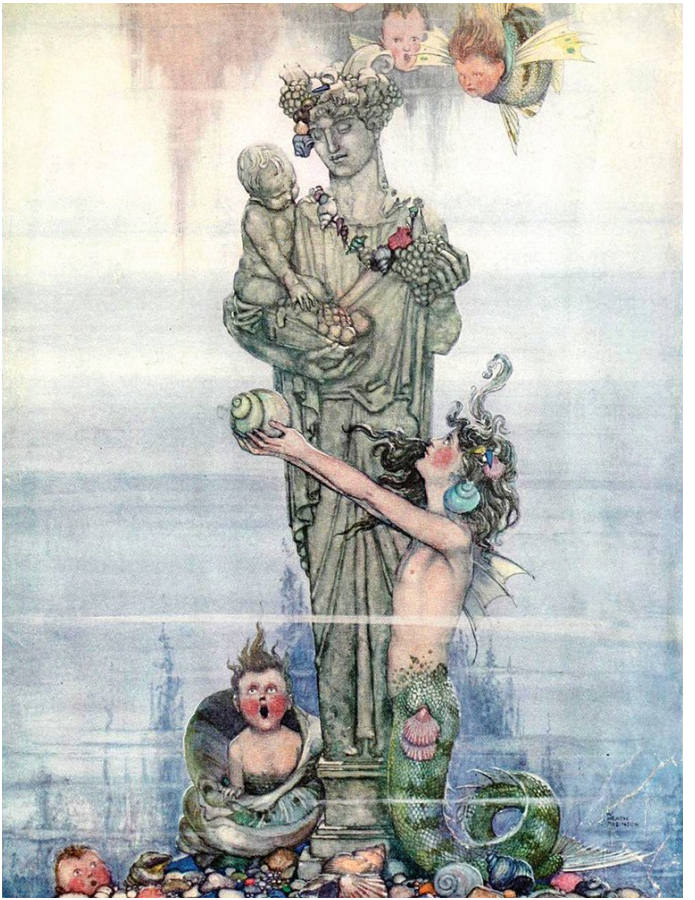
Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему огромным страшилищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, — он никогда еще не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел ее Дюймовочке на голову и спросил, как ее зовут и хочет ли она быть его женой, царицей цветов? Вот это так муж! Не то что гадкий сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльф или эльфа — такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! То-то было радости! А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она ведь крепко полюбила девочку и хотела

бы век не расставаться с ней.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! — сказал эльф. — Это гадкое имя, а ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

— Прощай, прощай! — прощебетала ласточка и опять полетела из теплых краев — в далекую Данию. Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, большого мастера рассказывать сказки. Ему-то она и спела свое «квивить», от нее-то мы и узнали эту историю.

Русалочка



Художник Уильям Робинсон

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки хорошеньких васильков, и прозрачная, как стекло, — но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, чтобы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут удивительнейшие деревья и цветы с такими гибкими стебельками и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями шныряют большие и маленькие рыбы — точь-в-точь как у нас здесь птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с большими остроконечными окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются смотря по приливу или отливу, это очень красиво, потому что в каждой раковине лежит по жемчужине такой красоты, что и одна из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла его старуха-мать, женщина умная, но очень гордая своим родом:

она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить только по шесть. Вообще же она была особа достойная, особенно потому, что очень любила своих маленьких внучек. Все шесть принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими синими, как море, глазами. Но и у нее, как у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росло много огненно-красных и темно-голубых деревьев с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом сверкали, как золото, а цветы — как огоньки. Земля была усыпана мелким голубоватым, как серное пламя, песком; на дне морском на всем лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск — можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причем небо у тебя не только над головой, но и под но-

гами. В безветрие можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко; тут они могли копать и сажать что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка; такая тихая, задумчивая... Другие сестры украшали свои садики разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая чудесно разрослась; ветви ее перевешивались через статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень, — вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху на земле. Старухе-бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и о

животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахли, — не то что тут в море! — что леса там были зеленые, а рыбки, которые жили в ветвях, звонко пели. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внучки не поняли бы ее; они ведь сроду не видывали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам тоже можно будет всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам — а они все были погодки — приходилось еще ждать, и дольше всех — целых пять лет — самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, — рассказы бабушки мало удовлетворяли их любопытство, им хотелось знать обо всем поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она

могла разглядеть сквозь воду месяц и звезды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое темное облако, и русалочка знала, что это или проплывал над нею кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Вот было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше же всего, по ее словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любуясь раскинувшимся по берегу городом; там, точно сотни звездочек, горели огни, слышались музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее рассказы самая младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей казалось даже,

что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть куда хочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака… да тут у нее уж и слов не хватало! Окрашенные в пурпуровые и фиолетовые цвета, они быстро неслись по небу, но еще быстрее их неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидала зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные чудесными рощами, где пели птицы; солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить свое пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких человечков, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный

зверек и так страшно принялся на нее тявкать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда еще не видала собак.

И вот принцесса все вспоминала эти чудные леса, зеленые холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьего хвоста!

Четвертая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего; куда ни оглянись, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, виднелись большие корабли, играли и кувыркались веселые дельфины и огромные киты пускали из ноздрей сотни фонтанов.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; ее день рождения был зимой, и поэтому она увидала то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы — ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких колоколен, построенных людьми! Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую

большую, ветер развевал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загремел гром, и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла себе на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молний, прорезав небо, падали в море.

Вообще каждая из сестер была в восторге от того, что видела в первый раз, — все было для них ново и поэтому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему и через месяц стали уже говорить, что везде хорошо, а дома лучше.

Часто по вечерам все пять сестер, взявшись за руки, подымались на поверхность воды, у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что кораблям грозит опасность, они подплывали к ним, пели о чудесах подводного царства и просили моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов; им казалось, что это просто шумит буря; да им все

равно и не удалось бы увидать на дне никаких чудес — если корабль погибал, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, в то время как сестры ее всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не могут плакать, и от этого ей было еще тяжелей.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? — говорила она. — Я знаю, что очень полюблю и тот мир, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий — каждый лепесток был половинкой жемчужины, — потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала прицепиться к ее хвосту восьмерым устрицам.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Ради красоты надо потерпеть! — сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венец —

красненькие цветочки из ее садика шли ей куда больше, но делать нечего!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, точно прозрачный водяной пузырь, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажглась ясная вечерняя звезда; воздух был мягок и свеж, а море неподвижно, как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом — не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и, когда волны слегка приподымали ее, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет,

и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула голову, и ей показалось, что все звездочки небесные попадали к ней в море. Никогда еще не видела она такой огненной потехи; большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждую веревку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в тишине чудной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца-принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем и все заглядывала в каюту, а корабль несся все быстрее и быстрее, паруса развертывались один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились, и засверкали молнии. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг корабля встава-

ли высокие водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на хребет волн. Русалочку буря только забавляла, а морякам приходилось плохо. Корабль трещал, толстые бревна разлетались в щепки, волны перекатывались через палубу; грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль перевернулся набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность; ей и самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех бывших на корабле людей; каждый спасался, как умел. Русалочка отыскала глазами принца и увидела, как он погрузился в воду, когда корабль разбился на части. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умирать! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они всякую минуту могут раздавить ее самое. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами; но

вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоял у нее в саду; она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стояло какое-то здание вроде церкви или монастыря. В роще росли апельсинные и лимонные деревья, а у ворот здания — высокие пальмы. Море врезывалось в белый песчаный берег небольшим заливом, где вода была очень тиха, но глубока; сюда-то,

к утесу, возле которого море намыло мелкий белый песок, и приплыла русалочка и положила принца, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнце.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за высокие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морскою пеной — теперь никто не различил бы в этой пене ее беленького личика — и стала ждать: не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она не рассказала им ничего.

Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созрели в садах плоды, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли как хотели, по тропинкам и дорожкам, переплелись своими стебельками и листочками с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали и все остальные сестры, но больше никто, кроме разве еще двух-трех русалок да их самых близких подруг. Одна из русалок тоже знала принца, видела праздник на корабле и даже знала, где находится королевство принца.

— Поплыли с нами, сестрица! — сказали русалочке сестры и рука об руку поднялись все вместе на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные

вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный купол потолка, через который на воду и на диковинные растения, росшие в широком бассейне, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она: она же заплывала и в узкий канал, который протекал как раз под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей прекрасной лодке, украшенной развевающимися флагами, — русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иной

раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь взмахнул крылом.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда он полумертвым носился по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди, когда она поцеловала так нежно его красивый лоб. А он-то ничего не знал о ней, она ему даже и во сне не снилась!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, нежели ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а бывшие в их владении пространства земли с лесами и полями тянулись далеко-далеко, и глазом было их не окинуть! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Как же! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, зато, когда нам приходит конец, от нас остается одна пена морская, у нас нет даже могил близких. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда уже не будем жить, мы, как тростник: раз срезанный, он не зазеленеет вновь! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает тогда в синее небо, туда, к ясным звездочкам! Как мы можем подняться со дна морского и увидать землю, где живут люди, так они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видать никогда!

— А почему у нас нет бессмертной души? — грустно спросила русалочка. — Я бы отдала все свои триста лет за один день человеческой жизни с тем, чтобы потом принять участие в небесном блаженстве людей.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнышка! Неужели же я никак не могу обрести бессмертную душу?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и ты тоже вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, — твой рыбий хвост — люди находят безобразным; они нимало не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки — ноги, как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю свои триста лет — это порядочный срок, тем слаще будет отдых после смерти! Сегодня вечером у нас при дворе бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были

из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и самое море. Видно было, как к стенам подплывали стаи и больших и малых рыб, сверкавших пурпурно-золотистою и серебристою чешуей.

Посреди зала вода бежала широким потоком, и в нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких чудных голосов не бывает у людей. Русалочка же пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде: ни в море, ни на земле — нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце и печалиться о том, что у нее нет бессмертной души. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своем садике. Вдруг сверху до нее донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла ради него и

ради бессмертной души! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, я поплыву к морской ведьме: я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не было ни цветов, ни даже травы — один только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала за собой в глубину все, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; затем на пути к жилищу ведьмы лежало еще большое пространство, покрытое горячим, пузырившимся илом; это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним уже показалось и самое жилище ведьмы, окруженное диковинным лесом: деревья и кусты были полипами — полуживотными-полурастениями, похожими на стоголовых змей, росших прямо из песка; ветви их были длинными осклизлыми руками с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, они хватали гибкими пальцами

все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали обратно. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забилось от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не схватили полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между гадкими полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся руки. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить; белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, остовы животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая свое гадкое светло-желтое брюшко, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им валяться на своей большой ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала

русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь получить вместо своего рыбьего хвоста две подпорки, чтобы ходить как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и растянулись на песке.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю для тебя питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним на берег еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару чудных, как скажут люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато все, кто ни увидит тебя, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную скользящую походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что каждый шаг будет причинять тебе нестерпимую боль, так что изранишь свои ножки в кровь. Согласна ты?

Хочешь моей помощи?

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

— Помни, — сказала ведьма, — что раз ты примешь человеческий образ, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе больше ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет для тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, так что вы станете мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части и ты станешь пеной морской!

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— Ты должна еще заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — А я не дешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать свой голос мне. Я возьму за свой драгоценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: я ведь должна примешать к напитку свою собственную кровь, для того чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется у меня? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза — довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, я и отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей, а потом расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, от которой стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал, глядя на них. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и, когда питье закипело, послышался точно плач крокодила. Наконец напиток был готов и имел вид прозрачнейшей ключевой воды!

— Вот тебе! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить!

— Если полипы захотят схватить тебя, когда ты поплывешь назад, — сказала ведьма, — брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков!

Но русалочке не пришлось этого сделать — по-

липы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда — она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидала перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила сверкающий острый напиток, и ей показалось, будто ее пронзили насквозь обоюдоострым мечом, она потеряла сознание и упала как мертвая. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль, зато перед ней стоял красавец-принц и смотрел на нее своими черными как ночь глазами; она потупилась и увидала, что вместо рыбьего хвоста у нее были две чудесные ножки,

беленькие и маленькие, как у ребенка. Но она была совсем голешенька и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочка как будто ступала на острые ножи и иголки; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, воздушная, как водяной пузырек, принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользящей походке.

Русалочку разодели в шелк и кисею, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились перед принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!»

Потом рабыни стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла

свои хорошенькие ручки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение лишь увеличивало ее красоту, одни глаза ее говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц, назвавший русалочку своим маленьким найденышем, и русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ножки ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала на острые ножи. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви били ее по плечам, они взбирались на высокие горы, и, хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались облаками, плывшими у их ног, точно стаи птиц, улетавших в чужие страны.

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночам на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, ставила свои пылавшие,

как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидала в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не подымалась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе она не могла ведь обрести бессмертной души и должна была, в случае его женитьбы на другой, превратиться в морскую пену.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, в то время как принц обнимал ее и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел

однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи чудного храма, где служат богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, где был храм, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красавицу-девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не появится в свет, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как

будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним отправится большое посольство. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо увидеть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, я же никогда не полюблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого блаженства и бессмертной души.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на великолепном корабле, который должен был отвезти их в земли соседнего короля.

И принц рассказывал ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубинах моря, и о том, что видели там водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше

всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны; и вот ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха-бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего королевства. И вот в городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов, а на площадях стали строиться полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще

не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались темно-синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою краснеющую невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в морскую пену!

Колокола в церквах звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. На алтарях были зажжены серебряные светильники, в которых горело ароматное масло; из кадильниц священников струилось благоухание ладана. Жених и невеста подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка, разодетая в шелк и золото, держала шлейф невесты, но уши ее не слышали праздничной музыки, глаза не видели блестящей

церемонии, она думала о своем смертном часе и о том, что она теряла с жизнью.

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, а на палубе корабля был раскинут роскошный шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре возвышалось чудное ложе для новобрачных.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно скользнул по волнам и понесся вперед.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые всплыла на поверхность моря и увидела те же великолепие и веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге; никогда еще она не танцевала так чудесно! Ее нежные ножки резало, как ножами, но она не чувствовала этой боли — сердцу ее было еще больнее. Лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела бесконечные мучения, тогда как он и не подозревал о том. Лишь одну ночь еще оставалось ей дышать одним воздухом с ним, ви-

деть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Ей ведь не было дано бессмертной души! Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой в сердце; принц же целовал красавицу-невесту, а она играла его черными волосами; наконец рука об руку удалились они в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, один рулевой остался у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, обернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные, роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! Она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и, когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста

лет, прежде чем сделаешься соленой морской пеной. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что потеряла от горя все свои седые волосы, а наши волосы остригла ведьма! Убей принца и вернись к нам! Торопись, видишь — на небе показалась красная полоска! Скоро взойдет солнце и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка прелестной невесты покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей невесты — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. Еще раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно

согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти: она видела ясное солнышко и каких-то прозрачных чудных созданий, сотнями реявших над ней. Она могла видеть сквозь них белые паруса корабля и красные облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая неземная, что ничье человеческое ухо не могло расслышать ее, так же как ничей человеческий глаз не мог видеть их самих. У них не было крыльев, и они носились по воздуху только благодаря своей собственной легкости. Русалочка увидала, что и у нее такое же тело, как у них, и что она все больше и больше отделяется от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь на воздух, и ее голос звучал такою же дивною неземною музыкой, какой не в силах передать никакие земные звуки.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она не может иначе, как благодаря любви человека. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут приобрести ее себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного,

зачумленного воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим с собой людям исцеление и отраду. По прошествии же трехсот лет, во время которых мы творим посильное добро, мы получаем в награду бессмертную душу и сможем принять участие в вечном блаженстве человека. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама сможешь обрести себе бессмертную душу.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к божьему солнышку и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидала, как принц с невестой искали ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимо поцеловала русалочка красавицу-невесту в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

— Через триста лет мы войдем в божье царство!

— Может быть, и раньше! — прошептала одна

из дочерей воздуха. — Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и, если найдем там доброе, послушное дитя, радующее своих родителей и достойное их любви, мы улыбаемся, и срок испытания сокращается на целый год.

Дитя не знает, что, если мы, залетев в комнату, улыбнемся от радости, наш трехсотлетний срок сократится на целый год, зато, если мы встретим там злого, непослушного ребенка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долгому сроку нашего испытания еще лишний день!

Новое платье короля

Edmund Dulac

Художник Эдмунд Дюлак

Давным-давно жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги, и смотры войскам, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и как про других королей часто говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице короля жилось очень весело; почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей, которые умеют изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличалась еще удивительным свойством — становиться невидимой для всякого человека, который был не на своем месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! — подумал король. — Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своем месте и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали де-

лать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шелку и чистейшего золота, все это припрятывали в карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» — думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но… все-таки пусть бы сначала пошел кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или негодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика-министра, — подумал король. — Уж он-то рассмотрит ткань; он умен и с честью занимает свое место».

И вот старик-министр вошел в покой, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Господи помилуй! — думал министр, тараща глаза. — Я ведь ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор

и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр, как ни таращил глаза, все-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

«Ах ты господи! — думал он. — Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Спаси боже, если кто-нибудь узнает!.. Или, может быть, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это премило! — ответил старик-министр, глядя сквозь очки. — Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какие тут необычайные узор и сочетание красок. Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать еще больше денег, шелку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной ниточки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Потом король послал к ткачам другого достой-

ного сановника. Он должен был посмотреть, как идет дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же, что и с первым. Уж он смотрел-смотрел, а все ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп, — думал сановник. — Значит, я не на своем месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, восхищаясь чудесным рисунком и сочетанием красок.

— Премило, премило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

— Не правда ли? — заговорили первые два сановника. — Не угодно ли полюбоваться? Какой

рисунок! Какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Да что же это такое! — подумал король. — Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

— О да, очень, очень мило! — сказал наконец король. — Вполне заслуживает моего одобрения.

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, — он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше его самого, и тем не менее все повторяли в один голос: «Очень, очень мило!» — и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

— Magnifi que! Чудесно! Excellent![4] — только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шест-

---

[4] Сноски: 4
Изумительно! Великолепно! (*фр.*)

надцати свечей — всем было ясно, что они старались кончить к сроку новый наряд короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят ее большими ножницами и потом шьют иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришел к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держат что-то, приговаривая:

— Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Легок как паутина, и не почувствуешь его на теле. Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видали — нечего ведь было и видеть.

— А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! — сказали королю обманщики. — Мы нарядим вас.

Король разделся, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то в плечах и на талии, — это они надевали на него королевскую мантию! А король в это время поворачивался перед зеркалом во все стороны.

— Боже, как идет! Как чудно сидит! — шептали в свите. — Какой узор, какие краски! Роскошное платье!

— Балдахин ждет! — доложил обер-церемонийместер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с полу, и пошли за королем, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а в народе говорили:

— Ах, какой бесподобный наряд у короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел показаться глупцом или никуда не годным человеком. Да, ни один наряд короля не вызывал еще таких восторгов.

— Да ведь он совсем голый! — закричал вдруг один маленький мальчик.

— Послушайте-ка, что говорит невинный мла-

денец! — сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— Да ведь он совсем голый! — закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином еще величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери — старой оловянной ложке; ружье на плече, голова прямо, красный с синим мундир — ну прелесть что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатики!» Это закричал, хлопая в ладоши, маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения. Он сейчас же принялся расставлять их на столе. Все солдатики были совершенно одинаковы, кроме одного, который был на одной ноге. Его отливали последним, и олова немножко не хватило, но

он стоял на своей одной ноге так же твердо, как другие на двух; и он-то как раз и оказался самым замечательным из всех.

На столе, где очутились солдатики, было много разных игрушек, но больше всего бросался в глаза чудесный дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было видеть дворцовые покои; перед самым дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своим отражением восковые лебеди. Все это было чудо как мило, но милее всего была барышня, стоявшая на самом пороге дворца. Она была вырезана из бумаги и одета в юбочку из тончайшего батиста; через плечо у нее шла узенькая голубая ленточка в виде шарфа, а на груди сверкала розетка величиною с лицо самой барышни. Барышня стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей, — а другую ногу подняла так высоко, что наш солдатик совсем не мог видеть ее и подумал, что красавица тоже одноногая, как он.

«Вот была бы мне жена! — подумал он. — Только она, как видно, из знатных, живет во дворце, а у меня только и есть что коробка, да и то в ней нас набито двадцать пять штук: ей там не место! Но познакомиться все же не мешает».

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая все стояла на одной ноге, не теряя равновесия.

Поздно вечером всех других оловянных солдатиков уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. Теперь игрушки сами стали играть «в гости», «в войну» и «в бал». Оловянные солдатики принялись стучать в стенки коробки — они тоже хотели играть, да не могли приподнять крышки. Щелкунчик кувыркался, грифель плясал по доске; поднялись такие шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да еще стихами! Не трогались с места только танцовщица и оловянный солдатик: она по-прежнему держалась на вытянутом носке, простирая руки вперед, он бодро стоял под ружьем и не сводил с нее глаз.

Пробило двенадцать. Щелк! — табакерка раскрылась.

Там не было табаку, а маленький черный бука — вот так фокус!

— Оловянный солдатик, — сказал бука, — нечего тебе заглядываться!

Оловянный солдатик будто и не слыхал.

— Ну, постой же! — сказал бука.

Утром дети встали, и оловянного солдатика

поставили на окно.

Вдруг — по милости ли буки или от сквозняка — окно распахнулось, и наш солдатик полетел головой вниз с третьего этажа — только в ушах засвистело! Минута — и он уже стоял на мостовой кверху ногой: голова его в каске и ружье застряли между камнями мостовой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на поиски, но, сколько ни старались, найти солдатика не могли; они чуть не наступали на него ногами и все-таки не замечали его. Закричи он им: «Я тут!» — они, конечно, сейчас же нашли бы его, но он считал неприличным кричать на улице: он ведь носил мундир!

Начал накрапывать дождик; сильнее, сильнее, наконец пошел настоящий ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличных мальчишек.

— Эй! — сказал один. — Вон оловянный солдатик! Отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги лодочку, посадили туда оловянного солдатика и пустили в канавку. Сами мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Эх-ма! Вот так волны ходили по канавке! Течение так и несло — немудрено после такого ливня!

Лодочку бросало и вертело во все стороны,

так что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко: ружье на плече, голова прямо, грудь вперед!

Лодку понесло под длинные мостки: стало так темно, точно солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несет? — думал он. — Да, это все штуки гадкого буки! Ах, если бы со мною в лодке сидела та красавица, по мне будь хоть вдвое темнее!»

В эту минуту из-под мостков выскочила большая крыса.

— Паспорт есть? — спросила она. — Давай паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко держал ружье. Лодку несло, а крыса бежала за ней вдогонку. У! Как она скрежетала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держи, держи его! Он не внес пошлины, не показал паспорта!

Но течение несло лодку все быстрее и быстрее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг услышал такой страшный шум, что струсил бы любой храбрец. Представьте себе — у конца мостика канавка впадала в большой канал! Это было для солдатика так же страшно, как для нас нестись на лодке к большому водопаду.

Но остановиться уже было нельзя. Лодка с солдатиком скользнула вниз; бедняга держался по-прежнему по струнке и даже глазом не моргнул. Лодка завертелась… Раз, два — наполнилась водой до краев и стала тонуть. Оловянный солдатик очутился по горло в воде; дальше — больше… вода покрыла его с головой! Тут он подумал о своей красавице: не видать ему ее больше. В ушах у него звучало:

Вперед стремись, о воин,
И смерть спокойно встреть!

Бумага разорвалась, и оловянный солдатик пошел было ко дну, но в ту же минуту его проглотила рыба.

Какая темнота! Хуже, чем под мостками, да еще страх как узко! Но оловянный солдатик держался стойко и лежал во всю длину, крепко прижимая к себе ружье.

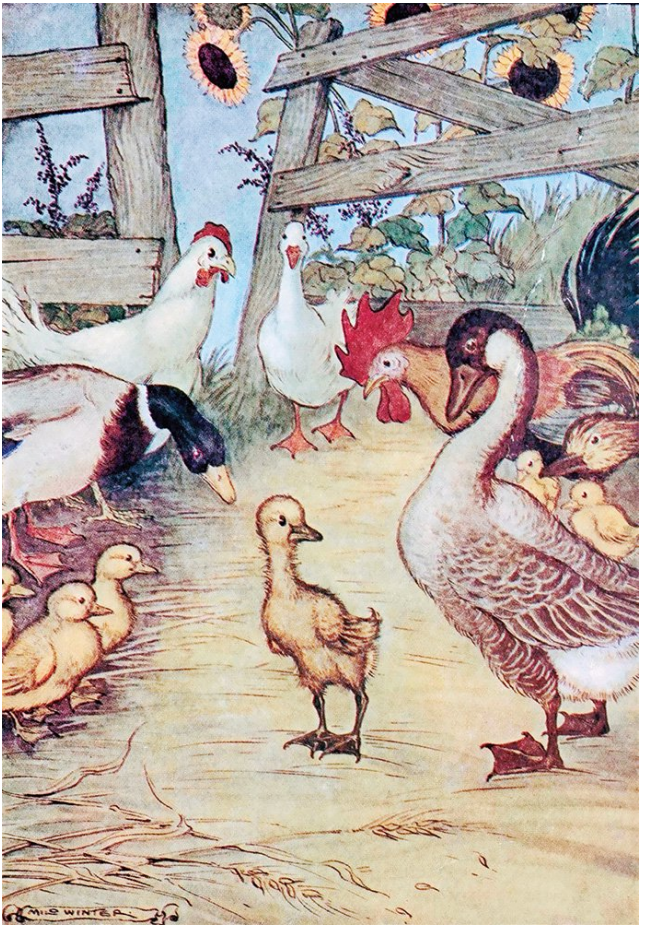
Рыба металась туда и сюда, выделывала самые удивительные скачки, но вдруг замерла, точно в нее ударила молния. Блеснул свет, и кто-то закричал: «Оловянный солдатик!» Дело в том, что рыбу поймали, свезли на рынок, потом она попала на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большим ножом. Кухарка взяла оловянного солдатика

двумя пальцами за талию и понесла в комнату, куда сбежались посмотреть на замечательного путешественника все домашние. Но оловянный солдатик не загордился. Его поставили на стол, и — чего-чего не бывает на свете! — он увидал себя в той же самой комнате, увидал тех же детей, те же игрушки и чудесный дворец с красавицей-танцовщицей! Она по-прежнему стояла на одной ножке, высоко подняв другую. Вот так стойкость! Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался. Он смотрел на нее, она на него, но они не перемолвились ни словом.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверное, это все бука подстроил! Оловянный солдатик стоял охваченный пламенем. Ему было ужасно жарко, от огня или от любви — он и сам не знал. Краски с него совсем слезли, он весь полинял; кто знает отчего — от дороги или от горя? Он смотрел на танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но все еще держался стойко, с ружьем на плече. Вдруг дверь в комнате распахнулась, ветер подхватил танцовщицу, и она, как сильфида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатику, вспыхнула ра-

зом, и — конец! А оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек. На другой день горничная выбирала из печки золу и нашла его в виде маленького оловянного сердечка; от танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорела и почернела как уголь.

Гадкий утенок


MILLS WINTER

Художник Мило Винтер

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами шли большие леса с глубокими озерами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от самого строения вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В самой чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение — ее мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали. «Пи! Пи!» — послышалось из них: яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

— Живо! Живо! — закрякала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им — зеленый цвет по-

лезен для глаз.

— Как мир велик! — сказали утята.

Еще бы! Теперь у них было куда больше места, чем тогда, когда они лежали в яйцах.

— А вы думаете, что тут и весь мир? — сказала мать. — Нет! Он идет далеко-далеко, туда, за сад, в поле священника, но там я отроду не бывала!.. Ну, все, что ли, вы тут? — И она встала. — Ах нет, не все! Самое большое яйцо целехонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — заглянула к ней старая утка.

— Да вот еще одно яйцо остается! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а все толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка. — Может статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они страсть как боятся воды; уж я и крякала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай, учи других плавать!

— Посижу уж еще! — сказала молодая утка. —

Сидела столько, что можно посидеть и еще немножко.

— Как угодно! — сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца. «Пи! Пи!» — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух весь был залит солнцем. Утка со всею своею семьей отправилась к канаве. Бултых! — и утка очутилась в воде.

— За мной! Живо! — позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь как славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу

вас в общество: мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

— Вот как идут дела на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв: ей тоже хотелось отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Люди дают этим понять, что не желают потерять ее; по этому лоскутку ее узнают и люди, и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей! Вот так! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Они так и сделали, но другие утки оглядывали их и громко говорили:

— Ну, вот еще целая орава! Точно нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы

не потерпим!

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Он вам ведь ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — отвечала забияка. — Ему и надо задать хорошенько!

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного… Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Никак нельзя, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать, лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. — И она провела носиком по перышкам большого утенка. — Кроме того, он селезень, а ему красота не так нужна. Я думаю, что он возмужает и пробьет себе дорогу!

— Остальные утята очень-очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте же как дома, а найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот они и стали вести себя как дома. Только

бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки, и куры.

— Он больно велик! — говорили все, а индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и пресердито залопотал; гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошел первый день, затем пошло еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему:

— Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!

А мать прибавляла:

— Глаза бы мои тебя не видали!

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор и — через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобраз-

ный!» — подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, он просидел тут всю ночь.

Утром утки вылетели из гнезд и увидали нового товарища.

— Ты кто такой? — спросили они, а утенок вертелся, раскланиваясь на все стороны, как умел.

— Ты пребезобразный! — сказали дикие утки. — Но нам до этого нет дела, только не вздумай породниться с нами!

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провел он в болоте, на третий явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали с большим форсом.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех!

«Пиф! паф!» — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми: вода

окрасилась кровью. «Пиф! паф!» — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них сидели в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камыш качался из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха и только хотел спрятать голову под крыло, как глядь — перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утенку свою пасть, оскалила острые зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

— Слава богу! — перевел дух утенок. — Слава богу! Я так безобразен, что даже собаке не хочется укусить меня!

И он притаился в камышах; над головою его то и дело летали дробинки, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться. Прошло еще несколько часов, пока он осмелился встать, оглядеться и пуститься бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избуш-

ка так уже обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, оттого и держалась. Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом!

Ветер, однако, все крепчал; что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит совсем криво: можно было свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старушка с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, ее и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее как дочку.

Утром пришельца заметили: кот начал мурлыкать, а курица квохтать.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание, но прошло

недели три, а яиц все не было. Господином в доме был кот, а госпожою — курица, и оба всегда говорили: «Мы и свет!» Они считали самих себя половиной всего света, притом — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой?! — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь — дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать по воде так приятно! — сказал утенок. — А что за наслаждение нырять в самую

глубь с головой!

— Хорошо наслаждение! — сказала курица. — Ты совсем рехнулся! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки-госпожи: умнее ее нет никого в свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять с головой?

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты — пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит! Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя: по этому всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— И с богом! — отвечала курица.

И утенок ушел, плавал и нырял с головой, но все животные по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху; наверху, в небе, стало так холодно, что тяжелые облака сеяли градом и снегом, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз вечером, когда солнышко еще так славно сияло на небе, из-за кустов поднялась целая стая чудных больших птиц; утенок сроду не видал таких красавцев: все они были белы как снег, с длинными, гибкими шеями! То были лебеди. Они испустили какой-то странный крик, взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватило какое-то странное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудные птицы не шли у него из головы, и, когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул опять и был словно вне себя. Утенок не знал, как зовут этих птиц, куда они летели, но полюбил их, как не любил до сих пор никого. Он не завидовал их красоте: ему и в голову не могло прийти поже-

лать походить на них; он рад бы был и тому, чтоб хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безо бразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсем, но с каждою ночью свободное ото льда пространство становилось все меньше и меньше. Морозило так, что ледяная кора трещала. Утенок без устали работал лапками, но под конец обессилел, приостановился и весь обмерз.

Рано утром мимо проходил крестьянин, увидал примерзшего утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и принес птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали поиграть с ним, а он вообразил, что они хотят обидеть его, и шарахнулся со страха прямо в подойник с молоком — молоко все расплескалось. Женщина вскрикнула и всплеснула руками; утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он был похож! Женщина вопила и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь стояла отворенной: утенок выбежал, кинулся в кусты прямо на све-

жевыпавший снег и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы чересчур печально описывать все злоключения утенка во время суровой зимы. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки, пришла весна-красна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел; теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весною! Вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я к этим царственным птицам; они, наверное, убьют меня за мою дерзость, за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, но пусть! Лучше быть убитым ими, чем сносить щипки уток и кур, толчки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он слетел в воду и поплыл навстречу красавцам-лебедям, которые, завидя его, тоже

устремились к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти, но что же увидал он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение, но он был уже не безобразною темно-серою птицей, а — лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий: он лучше мог теперь оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие. Большие лебеди плавали вокруг него и ласкали его, гладя клювами по перышкам.

В сад прибежали маленькие дети; они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый маленький из них закричал:

— Новый, новый!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый! — хлопали в ладоши и приплясывали от радости; потом побежали за отцом с матерью и опять бросали в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили, что новый красивее всех. Такой молоденький, прелестный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был чересчур счаст-

лив, но нисколько не гордился: доброе сердце не знает гордости, помня то время, когда все его презирали и гнали. А теперь все говорят, что он прекраснейший между прекрасными птицами! Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви; солнышко светило так славно… И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Мог ли я мечтать о таком счастье, когда был еще гадким утенком!

Снежная королева

R. K.

Художник Рудольф Койву

Рассказ первый. Зеркало и его осколки

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя; все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись еще, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем самое зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попада́ли, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны — ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало. Некоторым людям осколки попада́ли прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые

пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же про них.

Рассказ второй. Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удается отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному желобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на желоб, и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие ку-

сты роз — в каждом по одному, — осыпанные чудными цветами. Родителям пришло в голову поставить эти ящики на дно желобов; таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящиков зелеными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за веселые игры устраивали они тут!

Зимою это удовольствие прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старушка-бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают ее густым роем, но она больше их всех и никогда не остается на земле — вечно носится на черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сущая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала

расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно-белого льда и все же живая! Глаза ее сверкали, как звезды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своем маленьком садике на крыше.

Розы цвели все лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут… Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним — им чудилось, что с него глядел на них

сам младенец Христос. Что за чудное было лето и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Мне кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но в глазу ничего как будто не было.

— Должно быть, выскочило! — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурные стороны каждой вещи выступали еще резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но сами осколки в них остались.

— О чем же ты плачешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя ее испуг, вырвал еще одну и убежал от миленькой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками — он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка-бабушка — он придирался к словам. Да если бы еще только это! А то он дошел до того, что стал передразнивать ее походку, надевать ее очки и подражать ее голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик научился передразнивать и всех соседей — он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, — и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снежок, он явился с большим зажигательным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда! — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на

роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и уезжали таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза: Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело

так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил веревку, которой зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно-белая женщина — Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз? Полезай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным.

Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя! — сказала она. — А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее; она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда она сидела за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил свой взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись

вперед. Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь — днем он спал у ног Снежной королевы.

Рассказ третий. Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог о нем ничего сообщить. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нем слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки. Кай ни разу еще не видал их, — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названого братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу — река как будто не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась

от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая ее утешить:

«Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие, раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но нигде не было видно ни одной человеческой души.

«Может быть, река несет меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она приплыла к большому вишневому саду, в котором приютился домик с цветными стеклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдем, да расскажи мне, кто ты и как сюда попала? — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать — пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с

картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных — красных, голубых и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились, и кудри окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобою!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названого братца Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка

боялась, что Герда при виде ее роз вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит. Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. У девочки и глаза разбежались: тут были цветы всех сортов, всех времен года. Что за красота, что за благоухание! Во всем свете не сыскать было книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке. Так прошло много дней. Герда знала каждый цветочек в саду, но, как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза — старушка забыла ее стереть. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду — нет ни одной!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и, как только они смочили землю — куст мгновенно вырос из нее, такой же свежий, цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землею, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

— Слышишь, бьет барабан? Бум! Бум! Звуки очень однообразны: бум, бум! Слушай заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов!.. В длин-

ном красном одеянии стоит на костре индийская вдова. Пламя вот-вот охватит ее и тело ее умершего мужа, но она думает о живом — о том, кто стоит здесь же, о том, чьи взоры жгут ее сердце сильнее пламени, которое сейчас испепелит ее тело. Разве пламя сердца может погаснуть в пламени костра!

— Ничего не понимаю! — сказала Герда.

— Это моя сказка! — отвечала огненная лилия.

Что рассказал вьюнок?

— Узкая горная тропинка ведет к гордо возвышающемуся на скале старинному рыцарскому замку. Старые кирпичные стены густо увиты плющом. Листья его цепляются за балкон, а на балконе стоит прелестная девушка; она перевесилась через перила и смотрит на дорогу. Девушка свежее розы, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шелестит ее шелковое платье! «Неужели же он не придет?»

— Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

— Я рассказываю свою сказку, свои грезы! — отвечал вьюнок.

Что рассказал крошка-подснежник?

— Между деревьями качается длинная доска — это качели. На доске сидят две маленькие девочки; платьица на них белые, как снег, а на

шляпах развеваются длинные зеленые шелковые ленты. Братишка постарше их стоит на коленях позади сестер, опершись о веревки; в одной руке у него маленькая чашечка с мыльной водой, в другой — глиняная трубочка. Он пускает пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Вот один повис на конце трубочки и колышется от дуновения ветра. Черненькая собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки, а передние кладет на доску, но доска взлетает кверху, собачонка падает, тявкает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются… Доска качается, пена разлетается — вот моя песенка!

— Она, может быть, и хороша, да ты говоришь все это таким печальным тоном! И опять ни слова о Кае! Что скажут гиацинты?

— Жили-были три стройные, воздушные красавицы-сестрицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей совсем белое. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То не были эльфы, но настоящие девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, и девушки скрылись в лесу. Вот аромат стал еще сильнее, еще слаще — из чащи леса выплыли три гроба; в них лежали красавицы-сестры, а вокруг

них порхали, словно живые огоньки, светляки. Спят ли девушки или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

— Вы навели на меня грусть! — сказала Герда. — Ваши колокольчики тоже пахнут так сильно!.. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы были под землей и говорят, что его нет там!

— Динь-дан! — зазвенели колокольчики гиацинтов. — Мы звоним не над Каем! Мы и не знаем его! Мы звоним свою собственную песенку; другой мы не знаем!

И Герда пошла к золотому одуванчику, сиявшему в блестящей, зеленой траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названого братца?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Ранняя весна; на маленький дворик приветливо светит ясное солнышко. Ласточки вьются возле белой стены, примыкающей ко двору соседей. Из зеленой травки выглядывают первые желтенькие цветочки, сверкающие на солныш-

ке, словно золотые. На двор вышла посидеть старушка-бабушка; вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и крепко целует старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идет прямо от сердца. Золото на ее губах, золото в ее сердечке. Вот и все! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Как она скучает обо мне, как горюет! Не меньше, чем горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — у них ничего не добьешься, они знают только свои песенки!

И она подвязала юбочку повыше, чтобы удобнее было бежать, но когда хотела перепрыгнуть через нарцисс, тот хлестнул ее по ногам. Герда остановилась, посмотрела на длинный цветок и спросила:

— Ты, может быть, знаешь что-нибудь?

И она наклонилась к нему, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

— Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю!.. Высоко-высоко в маленькой каморке, под самой крышей, стоит полуодетая танцовщица. Она то балансирует на одной ножке, то опять твердо стоит на обеих и попирает ими весь свет — она ведь один обман зрения. Вот она льет из чайника

воду на какой-то белый кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота — лучшая красота! Белая юбочка висит на гвозде, вбитом в стену; юбка тоже выстирана водою из чайника и высушена на крыше! Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, еще резче оттеняющий белизну платьица. Опять одна ножка взвивается в воздух! Гляди, как прямо она стоит на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу себя, я вижу себя!

— Да мне мало до этого дела! — сказала Герда. — Нечего мне об этом и рассказывать!

И она побежала из сада.

Дверь была заперта лишь на задвижку; Герда дернула ржавый засов, он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге! Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно!

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как болели ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было в воздухе! Листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь белый свет!

Рассказ четвертый. Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго-долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здрррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька? Слова «одна-одинешенька» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все их значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила: не видал ли он Кая?

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть, может быть!

— Как? Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потише, потише! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай! Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай! — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему! Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили! — сказала Герда. — Бабушка — та понимает! Хорошо бы и мне уметь!

— Ну, ничего! — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что только сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и уж позабыла все, что прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом ведь немного, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего ж бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы

только важничать, — это ведь так скучно! И вот созвали барабанным боем всех придворных да и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста, она ручная, разгуливает по дворцу — от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона — каждый ведь ищет жену себе под стать.

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной внешности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою! Народ повалил во дворец валом, пошли давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к

трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее последние слова, а ей вовсе не этого было нужно! Право, их всех точно опаивали дурманом! А вот выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не выносили даже стакана воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но запасливые уже не делились с соседями, думая про себя: «Пусть себе поголодают, отощают — принцесса и не возьмет их!»

— Ну а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Так я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка! — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушел из дома с санками!

— Очень возможно! — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут, на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы все были залиты светом; вельможи расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги так и скрипели, но он и этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нем были новые сапоги! Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

— Да, они таки скрипели порядком! — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе; она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры со своими горничными, служанками горничных, камердинерами, слугами камердинеров и прислужником камердинерских слуг. Кто дальше стоял от принцессы и ближе к дверям, тот важнее, надменнее держал себя. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха, такой он был

важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже!

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — ответил ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моею невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Только бы Кай услышал, что я тут, сейчас бы прибежал за мною!

— Подожди меня тут, у решетки! — сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, усыпанным пожелтевшими осенними листьями, и, когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и радостного нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да-да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, улыбку… Как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз! А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости. Но вот они на площадке лестницы;

на шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, фрекен! — сказала ручная ворона. — Ваша vita — как это принято выражаться — также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим!

— А мне кажется, кто-то идет за нами! — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас — удобнее будет рассмотреть спящих! Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благодарное сердце!

— Есть о чем тут и говорить! Само собою разумеется! — сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, всю обтянутую розовым атласом, затканным цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников.

Одна зала была великолепнее другой — просто оторопь брала. Наконец они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса; другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь: принц проснулся и повернул голову… Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из

кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручонки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на божьих ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы! Все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадью и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названого братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими, как звезды,

гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и форейторов — ей дали и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать к лошадям спиною. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

Рассказ пятый. Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в темный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на нее с криками: «Золото! Золото!» Схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! — сказала старуха-разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

— Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной! — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь как скачет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем — она была ужасно избалованна и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

— Нет! — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка. Он был весь в огромных

трещинах; из них вылетали во́роны и воро́ны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирепо, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы, с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом, пылал огонь; дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки! — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянною решеткой. — Эти двое — лесные плутишки! Их

надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина-бяшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету!

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха-разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на это бедной

девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Курр! Курр!

— Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — там ведь вечный снег и лед! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

— Да, там вечный снег и лед, чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по бескрайним сверкающим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген!

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно! — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам!

— Так слушай! — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли; дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет — тогда я кое-что сделаю для тебя!

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков — нос у девочки покраснел и посинел, — но все это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там ее названый братец. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки

на макушке.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее ради осторожности и подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша! Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной матушки!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе еще два хлеба и окорок! Что? Небось не будешь голодать!

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которой был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девчонку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею.

Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали, а небо вдруг зафукало и выбросило столбы огня.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот Герда очутилась в Лапландии.

Рассказ шестой. Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках. Дома была одна старуха-лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее. Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль с лишком, пока доберетесь до Финмарка, где Снежная королева живет на даче и каждый

вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу пару слов на сушеной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесете ее финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет на учить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала пару слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды все платье, рукавицы и сапоги — иначе девочке было бы чересчур жарко, — положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котел — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина! — сказал олень. — Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра; когда шкипер развяжет один узел — подует попутный ветер, развяжет другой — погода разыграется, а развяжет третий и четвертый — подымется такая буря, что поломает в щепки деревья. Не изготовишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена; финка принялась читать их и читала до того, что ее пот прошиб.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их

надо удалить, иначе он никогда не будет человеком и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— Но не поможешь ли ты Герде как-нибудь уничтожить эту власть?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу! Сила — в ее милом, невинном детском сердечке. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и не мешкая возвращайся обратно!

С этими словами финка подсадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и из глаз его покатились крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась

одна-одинешенька, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние — нет, они бежали по земле прямо на Герду и по мере приближения становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все прибывало, и, когда Герда

окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперед; ангелы гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что делал в это время Кай. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она стоит перед замком.

Рассказ седьмой. Что происходило в чертогах снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы редкий раз устроилась здесь медвежья вечеринка с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи, или составилась

партия в карты с ссорами и дракой, или наконец сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички — нет, никогда этого не случалось! Холодно, пустынно, мертво! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, ровных и правильных на диво. Посреди озера стоял трон Снежной королевы; на нем она восседала, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало в мире.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его стало куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, — которая называется «китайскою головоломкою». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — заня-

тием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края! — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор — Везувия и Этны.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте — такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это-то время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут… Красота, красота!

Скоро узрим мы младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и очень обрадовался.

— Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять

зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблистали, как ее глаза; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно — его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привел с собою молодую оленью матку, вымя ее было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их прямо в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом к лапландке; та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

— Счастливого пути! — крикнули им провожатые.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из леса

навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом. Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить дома, и она захотела побывать на севере, а если там не понравится — и в других местах. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края! — отвечала молодая разбойница.

— А ворон с вороной? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей. Они шли, и на их дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного городка. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми.

Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в царствие небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут… Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теп-

лое, благодатное лето!

Р. Киплинг
Рикки-Тикки-Тави

В нору к смерти лезет смело
Красноглазый Рикки-Тикки:
«Вылезай-ка, Наг, оттуда.
Пропляши нам пляску смерти».
Стали мы друг против друга.
«Начинай-ка, Наг».
Вьются вихрем петли, круги.
«Эй, живее, Наг!»
Одному конец здесь верный.
«Эй, спасайся, Наг!»
Вот и промах беспримерный.
«Горе тебе, Наг!»

Глава I

Это будет рассказ о великой войне, которую вёл Рикки-Тикки-Тави один на один в ванной комнате, на большой даче близ Сеговли в Индии. Дарзи, птичка-портной, помогала ему, а Чучунд-

ра, мускусная крыса, давала ему советы, хотя она никогда не решается выходить на середину комнаты, но всегда жмётся к стенам. Самую же войну вёл один Рикки-Тикки.

Рикки-Тикки был мангуст. Спинкой и хвостом он походил на котёнка, но головою и своими движениями напоминал больше хорька. Глаза его и кончик подвижного носика были розового цвета. Он мог почесать какой угодно, передней или задней, лапкой всякое местечко своего тела. Он мог также распушить свой хвостик, так что он становился совершенно похожим на ламповую щётку. А его боевой крик, когда он бежал среди высокой травы, был: «Рикки-тикки-тикки-чик!»

Однажды в летний день после сильного дождя поток воды вымыл его из норки, где он жил со своими отцом и матерью, и понёс его вниз по канаве, прорытой дождём вдоль дороги. Он барахтался и визжал. Наткнувшись на пучок травы, выступавшей из воды, он схватился за него, но в эту самую минуту лишился чувств. Когда он пришёл в себя, он увидел, что лежал в саду на дорожке под горячими лучами солнца. Над ним склонился маленький мальчик, который говорил:

— Бедный мангустик, он мёртв. Его нужно похоронить.

— Нет, подожди, — сказала его мать, — лучше снеси его в комнату. Пусть он обсохнет. Быть может, он ещё оживёт.

Они взяли мангуста в комнату. Там один высокий человек взял его в руку, посмотрел и сказал, что он не мёртв, но только захлебнулся. Они завернули его в вату и согрели. Мангуст открыл глаза и чихнул.

Этот высокий человек был отец мальчика, англичанин, который только что переехал на эту дачу.

— Теперь не пугайте его, — сказал он. — Мы посмотрим, что он станет делать.

Но испугать мангуста нелегко, так как он весь целиком, от носика до кончика хвоста, состоит из любопытства. Правило жизни всех мангустов: «Бегай и ищи». И Рикки-Тикки был настоящий мангуст. Придя в себя, он прежде всего попробовал вату, в которую он был завёрнут, и решил, что она невкусная. Затем он побежал по столу, присел, чтобы привести в порядок свой наряд, почесался лапкой и после всего вспрыгнул на плечо мальчику.

— Не бойся, Тедди! — сказала мать. — Он хочет с тобой познакомиться.

— Ой, он щекочет мой подбородок, — сказал Тедди. Рикки-Тикки заглянул между воротником и шеей, понюхал у мальчика в ухе, затем стал карабкаться вниз, спустился на пол и уселся, потирая свой носик.

— Трудно поверить, что это дикий зверёк, — сказала мать Тедди. — Я думаю, он ручной оттого, что мы его спасли.

— Все мангусты таковы, — сказал отец Тедди. — Если Тедди не будет хватать его за хвост, не станет сажать его в клетку, он будет весь день бегать самым непринуждённым образом по всему двору и дому. Надо дать ему чего-нибудь поесть.

Мангусту дали кусочек сырого мяса. Окон-

чив завтрак, он выбежал на веранду, уселся на солнышке и взъерошил на себе шерсть, чтобы просушить до корешка каждый волос. После этого он почувствовал себя ещё лучше.

«В этом доме есть очень много интересных вещей, — сказал про себя Рикки-Тикки. — Едва ли случалось кому-либо из моих родственников попасть в такое любопытное место. Надо будет здесь устроиться надолго и всё осмотреть».

День он провёл, бродя по всему дому. Он чуть не утонул в кувшине с водой, сунул свой носик в чернильницу на письменном столе, затем обжёг его о конец дымившейся сигары, которую курил высокий человек, так как взбежал ему на плечо, чтобы посмотреть, как пишут. Вечером он прибежал в детскую, чтобы посмотреть, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки взобрался к нему на подушку. Но он был очень беспокойный товарищ, так как ежеминутно вскакивал и бежал посмотреть, в чём дело, при малейшем шуме, и так в течение всей ночи.

Отец и мать Тедди, подойдя поздно вечером к постели своего сына, увидели, что Рикки очень удобно устроился у него на подушке.

— Ну, это мне, признаюсь, не нравится, — сказала мать Тедди, — он ещё укусит ребёнка.

— Нет, он этого не сделает, — сказал отец Тедди. — С этим маленьким сторожем Тедди может спать спокойнее, чем с бульдогом. Если бы в детскую вздумала как-нибудь забраться змея…

Но мать Тедди замахала руками, не желая и слушать о такой ужасной вещи.

Утром Рикки-Тикки явился к раннему завтраку, на веранду, сидя на плече Тедди. Ему дали банан и

кусочек варёного яйца. Он посидел у каждого, кто был за столом, переходя от одного к другому. Он пожелал познакомиться со всеми обитателями дома, так как всякий благовоспитанный мангуст надеется со временем сделаться домашним мангустом, жить в комнатах и свободно бегать по ним. А мать Рикки, которая жила в Сеговли в доме генерала, позаботилась научить Рикки-Тикки, как нужно вести себя, если случится попасть в европейский дом.

Глава II

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад, чтобы осмотреть там всё достопримечательное. Это был большой полузапущенный сад с высокими кустами прекрасных роз, лимонными и апельсинными деревьями, кустами бамбука и зарослями густой травы. Рикки-Тикки облизнулся от удовольствия.

«О, это великолепное место для охоты», — сказал он себе, и при этой мысли его хвост взъерошился, как щётка.

Рикки стал осматривать внимательно весь сад, как вдруг у куста терновника до него донеслись жалобные звуки.

Это были Дарзи, птичка-портной, и его жена. Они вдвоём выстроили себе на ветке терновника великолепное гнёздышко. Для этого они соединили вместе два больших листа, сшив их края волокнами растений, а пространство между лист-

ками наполнив ватой и пухом. Гнездо качалось в воздухе, а птички сидели на его краю и горько плакали.

— Почему вы плачете? — спросил Рикки-Тикки.

— О, мы очень несчастны, — сказал Дарзи. — Нас постигло большое горе. Один из наших птенчиков вчера выпал из гнезда, и Наг его съел.

— Да, это, конечно, большое несчастье, — сказал Рикки-Тикки. — Но я здесь ещё очень недавно и не знаю, кто такой этот Наг.

Дарзи и его жена не успели ответить, вместо ответа они оба юркнули в своё гнездо. А из высокой травы, из-под куста раздалось густое шипение, ужасное, леденящее душу шипение, которое заставило Рикки-Тикки отпрыгнуть назад на добрых два шага. Затем из травы показалась медленно голова и за нею широкий капюшон Нага, большой чёрной кобры (очковой змеи), которая имела добрых пять футов от головы до хвоста. Приподняв над землёй третью часть своего туловища, змея приостановилась, покачиваясь из стороны в сторону, как качается при ветре цветок одуванчика. Так, качаясь, она смотрела на Рикки-Тикки злобными глазами, которые никогда не меняют своего выражения, что бы ни было у

неё в мыслях.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? — сказала она. — Я, Наг, пред тобою. Великий бог Брама положил эту печать на весь наш род, с тех пор как первая кобра простёрла над ним свой капюшон, чтобы защитить его от солнца, пока он спал. Смотри и ужасайся!

Наг распустил свой капюшон шире обыкновенного, и тогда на задней его стороне Рикки-Тикки увидел знак, который имел форму петельки от металлического крючка. На мгновение на него напал страх, но мангуст не может оставаться испуганным сколько-нибудь долго; да к тому же хотя Рикки-Тикки ещё ни разу не видал живой кобры, но мать его не раз кормила мёртвыми кобрами; и потому он знал, что каждому взрослому мангусту придётся со временем ловить и есть змей. Знал это и Наг, и потому страх объял также и его холодное, жестокое сердце.

— Хорошо, — сказал Рикки-Тикки, и шерсть у него на хвосте стала дыбом, — мне всё равно, есть ли на тебе печать бога Брамы или нет; но разве честно есть маленьких птенчиков, которые выпали из гнезда?

Наг не сразу ответил, всё время упорно не спуская глаз с травы позади Рикки-Тикки. Наг знал,

что если в саду поселился мангуст, то это грозит рано или поздно смертью ему и всему его семейству: нужно было во что бы то ни стало погубить Рикки-Тикки, и для этого он решил отвлечь его внимание от того, что делалось сзади. Наг слегка опустил голову и, поглядывая вбок, сказал:

— Ну, поговорим. Ты попрекаешь меня, что я съел птенчика! Ну а ты разве не ешь яиц? Почему же мне тогда не есть птенцов?

— Оглянись! Посмотри, что сзади! — внезапно запел Дарзи. Рикки-Тикки понял, что не следует терять ни мгновения. И, не оглядываясь, подпрыгнул вверх, так высоко, как только мог, и в то же мгновение как раз под ним просвистела голова Нагайны, злой жены Нага. Она подползла сзади, пока Рикки-Тикки был занят разговором с Нагом, и рассчитывала прикончить его. Но её замысел не удался, и она издала злобное шипение. После прыжка Рикки-Тикки очутился на земле почти у самой спины Нагайны, и, если бы он был старым мангустом, он бы знал, что именно теперь нужно было схватить её и одним ударом перекусить ей спину. Но Рикки-Тикки испугался ответного удара кобры и упустил момент; правда, он укусил её, но недостаточно сильно, и тотчас отпрыгнул назад от взвивавшегося хвоста; а Нагайна уполз-

ла злая и раздражённая.

— Ах ты, негодяй Дарзи! — прошипел Наг, подпрыгивая из травы к гнезду. Но Дарзи построил своё гнездо достаточно высоко, и оно только закачалось на ветке из стороны в сторону.

Рикки-Тикки почувствовал, что глаза его стали горячи и красны. Это значило, что мангуст рассердился. Он присел на задние лапы, опираясь на хвост, как какой-нибудь маленький кенгуру, и огляделся, щёлкая от злости зубами. Но Наг с Нагайной успели уже тем временем скрыться в траве. Рикки-Тикки не стал преследовать Нагов, так как он не был уверен, удалось ли бы ему справиться одновременно с двумя змеями. Поэтому он побежал по дорожке к дому, затем присел и стал обдумывать, что ему предпринять. Вопрос был для него серьёзный.

Глава III

В старых книгах по естественной истории писали, будто, если мангуста в битве укусит змея, он бежит в сторону и ест какую-то траву, которая спасает его. Но это сказка. Мангуст побеждает змею только благодаря верности своего глаза и быстроте своих ног. На удар змеи мангуст отве-

чает прыжком; а движения змеи так быстры, что глаз не может уследить за ними. Поэтому ловкость мангуста, когда он увёртывается от удара бросающейся на него змеи, — вещь гораздо более удивительная, чем всякая волшебная трава, спасающая от змеиного яда.

Рикки-Тикки знал, что он ещё молодой мангуст, и потому он очень был горд своей удачей, когда избежал нападения сзади; это придало ему больше уверенности в себе; и, когда Тедди попался ему навстречу, Рикки-Тикки очень хотел, чтобы его поласкали.

Но в ту минуту, как Тедди остановился, раздался лёгкий шелест на песке и тоненький голосок прозвучал:

— Берегись, идёт смерть!

Это был Карайт, пепельно-серая змейка, которая живёт чаще всего на песчаной почве; её укус так же опасен, как укус кобры. Но она так мала, что никто не подозревает опасности, и потому от неё тем больше гибнет людей.

Глаза Рикки-Тикки опять стали красными, и он стал подпрыгивать и делать странные движения, быстро качаясь из стороны в сторону, которые он унаследовал от своих предков. Эти движения делали его очень забавным, но они имели свою

цель: благодаря таким движениям он мог в любой момент броситься вперёд в любом направлении, а когда приходится нападать на змею, это бывает очень важно. Рикки-Тикки едва ли знал, что ему предстоит выдержать гораздо более опасный бой, чем встреча с коброй. Карайт — очень маленькая змея, и потому она может совершать необыкновенно быстрые движения. И если бы Рикки-Тикки не удалось схватить её за самый затылок, змейка успела бы обернуться и укусить его в глаз или в губу.

Но Рикки-Тикки не знал всего этого. Его глаза налились кровью, а сам он метался то вперёд, то назад, выбирая место, где бы лучше вцепиться в змейку. Вдруг Карайт бросился на него. Рикки прыгнул в сторону, но маленькая змейка чуть было не вцепилась ему в плечи, и, только перекувыркнувшись, он спасся от этого удара: голова змеи мелькнула под самыми пятками Рикки-Тикки.

Тедди закричал на весь дом:

— Смотрите, смотрите! Наш мангуст напал на змею!

И до ушей Рикки-Тикки донёсся крик матери Тедди. Из дому выбежал его отец с палкой, но, прежде чем он прибежал, дело было уже окон-

чено: Карайт скользнул слишком далеко вперёд, а Рикки-Тикки удачно прыгнул за ним, вцепился ему в спину около самой шеи и мгновенно откатился в сторону. Туловище змеи было парализовано, и она перестала быть опасной.

Рикки-Тикки собирался уже приняться за еду, начав по обыкновению всех мангустов с хвоста, как вдруг вспомнил, что обильная еда делает мангуста вялым, а между тем ему нужно было сохранить всю свою подвижность, чтобы во всякий момент быть готовым сразиться с Нагами.

Рикки-Тикки оставил змею лежать на дорожке, а сам направился под куст клещевины, чтобы там вываляться в песке. В это время прибежал отец Тедди и стал колотить палкой мёртвую змею.

«Зачем это он делает? — думал Рикки-Тикки. — Это совершенно не нужно, я уже сделал всё».

Мать Тедди схватила на руки Рикки-Тикки и стала его прижимать, говоря, что Рикки-Тикки послан к ним Провидением, а сам Тедди стоял неподвижно и смотрел на всё широко открытыми, испуганными глазами. Весь этот шум очень забавлял Рикки-Тикки, который никак не мог понять, для чего всё это делается. Он думал, что мать Тедди ласкает его за то, что он валялся в

песке. Во всяком случае, Рикки-Тикки чувствовал себя на верху блаженства.

Вечером за ужином, свободно гуляя по столу среди стаканов, он мог объедаться самыми вкусными вещами. Но он всё время помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, когда его ласкала мать Тедди или когда Тедди усаживал его на своё плечо, но глаза его по временам вспыхивали и становились красными, а из груди вырывался воинственный крик: «Рикки-тикки-тикки-тикки-чик».

Тедди взял его с собою в постель и настойчиво хотел, чтобы Рикки-Тикки улёгся у него на груди. Рикки-Тикки, однако, не хотел ещё спать; но он был достаточно хорошо воспитан, чтобы не сопротивляться, царапать или кусать; он уступил желанию Тедди и лёг, где тот его укладывал, но, когда мальчик уснул, Рикки-Тикки оставил своё место и пошёл странствовать по дому. В темноте он натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая всегда крадётся только вдоль стен. Чучундра — маленькое несчастное существо с разбитым сердцем. Она всю ночь стонет и плачет, всё думая, как бы ей выбежать на середину комнаты, но она ещё ни разу не решалась на подобную дерзость.

— Не убивай меня, — со слезами взмолилась Чучундра. — Рикки-Тикки, не убивай меня!

— Неужели ты думаешь, что истребитель змей станет заниматься охотой на мускусных крыс? — сказал Рикки-Тикки оскорблённым голосом.

— Те, кто убивает змей, часто сами становятся жертвами змей, — сказала Чучундра горестным тоном. — Да притом я постоянно боюсь, что в темноте Наг может принять меня за тебя и убить.

— Ну, этого ты можешь не бояться, — ответил Рикки-Тикки, — так как Наг живёт в саду, а ты, я знаю, никогда не бываешь там.

— Моя сестра Чуа, крыса, рассказывала мне… — внезапно остановилась Чучундра на полуслове.

— Что тебе рассказывала Чуа?

— Шш! Наг везде бывает. Ты лучше поговори сам с Чуа в саду.

— Нет, я не желаю говорить с нею; ты сама расскажи мне всё. Живее, Чучундра, а то я тебя укушу!

Чучундра вместо ответа уселась и горько заплакала, так что слёзы стали скатываться по её усам.

— Я самое несчастное существо в мире. У меня ни разу не хватало духу выбежать на середину комнаты. Шш! Я сейчас не могу ничего тебе сказать. Ты разве ничего не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки стал прислушиваться. Кругом в доме царила мёртвая тишина, но Рикки-Тикки как будто улавливал среди этой тишины едва слышный шелест, какое-то царапанье — звук столь же слабый, какой может производить оса, ползущая по стеклу; но Рикки-Тикки понял, что это был шелест, производимый чешуями змеи по кирпичной стене.

«Это Наг или Нагайна, — догадался он, — они крадутся по водостоку в ванную комнату».

— Да, ты права, Чучундра; мне нужно было бы поговорить с Чуа.

Глава IV

Рикки-Тикки пробежал в ванную комнату Тедди, но здесь он не нашёл ничего подозрительного. Тогда он побежал в ванную матери Тедди. Здесь, внизу у стены, было проделано отверстие, по которому вода из ванны вытекала наружу; обежав ванну, Рикки-Тикки остановился и стал прислушиваться. До него через отверстие водостока донёсся шёпот голосов Нага и Нагайны, которые находились ещё за стеной.

— Когда дом опустеет, — шептала Нагайна, шелестя чешуями и обращаясь к Нагу, — он тоже уйдёт отсюда, и тогда весь сад останется для нас одних, как раньше. Поэтому поскорее иди и помни, что прежде всего нужно укусить высокого человека, который убил Карайта. Покончив с ним, ты выходи сюда, ко мне, и тогда мы оба вместе расправимся с Рикки-Тикки.

— Но уверена ли ты, что когда мы убьём людей, то всё устроится так, как нам нужно?

— Ну конечно! Разве водились здесь, в саду, мангусты, когда в этом доме не было никого? Пока дача была пуста, мы были полные хозяева сада. Не забывай, что скоро у нас выйдут дети из

тех яиц, которые спрятаны на дынной грядке; а они могут вылупиться не сегодня завтра. Тогда нашим детям нужно будет много просторного и спокойного места.

— А я и не подумал об этом, — произнёс Наг. — Да, я пойду. Но думаю, что нам не будет нужно затем ещё охотиться на Рикки-Тикки. Достаточно будет, если я убью большого человека и его жену, да и ребёнка, если случится; я думаю, мы тогда можем быть спокойными. Когда на даче никого не останется, Рикки-Тикки также сбежит с неё.

Рикки-Тикки весь позеленел от злости и бешенства, слушая этот разговор. Но вот в отверстии водостока показалась голова Нага, а затем медленно выползло за нею и длинное пятифутовое его туловище. Как ни был раздражён Рикки-Тикки, но ужас напал на него, когда, сидя за ванной, он увидел, как велика была кобра. Наг уложил свои кольца, приподнял голову и осмотрелся кругом, разглядывая в темноте всё, что было в ванной. И Рикки-Тикки мог слышать при этом шелест его чешуй и видеть блеск его глаз.

«Если я сейчас брошусь на него и убью, то это услышит Нагайна, которая, вероятно, ещё не успела уйти. А если я пойду на него, когда он развернётся на полу, преимущество будет на

его стороне. Как же мне поступить?» — думал Рикки-Тикки.

А Наг медленно шевелился, производя лёгкий шелест, и вдруг Рикки-Тикки услышал, как Наг стал лакать воду из большого кувшина, служившего для наполнения ванны.

— Всё идёт отлично, — прошипела змея. — Когда высокий человек бил Карайта, у него в руках была палка. Он, вероятно, всегда носит с собой палку, но, когда он утром придёт сюда мыться, у него не будет палки. Я подожду его здесь до утра. Нагайна, ты слышала, что я говорил? Я хочу дождаться его здесь, в холодке.

Но из-за стены не последовало ответа.

«Значит, Нагайна ушла», — решил Рикки-Тикки.

Наг обвился кольцами вокруг кувшина, а Рикки-Тикки продолжал сидеть за ванной, неподвижный, как мёртвый. Так пробыл он с добрый час и затем стал приводить в движение своё тело, мускул за мускулом, и, не производя ни малейшего звука, ползти к кувшину. Наг меж тем вздремнул, а Рикки-Тикки рассматривал его толстую спину, выбирая место, где бы лучше вцепиться в него.

«Если мне не удастся перекусить ему спину с первого прыжка, — думал Рикки, — он будет в силах биться; и тогда, бедный Рикки!..»

Рикки-Тикки взглянул на толстую шею под капюшоном и увидел, что ему не охватить это место зубами. Он мог бы охватить туловище только у хвоста, но это значило бы только придать больше силы змее, причинив ей боль.

«Остаётся только одно: вцепиться в затылок, — решил наконец Рикки-Тикки, — в голову над тем местом, где начинается капюшон. А если я вцеплюсь в него, так уж не выпущу, что бы он со мной ни сделал».

Так подумал Рикки и прыгнул. Голова Нага лежала около кувшина. Впустив зубы в крепкий затылок змеи, Рикки-Тикки прижался всем своим гибким и длинным туловищем к красной глине кувшина, чтобы держать голову подальше от себя. Всё это длилось не больше секунды, но этого времени было достаточно, и Рикки-Тикки прочно повис на теле змеи. Мгновение спустя змея стала трясти его во все стороны, стараясь сбросить его со своей головы, как собака трясёт схваченную крысу. Змея бешено вертелась, прыгала, свиваясь кругами, ударяя Рикки-Тикки о пол, об острые края ванны, о тазы, сметая на пол мыльницы, щётки и всё, что попадалось под удары её туловища.

Но Рикки-Тикки с кроваво-красными глазами висел на ней, не разжимая зубов, стискивая челюсти всё крепче и крепче, решившись быть превращённым в котлету, но только не выпускать змеи: этого требовала честь всего рода мангустов. Он не понимал, что с ним делается;

он чувствовал всюду боль, как вдруг сзади него что-то ударило с оглушительным громом; горячий ветер обдал его, и красный огонь опалил его шерсть. Шум, который происходил в ванной комнате, разбудил высокого человека; он прибежал с ружьём и выстрелил в Нага из обоих стволов прямо в шею позади колпака.

Когда змея упала без движения, Рикки-Тикки лежал на земле с закрытыми глазами. Мангуст был уверен, что он уже мёртв.

Высокий человек приподнял его и сказал:

— А этот маленький зверёк, Алиса, на этот раз спас нам жизнь.

Вошла мать Тедди с побледневшим лицом и смотрела на безжизненное туловище Нага; а Рикки-Тикки меж тем встал на ноги и медленно направился к кровати Тедди и всю остальную часть ночи пролежал у него на постели, беспрерывно шевелясь, чтобы убедиться, жив ли он на самом деле, а не изорван в клочки, как ему казалось в бою.

Глава V

Когда наступило утро, он продолжал ещё чувствовать неловкость во всём теле, но на душе у

него было радостно.

«Теперь мне остаётся расправиться с Нагайной; а она одна стоит пяти Нагов. Да надо ещё узнать, где эти яйца, из которых должны скоро вылупиться её детеныши, о которых она говорила. Как бы это узнать? Отлично! Наверное, Дарзи это знает; нужно побежать к нему».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к кусту, где находилось гнездо Дарзи. Тот сидел на ветке и заливался, воспевая подвиги Рикки-Тикки. Весть о смерти Нага успела уже разбежаться по всему саду, так как все видали тело Нага выброшенным в мусорную кучу.

— Ах ты, глупый комок перьев! — с упрёком сказал Рикки-Тикки, услышав беззаботную песню Дарзи. — Разве время теперь петь?!

А Дарзи заливался:

— Наг погиб, он погиб, он погиб! Отважный Рикки-Тикки схватил его за голову и не выпускал её. Пришёл высокий человек с палкой, несущей огонь и гром, и разрубил Нага пополам! Уже никогда более не станет Наг есть моих детей.

— Всё это совершенно верно, но не знаешь ли ты, где Нагайна? — спросил Рикки-Тикки, подозрительно оглядываясь.

— Нагайна отправилась к водостоку, что у ванной комнаты, чтобы позвать оттуда Нага, — опять начал свою песню Дарзи, — и Наг появился из ванной комнаты на конце палки метельщика, чтобы очутиться в мусорной куче. Будем же прославлять великого, красноглазого Рикки-Тикки! — продолжал петь Дарзи.

— Да прекратишь ли ты свои глупые песни, пустоголовый Дарзи! Вот дай только мне добраться до твоего гнезда! Мигом разметаю всех твоих малышей! — закричал выведенный из терпения Рикки. — Как ты не можешь понять того, что теперь не до песен! Вам там хорошо болтаться между землёй и небом в вашем гнезде, а мне-то каково вести войну здесь. Подожди петь, Дарзи, хоть на одну минутку!

— Преклоняюсь пред желанием великого, прекрасного Рикки-Тикки и перестаю петь, — пропел Дарзи. — Что угодно могучему победителю ужасного Нага?

— Я спрашиваю тебя уже десятый раз: где теперь Нагайна?

— На свалке мусора за конюшнями; она оплакивает своего Нага, — прочирикал Дарзи. — Велик и славен красноглазый Рикки-Тикки с белыми зубами!

— Провались ты с моими белыми зубами! Не случалось ли тебе слышать, где она спрятала свои яйца?

— На дынной грядке, на том конце, который ближе к стене, где солнце печёт в течение всего дня. Они лежат там несколько недель.

— И ты, пустая голова, не подумал сказать мне

об этом?! Так на конце, ближайшем к стене, говоришь ты?

— Рикки-Тикки, ты, конечно, не для того спрашиваешь, чтобы съесть эти яйца? — в замешательстве произнёс Дарзи.

— Успокойся, я их есть не буду. Дарзи, я говорю теперь очень серьёзно. Если у тебя есть хоть капелька мозгов, так пойди и летай за конюшнями, около свалочной кучи, притворись, будто у тебя сломано крыло, для того чтобы отвести Нагайну подальше от дынной грядки, хотя бы даже к своему кусту. Я тем временем сбегаю к тому месту, где она спрятала яйца. Если я сейчас отправлюсь туда, то она меня заметит.

Дарзи был самым легкомысленным существом, и в его набитой пухом головке сразу могло поместиться никак не более одной мысли. Он знал, что дети Нагов выводятся из яиц, похожих на его собственные яйца, и потому совершенно не мог допустить, что Рикки-Тикки станет уничтожать эти яйца. Но жена Дарзи была капельку поумнее самого Дарзи; она кое-как сообразила, что из яиц кобры выходят потом маленькие кобры. Поэтому она оставила Дарзи согревать птенчиков и воспевать хвалу Рикки-Тикки, а сама полетела к дынной грядке. Она стала летать неподалёку от мусорной кучи и жалобно кричать:

— Ох, моё крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камень и попал мне в крыло!

И она продолжала порхать над самой землёй и горько жаловаться на своё несчастье.

Нагайна подняла голову и прошипела:
— Это ты предупредила Рикки-Тикки о том,

что я собираюсь его убить. Теперь тебе придётся плохо. Нельзя сказать, чтобы ты нашла для себя подходящее место летать со сломанным крылом. — И Нагайна направилась к жене Дарзи, быстро скользя по голой земле.

— Ах, как мне больно! Мальчик перешиб мне крыло камнем! — пронзительно чирикала жена Дарзи.

— Отлично! Могу сказать тебе в утешение, прежде чем ты будешь мертва, что я скоро сведу счёты с твоим мальчиком. Мой Наг покоится в мусорной куче, но ещё не успеет закатиться солнце, как мальчик из дома будет лежать столь же спокойно, как он. Ну чего ты улетаешь от меня? Ведь всё равно я тебя догоню, минутой раньше, минутой позже! Да ну же, маленькая дурочка, посмотри на меня!

Но жена Дарзи отлично знала, что не следует смотреть на Нагайну. Она знала, что птичке достаточно взглянуть в глаза змее, чтобы потерять от страха способность двинуться с места. Поэтому, не оглядываясь, жена Дарзи продолжала перепархивать с места на место, жалобно крича, и Нагайна, разозлённая её упрямством, поползла скорее.

Рикки-Тикки слышал, как она направилась

вверх по тропинке, которая вела от конюшен к дому, и, не теряя ни мгновения, устремился к дынной грядке, к месту около стены. Здесь в тёплой подстилке из соломы, на которой лежали дыни, он нашёл двадцать пять искусно скрытых яиц, величиной с самое маленькое куриное яйцо, покрытых мягкой беловатой плёнкой, но без твёрдой скорлупы.

— Еще бы день, и было бы уже поздно, — сказал себе Рикки-Тикки.

Он видел сквозь полупрозрачную оболочку яиц маленьких свёрнутых змеёнышей; он знал, что минуту спустя после своего выхода из яйца каждый из этих змеёнышей может убить человека

или мангуста. Поэтому он стал как можно скорее откусывать концы яиц и убивать маленьких кобр; по временам он переворачивал подстилку, чтобы посмотреть, не упустил ли он какого-нибудь яйца. Наконец остались неуничтоженными только три яйца; Рикки-Тикки начал уже внутри себя торжествовать, что ему удалось так легко покончить с детьми Нагов, как вдруг он услышал отчаянный крик жены Дарзи:

— Беги, Рикки-Тикки, живее! Я отвела Нагайну к самому дому, и тут она внезапно вползла на веранду — ох, не могу выговорить — и затевает, вероятно, убийство. Беги, беги скорее!

Глава VI

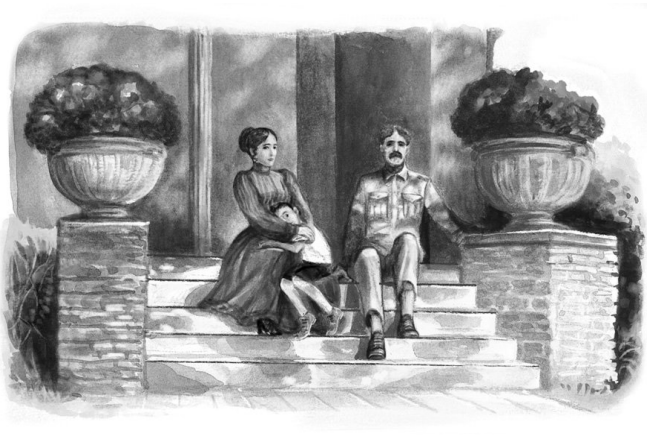
Рикки-Тикки молниеносно раздавил два яйца и с третьим яйцом в зубах помчался от грядки к дому, не чувствуя земли под ногами. Взбежав одним махом на веранду, он нашёл здесь Тедди с матерью и отцом за ранним завтраком. Но, взглянув на них, Рикки-Тикки увидел, что они оба и не думают о еде. С бледными как мел лицами они сидели неподвижно на своих стульях, как статуи. Нагайна лежала, свернувшись на полу около стула Тедди, рядом с голой ногой Тедди. Она

злобно покачивала своей головой и победоносно шипела:

— Сын высокого человека, который убил моего Нага! Я ещё не приготовилась укусить тебя, поэтому сиди смирно и жди. Сидите неподвижно все вы трое. Если вы тронетесь с места, я укушу его, если вы будете сидеть неподвижно, я тоже укушу его. О, горе вам, глупые люди, которые убили моего Нага!

Глаза Тедди были устремлены на отца, который мог только шёпотом произнести:

— Сиди, Тедди, смирно. Смотри не шевелись. Умоляю тебя, не шевелись, Тедди!



В эту минуту Рикки-Тикки выпрыгнул на середину веранды и закричал:

— Рикки-тикки-тикки-тикки-чик! Оглянись, Нагайна, повернись и сражайся!

— На всё есть своё время, — ответила Нагайна, не сводя своего взора с Тедди и не оборачиваясь, — и с тобой я ещё успею свести счёты. Взгляни на своих друзей, Рикки-Тикки. Они бледны и

неподвижны, они оцепенели от страха. Они не смеют шевельнуться, и, если ты сделаешь ещё хоть один шаг ближе, я укушу его.

— А не пожелаешь ли, Нагайна, взглянуть на свои яйца, что на дынной грядке у стены? — произнёс Рикки-Тикки. — Пойди и полюбуйся на них, Нагайна.

При этих словах большая змея слегка повернула голову и увидала на полу веранды яйцо.

— Ах! — вскрикнула она. — Отдай мне его!

Рикки-Тикки положил яйцо между лапками, и глаза его стали кроваво-красными.

— О, Нагайна, дорогое это яйцо! Что ты мне за него дашь? За молодую кобру? Да за какую ещё! За единственную молодую кобру! За последнюю, за самую последнюю из всего твоего рода, Нагайна? Потому что муравьи уже едят всех остальных молодых кобр там, на дынной грядке.

Нагайна сделала крутой поворот, забывая ради яйца всё остальное; и Рикки-Тикки видел, как отец Тедди протянул свою сильную руку, схватил Тедди за плечо и перетащил его на другую сторону чайного столика, где Нагайна не могла его достать.

— А, не удалось! Рикки-тикки-чик! — засмеялся Рикки-Тикки. — Мальчик в безопасности; и вот

теперь пред тобой, Нагайна, — я; я — тот самый, который сегодня утром схватил твоего Нага за колпак в ванной комнате.

Сказав это, Рикки-Тикки стал подпрыгивать на всех четырёх лапках, держа голову всё время у самой земли.

— Он швырял меня во все стороны, но он не мог сбросить меня с себя. Он был мёртв ещё до того, когда высокий человек разрубил его пополам. Это я убил его, Рикки-тикки-чик-чик! Подходи же ко мне, Нагайна, подходи и вступай со мной в бой! Тебе недолго придётся пробыть одинокой вдовой.

Нагайна видела, что она упустила минуту, когда могла убить Тедди, а яйцо её было в лапах Рикки-Тикки.

— Отдай мне моё яйцо, Рикки-Тикки. Отдай мне моё последнее яйцо, и я обещаю, что уйду отсюда и никогда не вернусь обратно, — говорила она умоляющим голосом и опустив свой капюшон.

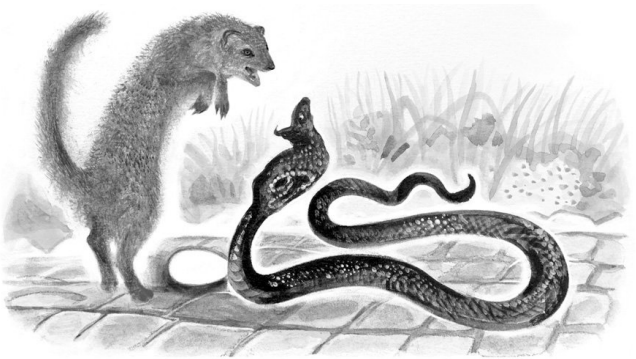
— Ты говоришь, что уйдёшь и никогда не вернёшься? Да, ты уйдёшь и не вернёшься, потому что ты уйдёшь к своему Нагу в мусорную кучу. Нет, не разговаривай, а сражайся со мною! Сражайся поскорее! Высокий человек пошёл за ружьем. Так сражайся!

Рикки-Тикки стал делать прыжки вокруг Нагайны, остерегаясь приближаться к ней на расстояние её удара, и глаза его были красными, как раскалённые уголья.

Нагайна подобрала своё туловище и устремилась на него. В то же мгновение Рикки-Тикки сделал прыжок вверх и в сторону. Она стала наносить удар за ударом, но Рикки-Тикки всякий раз удачным прыжком увёртывался от удара, и было слышно, как при этом голова змеи стукалась всякий раз о циновку веранды. Тогда Рикки-Тикки стал прыжками заходить сзади Нагайны, но Нагайна описывала быстрые повороты, свёртываясь и развёртываясь, как часовая пружина, и всё время держала свою голову как раз против головы Рикки-Тикки. Своими быстрыми движениями она производила шелест, подобный тому, который производит ветер, подымая сухие листья.

Рикки-Тикки, прыгая вокруг Нагайны, забыл про яйцо. Оно продолжало лежать на полу веранды, и Нагайна незаметно всё больше и больше приближалась к нему. Вдруг, в то время как Рикки-Тикки переводил дыхание, она схватила яйцо в рот, круто повернулась на лестницу, которая вела в сад, и стрелой пустилась вдоль по дорожке. За ней понёсся Рикки-Тикки. Рикки-Тикки знал,

что он во что бы то ни стало должен нагнать Нагайну, если же он её упустит, то всё дело он должен будет начинать сначала.



Нагайна направилась в заросли густой и высокой травы около куста, где было гнездо Дарзи. И когда Рикки-Тикки подбегал к кусту, он мог слышать, что легкомысленный Дарзи продолжает беззаботно воспевать подвиги Рикки-Тикки. Но жена Дарзи была умнее его. Когда Нагайна

проскальзывала мимо её куста, она слетела с гнезда и замахала крылышками у самой головы Нагайны. Если бы ей помогал ещё и Дарзи, им, быть может, удалось бы остановить Нагайну. Но одна жена Дарзи не смогла это сделать; Нагайна только прижала к земле свою голову и продолжала свой путь. Впрочем, Нагайна потеряла при этом несколько мгновений, и это помогло Рикки-Тикки догнать её как раз в тот момент, когда она проскользнула в ту нору, где жила вместе с Нагом. Рикки-Тикки успел запустить свои мелкие белые зубки в хвост Нагайны и исчез вместе с нею в тёмном отверстии норы. Немногие мангусты, даже самые старые и опытные, решаются преследовать кобру в её норе. Во мраке норы Рикки-Тикки не мог видеть, нет ли впереди расширения, которое позволило бы Нагайне повернуться и нанести ему удар. Он крепко держал зубами хвост Нагайны и, упираясь лапками в тёплую влажную землю, старался мешать Нагайне двигаться глубже.

Когда Рикки-Тикки исчез в глубине норы и трава у входа в нору перестала качаться, Дарзи решил, что Рикки-Тикки погиб, и запел:

— Погиб наш храбрый Рикки-Тикки. Пропоём ему погребальную песнь! Нет уже нашего славного Рикки-Тикки. Наверное, извела его уже под

землёй ужасная Нагайна!

Так пел Дарзи свою самую грустную песенку, какую ему когда-либо приходилось петь, которую он сочинил в одну минуту. И вот, когда он дошёл до самого трогательного места своей песенки, вдруг опять закачалась трава над отверстием норы и из неё показался весь покрытый пылью Рикки-Тикки. Он медленно вышел, вытянув, лапку за лапкой, своё длинное тело, и стал отря-

хиваться и облизывать свою мордочку. Увидев его, Дарзи сразу замолк и слегка вскрикнул, а Рикки-Тикки, почистившись и умывшись, чихнул и сказал:

— Всё кончено. Нагайна никогда больше не придёт сюда.

И красные муравьи, которые живут между стеблями травы, услыхали слова Рикки-Тикки и толпами устремились вниз, в нору, чтобы по-

смотреть, правду ли сказал Рикки-Тикки.

А Рикки-Тикки свернулся калачиком тут же в траве и уснул. Он спал долго и проснулся, только когда день склонялся к вечеру. Он сильно устал, потому что день выпал для него очень тяжёлый.

Пробудившись, он сказал:

— Теперь я пойду в дом. А ты, Дарзи, отыщи кузнеца и скажи ему, чтобы он оповестил весь сад, что Нагайны уже больше нет на свете.

Кузнец — это птичка, которая издаёт звук, очень похожий на удар небольшого молотка по медной кастрюле. А стучит кузнец своим молоточком потому, что в его обязанности лежит оповещать всю округу о событиях дня и рассказывать все новости всем, кто пожелал бы послушать. Он исполняет среди населения индусского сада те же обязанности, как и городской глашатай в индусском городе.

Когда Рикки-Тикки выбежал на дорожку сада, он услышал сначала звук маленького гонга, который обозначал приглашение ко вниманию; за тонкими высокими нотами последовали другие, более густые:

— Динг-донг-ток! Наг мёртв — донг! Нагайна мертва — донг-донг-ток!

Услышав эту весть, все птицы залились в один

голос, закричали и лягушки, так как Наг и Нагайна также не брезговали и лягушками и ели их наряду с мелкими птичками.

Когда Рикки пришёл в дом, отец и мать Тедди встретили его радостными криками, ласкали его, чуть не плакали от радости, узнав, что он остался жив.

За ужином он ел, не думая ни о чём, до тех пор пока не почувствовал, что больше есть уже некуда. Он отправился спать на плече Тедди, и здесь нашла его мать Тедди, когда поздно вечером заглянула в детскую.

— Он спас нам всем жизнь, — сказала она, обращаясь к отцу Тедди. — Подумай только, он спас нас всех от смерти.

Рикки-Тикки проснулся и вспрыгнул, так как все мангусты спят очень чутким сном.

— А, это вы, — сказал он. — О чём это вы ещё толкуете? Ведь все кобры уже мертвы; а если бы заглянули сюда какие-либо другие, так ведь я же здесь.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но он не стал слишком зазнаваться и продолжал стеречь весь сад так, как стерегут мангусты: бегая, прыгая, осматривая, кусая. С этих пор кобра не решалась показать свою голову за ограду дачи.

Песенка Дарзи

(В честь Рикки-Тикки-Тави)

Я всё шью и пою, я певец и портной.
Вот под сенью кустов и мой дом из листов,
Сшитых тонкой травой.
Я пою мою песнь, она льётся, всё льётся.
И мой дом из листочков всё шьётся,
Всё шьётся.

Пойте все, веселитесь, не бойтесь!
Подымите головки, скорей успокойтесь!
Он погиб, наш горе-мучитель.
Он уж мёртвый лежит, наша смерть,
Наш губитель.

Бич, что жил среди роз, для нас
Больше не страшен:
Он уж в мусорной куче, он нам не опасен.

Где ж герой? Расскажите вы,

Кто наш спаситель?

И как имя его? Кем убит наш губитель?

Так узнайте ж героя: то храбрый

Наш Рикки!

Это он наш спаситель, красноглазый наш Тикки!

Рикки наш, белозубый, прекрасный!

Тикки наш, красноглазый, ужасный!

Благодарность, о птицы, ему воздавайте!

Попышней наряжайтесь,

С почётом встречайте.

Соловьиные песни ему возносите.

Ну, все вместе начнёмте! За мною следите.

Так начнём:

«Твои подвиги я воспою, славный Рикки,

Пышнохвостый красавец, красноглазый наш

Тикки!..»

(На этом месте Рикки-Тикки прервал песню Дарзи, и потому конец её остался неизвестным.)

Как верблюд получил свой горб

В этой сказке я расскажу вам, как верблюд получил свой горб.

В начале веков, когда мир только возник и животные только принимались работать на человека, жил верблюд. Он обитал в Ревущей пустыне, так как не хотел работать и к тому же сам был ревуном. Он ел листья, шипы, колючки, молочай и ленился напропалую. Когда кто-нибудь обращался к нему, он фыркал «фрр...», и больше ничего.

В понедельник утром пришла к нему лошадь с седлом на спине и удилами во рту. Она сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка возить вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Лошадь ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явилась собака с палкой в зубах и сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка служи и носи вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Собака ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явился вол с ярмом на шее и сказал:

— Верблюд, а верблюд! Иди пахать землю вместе с нами.

— Фрр… — ответил верблюд.

Вол ушёл и рассказал об этом человеку.

В конце дня человек призвал к себе лошадь, собаку и вола и сказал им:

— Знаете, мне очень жаль вас. Верблюд в пустыне не желает работать, ну и шут с ним! Зато вы вместо него должны работать вдвое.

Такое решение очень рассердило троих трудолюбивых животных, и они собрались для совещания где-то на краю пустыни. Там к ним подошёл верблюд, пережёвывая молочай, и стал смеяться над ними. Потом он сказал «фрр…» и удалился.

Вслед за тем появился повелитель всех пустынь Джинн в целом облаке пыли (Джинны, будучи волшебниками, всегда путешествуют таким способом). Он остановился, прислушиваясь к совещанию троих.

— Скажи нам, владыка пустынь, Джинн, — спросила лошадь, — справедливо ли, чтобы кто-нибудь ленился и не хотел работать?

— Конечно нет, — ответил Джинн.

— Так вот, — продолжала лошадь, — в глубине твоей Ревущей пустыни живёт зверь с длинной

шеей и длинными ногами, сам ревун. С утра понедельника он ещё ничего не делал. Он совсем не хочет работать.

— Фью!.. — свистнул Джинн. — Да это мой верблюд, клянусь всем золотом Аравии! А что же он говорит?

— Он говорит «фрр…», — ответила собака, — и не хочет служить и носить.

— А ещё что он говорит?

— Только «фрр…» и не хочет пахать, — ответил вол.

— Ладно, — сказал Джинн, — я его проучу, подождите здесь минутку.

Джинн снова закутался в своё облако и помчался через пустыню. Вскоре он нашёл верблюда, который ничего не делал и смотрел на собственное отражение в луже воды.

— Эй, дружище! — сказал Джинн. — Я слышал, будто ты не хочешь работать. Правда ли это?

— Фрр… — ответил верблюд.

Джинн сел, подперев подбородок рукой, и стал придумывать великое заклинание, а верблюд всё смотрел на своё отражение в луже воды.

— Благодаря твоей лени трое животных с утра понедельника принуждены были работать за тебя, — сказал Джинн и продолжал обдумывать

заклинание, подперев подбородок рукою.

— Фрр… — ответил верблюд.

— Фыркать тебе не следует, — заметил Джинн. — Ты уж слишком много фыркаешь. А вот что я тебе скажу: ступай работать.

Верблюд снова ответил «фрр…», но в это время почувствовал, что его ровная спина, которой он так гордился, вдруг стала вздуваться, вздуваться и, наконец, на ней образовался огромный горб.

— Видишь, — сказал Джинн, — этот горб у тебя вырос потому, что ты не хотел работать. Сегодня уже среда, а ты ещё ничего не делал с самого понедельника, когда началась работа. Теперь настал и твой черёд.

— Как же я могу работать с такой штукой на спине? — заявил верблюд.

— Я это устроил нарочно, — сказал Джинн, — так как ты пропустил целых три дня. Отныне ты сможешь работать три дня без всякой пищи, и горб прокормит тебя. Ты не вправе жаловаться, будто я о тебе не позаботился. Бросай свою пустыню, иди к трём друзьям и веди себя как следует. Да поворачивайся живее!

Как верблюд ни фыркал, а пришлось ему взяться за работу вместе с остальными животными. Однако он и до сих пор ещё не наверстал тех трёх

дней, которые пропустил с самого начала, и до сих пор ещё не научился вести себя как следует.